ОНОРЕ ДЕ БАЛЬЗАК

ТЕМНОЕ ДЕЛО

Темное дело
Оноре де Бальзак

Аннотация
Оноре де Бальзак. Темное дело
«Вся мерзость их деяний...»
Темное дело
Глава 1. Иуда
Глава 2. Преступный замысел
Глава 3. Козни Малена
Глава 4. Маска сброшена
Глава 5. Лоранс де Сен-Синь
Глава 6. Жизненный уклад и портреты рояли-стов в эпоху Консулата
Глава 7. Домашний обыск
Глава 8. Тайник в лесу
Глава 9. Неудачи полиции
Глава 10. Лоранс и Корантен
Глава 11. Реванш полиции
Глава 12. Любовь не выбирает
Глава 13. Добрый совет
Глава 14. Обстоятельства дела
Глава 15. Правосудие согласно Кодексу от 3 брю-мера IV года
Глава 16. Аресты

Глава 17. Сомнения адвокатов
Глава 18. Марту вводят в заблуждение
Глава 19. Слушания в суде
Глава 20. Неожиданный поворот
Глава 21. В бивуаке императора
Глава 22. Сумрак рассеивается

Аннотация

Сенатор Мален был видным политическим деятелем Французской Республики. У него было немало врагов, многие жаждали отомстить ему… И вот однажды в его роскошный замок ворвалась группа неизвестных, вооруженных до зубов. Средь бела дня Малена похитили. За расследование берется политическая полиция. Но стоит ли доверять ее сотрудникам? Ведь они всегда преследуют свои цели…

Заговоры и предательства, жажда власти и политические интриги, а главное – вероломное похищение!

Оноре де Бальзак
Темное дело

© Shutterstock. com / CreativeHQ, Sibrikov Valery, Stocksnapper, LiliGraphie, обложка, 2018

© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», издание на русском языке, 2018

© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», перевод и художественное оформление, 2018

«Вся мерзость их деяний…»

Оноре де Бальзак (1799–1850) — крупнейший французский писатель, один из основоположников реализма в европейской литературе. Родился в Туре, в семье крестьянина из Лангедока. В 1807–1813 годах учился в Вандомском коллеже, затем — в Парижской школе права, одновременно работая у нотариуса писцом. Однако вскоре он отказался от юридической карьеры и полностью посвятил себя литературе. После 1823 года Бальзак, следуя литературной моде, опубликовал несколько романов под различными псевдонимами в духе «пламенного романтизма», которые позже сам называл «сущим литературным свинством». Лишь в 1831 году у писателя возник замысел «Человеческой комедии» — огромной серии романов и повестей, рисующих монументальную картину современной жизни. Бальзак видел свою «Человеческую комедию» как художественную историю Франции — такой, какой она стала после Великой революции. Этому труду он посвятил всю последующую жизнь, стяжав репутацию одного из величайших прозаиков

XIX века. Его книги оказали заметное влияние на творчество таких крупных писателей, как Чарльз Диккенс, Федор Достоевский, Эмиль Золя и Уильям Фолкнер.

К 1841 году, когда было написано «Темное дело», уже увидели свет такие шедевры Бальзака, как «Силуэт женщины» (1830), «Гобсек» (1830), «Шагреневая кожа» (1831), «Евгения Гранде» (1833), «Отец Горио» (1835), «Блеск и нищета куртизанок» (1838). Все они впоследствии вошли в цикл «Этюды о нравах». Но в начале сороковых годов столетия писатель обратился к политической жизни страны — и обнаружил в ней те же пороки, присущие человечеству во все времена: неверность, интриги, коварство, слепую жестокость, откровенное предательство, ложь и корыстное манипулирование людьми.

Именно тогда из-под его пера вышел блестящий политический детектив — тот роман, который вы держите в руках. Избранный жанр не мог не повлиять на стиль писателя — в «Темном деле» его проза становится суше, четче, прозрачнее и энергичнее, а местами поразительно напоминает отдельные пассажи из романов Жоржа Сименона, написанных на сотню лет позже. С одной лишь разницей — в те времена, когда со-

здавалось «Темное дело», сыщик просто не мог быть положительной фигурой. «Ищеек» не романтизировали, чаще всего им приписывались злонамеренность, подлость и духовная низость. И не без оснований — о ведомстве Жозефа Фуше, министра полиции времен возвышения Наполеона Бонапарта, ходило немало мрачных и кровавых легенд. Вот почему «Темное дело» написано, по словам Бальзака, с целью «изобразить политическую полицию в ее столкновении с частной жизнью, показать всю мерзость их деяний».

Как и во всяком хорошем детективе, в романе есть пружина, приводящая в движение сложно организованный сюжет. События «Темного дела» развиваются в 1803–1806 годах, но в их основе лежит реальное историческое событие — похищение сенатора Клемана де Ри. Однако это похищение — всего лишь один из ходов в борьбе между бонапартистами, в те годы повсюду видевшими роялистские заговоры, и старой аристократией, хранившей верность династии Бурбонов. Сам факт существования этой внутренней оппозиции новому режиму приводил в ярость тайную полицию даже тогда, когда роялисты не строили никаких козней и не вмешивались в политику.

Методы тайной полиции во все времена одинаковы: не беда, что подходящего заговора нет — его не так уж сложно организовать. Или, по крайней мере, обвинить группу молодых обитателей замка Сен-Синь в уголовно наказуемом деянии, направленном против правительства. Вот тут-то и пригодится похищение сенатора…

Под предлогом «наведения законного порядка и спокойствия в стране» тайная полиция в союзе с наполеоновской знатью творит свои темные дела. И единственная цель «похищенного» сенатора — при поддержке всемогущего министра завладеть замком опальных аристократов. Налицо типичная полицейская провокация, каких во все времена было множество и какими по сей день не гнушаются спецслужбы. Жозеф Фуше, один из злых гениев эпохи Наполеона I, был величайшим мастером подобных операций — недаром, уже уходя в 1810 году в отставку, он сжег и спрятал практически все важнейшие документы своего министерства, поэтому подлинные масштабы его деяний историкам трудно оценить.

На страницах «Темного дела» часто мелькают известные исторические персонажи — Наполеон I, Талейран, тот же Фуше, но в конечном счете не они интересуют Бальзака. На острие его

беспощадного и остроумного психологического анализа — тот, кто является прямым исполнителем чужой политической воли: абсолютно беспринципный «политик на подхвате», готовый ради обогащения и титулов на любые преступления и подлости. Перед нами — тот самый тип публичных деятелей, который слишком хорошо знаком сегодняшнему читателю. Роман великого француза, написанный более 170 лет назад, с удивительной точностью перекликается с нашей современностью.

Темное дело

Господину Маргону в знак признательности за гостеприимство в замке Саше.

Де Бальзак

Глава 1
Иуда

Осень 1803 года выдалась одной из красивейших в начале XIX столетия, в тот период, который мы теперь именуем эпохой Империи. Октябрьские дожди напоили луга живительной влагой, кроны деревьев до середины ноября оставались зелеными. Французы мало-помалу уверовали в особое взаимопонимание между Небесами и Бонапартом, к этому времени уже пожизненным консулом, что в немалой степени способствовало укреплению его авторитета; и удивительное дело — в тот знаменательный день, в 1812 году, когда солнце обмануло ожидания императора, успех также изменил ему[1]… Пятнадцатого ноября того же года, около четырех пополудни, ярко освещенные вершины столетних вязов, выстроившихся в четыре ряда вдоль дороги, ведущей к господскому дому, казались припорошенными красной солнечной пылью; поблескивали в лучах дневно-

[1] Примечания: 1

«Вот солнце Аустерлица!» — воскликнул Наполеон, обращаясь к своим офицерам 26 августа 1812 года перед Бородинским сражением. Этой фразой он хотел напомнить о победе, одержанной им под Аустерлицем 2 декабря 1805 г. (*Здесь и далее примеч. пер., если не указано иное.*)

го светила и песок, и густой травянистый ковер огромного рон-пуэна[2] — такие еще можно найти за городом, где земля некогда была так дешева, что ее не скупясь использовали в декоративных целях. Воздух был так чист, а погода так хороша, что некое семейство расположилось возле своего дома, словно летом. Мужчина в зеленой тиковой охотничьей куртке, с зелеными же пуговицами, в коротких штанах и гетрах из той же ткани, доходивших до колен, и в туфлях с тонкими подошвами чистил карабин с аккуратностью и старанием, подобно опытным охотникам в минуты досуга. При нем не было ни ягдташа, ни дичи, ни чего-либо еще, что наводило бы на мысль о том, что он собирается на охоту или уже успел вернуться, и две сидящие неподалеку женщины взирали на него с нескрываемой тревогой. Если бы кто-то, затаившись в кустах, наблюдал в этот момент за происходящим, он, вне всяких сомнений, содрогнулся бы так же, как содрогались пожилая теща и жена этого мужчины. Здесь, в департаменте Об, простой охотник не соблюдает стольких предосторожностей, отправляясь в лес за добычей, и не берет с собой тяжелый нарезной

[2] Примечания: 2

Рон-пуэн (фр. *rond-point*) — лужайка или клумба, обычно круглой либо овальной формы, разбитая на месте пересечения аллей.

карабин.

— Ты хочешь подстрелить косулю, Мишю́? — спросила у него молодая красавица супруга, пытаясь изобразить на лице улыбку.

Прежде чем ответить, Мишю внимательно посмотрел на своего пса. Тот еще недавно грелся на солнце, положив морду на вытянутые лапы, — это живописная поза, какую часто принимают охотничьи собаки, — но теперь встал и настороженно принюхивался, поводя носом то в сторону аллеи длиною четверть лье, начинавшейся прямо возле дома, то в сторону проселочной дороги, которая подходила к рон-пуэну слева.

— Нет, — отвечал Мишю, — я охочусь на хищника, которого ни за что не упущу, — на рысь!

Пес, великолепный белый с коричневыми пятнами спаниель, зарычал.

— Вон оно что, — проговорил Мишю себе под нос, — шпионы! Окрестности просто кишат ими!

Мадам Мишю горестно воздела очи к небу. При взгляде на эту красивую голубоглазую блондинку с фигурой античной статуи, задумчивую и настороженную, можно было подумать, что ее снедает черная тоска. Внешность ее супруга отчасти объясняла тревогу, испытываемую обеими женщинами. Законы физиогномики точны,

причем применительно не только к людским характерам, но и к судьбам. Иные физиономии можно назвать пророческими. Если б только можно было (и эта живая статистика оказалась бы весьма полезной для общества!) получить точные портреты тех, кто закончил свои дни на эшафоте, наука Лафатера[3] и Галля[4] неоспоримо доказала бы, что головы всех этих людей, даже невиновных, имеют странные особенности. Да, рок клеймит особой печатью черты человека, которому суждено погибнуть насильственной смертью! Такая отметина, очевидная для искушенного взгляда, имелась и на выразительном лице мужчины с карабином. Мишю был небольшого роста, коренастый, с движениями порывистыми и по-обезьяньи ловкими и при этом обладал весьма спокойным нравом. Черты его белого, с красными прожилками лица казались смещенными к центру, как у калмыка, и рыжие вьющиеся волосы придавали ему зловещее вы-

[3] Примечания: 3

Лафатер Иоганн Каспар (1741–1801) — швейцарский поэт и богослов, автор «Физиогномических фрагментов», в которых выдвинут ряд ненаучных положений о соответствии черт лица характеру человека. (*Примеч. ред.*)

[4] Примечания: 4

Галль Франц Иосиф (1758–1828) — австрийский анатом, пытавшийся на основании формы черепа делать заключения о душевных свойствах и мыслительных способностях человека. (*Примеч. ред.*)

ражение. Желтоватые, как у тигра, глаза Мишю были глубоко посажены, и взгляд всякого, кто решался на него посмотреть, мог утонуть в них, как в бездне, так и не обнаружив ни волнения, ни тепла. Неподвижные, сияющие и суровые, они повергали в ужас. Постоянное противоречие между застывшим взором и проворным телом лишь усиливало леденящее кровь впечатление, которое Мишю производил при первой встрече. Он был из тех, кто быстро переходит от мысли к действию, и мысль эта всегда была предельно ясна и конкретна; так в природе все живое беспрекословно подчиняется инстинкту. С 1793 года Мишю носил окладистую бороду, и даже не будь он во времена послереволюционного террора председателем клуба якобинцев, одной этой рыжей бороды было бы достаточно, чтобы наводить на всех ужас. Его сократовскую физиономию с курносым носом венчал высокий лоб, настолько выпуклый, что он, казалось, нависал над лицом. Уши неплотно прилегали к голове и отличались своеобразной подвижностью, подобно ушам дикого зверя, который всегда настороже, а рот был постоянно чуть приоткрыт — привычка, свойственная многим сельским жителям, — так что видны были зубы, пусть и неровные, зато

крепкие и белые, как миндальные орехи. Белое лицо, на котором кое-где проступали красные пятна, обрамляли густые блестящие бакенбарды. Волосы, остриженные коротко спереди и чуть длиннее — по бокам и на затылке, их ярко-рыжий цвет лишь подчеркивал все необычное и фатальное, что было в этой физиономии. Шея, короткая и толстая, словно просилась под топор правосудия. Охотничий пес то и дело поглядывал на хозяев. В тот момент лучи солнца падали на эту троицу — мужа, жену и тещу — сбоку, превосходнейшим образом освещая их лица. Декорации, на фоне которых разворачивалась эта сцена, были великолепны. Рон-пуэн располагался на окраине парка в Гондревилле — без преувеличения красивейшем имении департамента Об и одном из богатейших во Франции. Роскошные вязовые аллеи, шато[5], построенное по эскизам Мансара[6], обнесенный оградой парк площадью полторы

[5] Примечания: 5

Шато (фр. *chateau*) — принятое во Франции название роскошного загородного дома, принадлежащего аристократическому семейству, часто с парком и винодельческим хозяйством.

[6] Примечания: 6

Мансар Франсуа (1598–1666) — архитектор, зачинатель классицизма во Франции. (*Примеч. ред.*)

сотни арпанов[7], девять больших ферм, лес, луга, несколько мельниц… До Революции все это поистине королевское великолепие принадлежало семейству де Симёз. Фамилия эта происходила от названия фьефа[8] в Лотарингии и поначалу произносилась чуть иначе, но об этом все уже давно забыли.

Значительное состояние дворянского рода де Симёз, состоявшего на службе у Бургундского дома, восходит к временам, когда де Гизы враждовали с династией Валуа. Ришелье, а затем и Людовик XIV не забыли о том, как преданно служили де Симёзы мятежному Лотарингскому дому, поэтому путь к королевскому двору им был заказан. Тогдашний маркиз де Симёз, закоренелый бургиньонец[9], гизар[10], лигер[11] и

---

[7] Примечания: 7

Старинная французская единица измерения площади, составлявшая порядка 3 424,6 м^2.

[8] Примечания: 8

Фьеф (фр. *fief*) — ленное поместье.

[9] Примечания: 9

Т.е. сторонник Бургундского дома.

[10] Примечания: 10

Т.е. сторонник де Гизов.

[11] Примечания: 11

Католическая лига — объединение французского католического духовенства и дворянства под эгидой герцогов Гизов в период Гугенотских войн.

фрондер (так уж вышло, что он унаследовал все четыре резона быть недовольным королевской властью), обосновался в Сен-Сине. Этот отвергнутый Лувром придворный женился на вдове графа де Сен-Синя, отпрыска младшей ветви именитого рода де Шаржбёф (одного из самых знатных в старинном графстве Шампань), впоследствии стяжавшей не менее громкую славу, нежели старшая ветвь, и еще большее богатство. Вместо того чтобы сорить деньгами при дворе, маркиз, один из богатейших представителей своего времени, построил Гондревилльский замок и со временем присовокупил к нему близлежащие угодья, расширив тем самым свои собственные — чтобы обеспечить себе отличную охоту. В Труа[12], по соседству с отель-де-Сен-Синь[13] он построил отель-де-Симёз. Долгое время в Труа не было каменных построек, кроме этих двух особняков и резиденции епископа. Свое ленное владение Симёз маркиз продал герцогу Лотарингскому. В правление Людовика XV сын его растратил все накопления и даже часть отцовского состояния, но впоследствии стал командующим эскадрой, а

[12] Примечания: 12
Город, административный центр департамента Об.

[13] Примечания: 13
В данном контексте «отель» — богатый городской особняк.

потом и вице-адмиралом и доблестной службой искупил ошибки юности. Последний маркиз де Симёз, отпрыск этого морехода, окончил жизнь на эшафоте в Труа, оставив двух сыновей-близнецов, которые эмигрировали, разделив тем самым участь дома Конде, и в настоящее время находились за границей.

При «великом маркизе» (так в семействе де Симёз именовали предка, воздвигнувшего Гондревилль) рон-пуэн служил местом сбора охотников. По его приказу еще во времена Людовика XIV тут же был построен охотничий домик и назван павильоном Сен-Синь. Деревня Сен-Синь располагалась на краю леса Нодем (искаженное «Нотр-Дам»), и к ней-то и вела аллея вязов, где пес Мишю по кличке Курó учуял шпионов. После смерти «великого маркиза» павильон пришел в запустение: вице-адмирал де Симёз чаще бывал в море и при дворе короля, нежели в Шампани, и его сын отдал обветшалую постройку Мишю, где тот и проживал начиная с 1789 года.

То было изящное строение из кирпича, по углам отделанное каменной кладкой с затейливыми резными узорами. Таким же образом были окаймлены двери и окна. Окружала дом красивая кованая ограда, ныне источенная ржавчиной,

за которой начинался глубокий и широкий ров, обсаженный могучими деревьями и щетинящийся по краям стальными арабесками, чьи бесчисленные острия преграждали путь злоумышленникам.

Расстояние от рон-пуэна до парковой стены было довольно велико. За ее пределами начинался красивый, поросший вязами склон, формой напоминавший полумесяц. Такой же склон, засаженный экзотическими деревьями, имелся и на территории парка. Сложенные вместе, эти два «полумесяца» образовывали круг, в котором и находились рон-пуэн и охотничий домик. В обветшалых комнатах первого этажа Мишю обустроил конюшню, хлев, дровяной сарай и кухню. О былой роскоши здесь напоминала лишь прихожая, пол которой был выстлан черными и белыми мраморными плитами; попасть сюда со стороны парка можно было через дверь с маленькими квадратными стеклами — такие можно было увидеть в Версале, пока Луи-Филипп не превратил его в «богадельню французской славы»[14]. Внутри павильона имелась централь-

[14] Примечания: 14

Так Бальзак называет открытый во дворце в 1837 г. по приказу короля Луи-Филиппа Музей истории Франции, призванный увековечить «все то, чем славна Франция».

ная деревянная лестница — источенная червями, но не утратившая своего очарования. Она вела к пяти комнатам второго этажа, потолки в которых были несколько низковаты. Над ними простирался огромный чердак. Венчала это почтеннейшее здание четырехскатная крыша с гребнем, украшенным парой свинцовых букетов, и четырьмя слуховыми окошками, которые не зря так любил Мансар: во Франции аттики и плоские «итальянские» крыши — нонсенс, против которого протестует даже климат. Мишю хранил здесь сено. Часть парка, примыкавшая к павильону, была оформлена в английском стиле. В сотне шагов от павильона когда-то было озерцо, ныне превратившееся в изобилующий рыбой пруд. Он напоминал о себе легким туманом над кронами деревьев да тысячеголосым хором лягушек, жаб и других земноводных, которые с заходом солнца становятся особенно шумливыми. Ветхость дома, глубокое безмолвие парка, вид уходящей вдаль дороги, лес в отдалении, изъеденная ржавчиной ограда, каменная кладка, укрытая мхами, словно бархатом, тысяча других мелочей — все в облике этого здания, существующего и поныне, дышало поэзией.

В тот момент, когда началась эта история, Ми-

шю стоял, опершись о замшелый парапет, на котором были разложены пороховница, картуз, носовой платок, отвертка и ветошь — словом, все необходимое для его подозрительного занятия. Стул, на котором сидела его жена, стоял возле входной двери, над которой все еще можно было рассмотреть искусно высеченный в камне герб де Симёзов с прекрасным девизом: «Су meurs!»[15] Теща Мишю, одетая на крестьянский манер, поставила стул напротив дочери — так, чтобы та, спасаясь от сырости, могла поставить ноги на перекладину.

— Мальчик в доме? — спросил Мишю у жены.

— Убежал на пруд. Медом его не корми, дай повозиться с лягушками и всякими жуками, — отвечала мать Марты.

Мишю свистнул так, что обе женщины вздрогнули. Быстрота, с какой его сын явился на зов, свидетельствовала о деспотизме управляющего Гондревиллем. С 1789 года (а с 1793-го[16] — тем паче) он был едва ли не полновластным хозяином

---

[15] Примечания: 15
«Умру, не отступив!»

[16] Примечания: 16
Народное восстание 31 мая — 2 июня 1793 г. способствовало переходу государственной власти в руки вождей якобинцев — небольшой политической группировки, настроенной на дальнейшее решительное и бескомпромиссное развитие революции.

усадьбы. При одном упоминании о нем трепетали не только его жена, теща, слуга-подросток по имени Гошé и служанка Марианна, но и все соседи на десять лье вокруг. Думается, причину этого стоит объяснить не откладывая, чтобы закончить тем самым нравственный портрет Мишю.

Пожилой маркиз де Симёз распродал имущество в 1790 году, однако события развивались слишком стремительно, и он не успел передать имение Гондревилль в надежные руки. По обвинению в переписке с герцогом Брауншвейгским и принцем Кобургским маркиза с супругой бросили в тюрьму, а затем революционный трибунал в Труа, возглавляемый отцом Марты, приговорил их к смертной казни. Прекрасные владения де Симёзов в Обе были конфискованы государством и проданы. К удивлению и даже ужасу толпы, управитель Гондревилля, сделавшийся с некоторых пор председателем клуба якобинцев в Арси, приехал в Труа, дабы присутствовать на казни маркиза и маркизы. Его, крестьянского сына и сироту, по распоряжению маркизы де Симёз взяли в господский дом, где он и вырос. Хозяева всегда были к нему очень добры и впоследствии назначили главным управляющим, так что в глазах иных особо экзальтированных особ Мишю

предстал новым Брутом; что же касается жителей Оба, то после этой черной неблагодарности они и вовсе перестали его замечать. Купил имение с торгов некий житель Арси по фамилии Марьон, человек, занимавшийся адвокатской практикой как до, так и после Революции. Дед его некогда служил у де Симёзов экономом. Этот Марьон откровенно побаивался Мишю, а потому назначил его управляющим с жалованьем три тысячи франков в год, пообещав выплачивать ему также долю дохода от продажи древесины. Мишю, у которого, по слухам, уже имелось порядка десяти тысяч франков, пользуясь реноме патриота, женился на дочери кожевника из Труа, деятельного революционера и председателя революционного трибунала. Кожевник этот искренне верил в то, что делает, и характером напоминал Сен-Жюста, но позднее оказался замешан в заговоре Бабёфа и, дабы избежать общественного осуждения, покончил с собой. Его дочь Марта слыла первой красавицей в Труа и при этом была трогательно стыдлива: отец буквально заставил ее выступить в роли богини Свободы на одной республиканской церемонии. За семь лет новый владелец посетил Гондревилль не больше двух раз. Припомнив, что дед его был у старого мар-

киза экономом, в Арси решили, что гражданин Марьон действует в интересах молодых господ де Симёзов. Что же касается управляющего, то в эпоху террора он, как настоящий патриот, зять главы революционного трибунала в Труа и человек, которому благоволит депутат от департамента Об г-н Мален, снискал определенное уважение своих сограждан. Однако после поражения монтаньяров[17] и самоубийства тестя Мишю стал козлом отпущения: ему, как и покойному отцу Марты, поспешили приписать массу неблаговидных деяний, к которым он уж точно не имел ни малейшего отношения. Мишю воспринял несправедливость толпы болезненно, и поведение его стало откровенно враждебным, а речи — дерзкими. После 18 брюмера[18] он хранил молчание, которое само по себе является философией сильной личности; перестав сражаться с общественным мнением, Мишю занялся своими

[17] Примечания: 17

Монтаньяры — члены политической партии, возникшей во время Великой французской революции и возглавляемой Маратом, Дантоном и Робеспьером. Эта партия имела широкую поддержку в массах и у представителей т. наз. третьего сословия. Ратовала за централизацию и социальные реформы.

[18] Примечания: 18

Имеется в виду т. наз. переворот 18 брюмера (9 ноября 1799 г.), в результате которого было создано новое правительство во главе с Наполеоном Бонапартом.

делами. Столь разумное поведение снискало ему славу человека скрытного, поскольку земель у него было по меньшей мере на сто тысяч франков. Тратиться ему было особо не на что, и все свое имущество Мишю приобрел честным путем, использовав для этого наследство, полученное от тестя, и личные накопления из тех шести тысяч франков годового дохода, которые давало ему место управляющего. Должность эту Мишю занимал в течение последних двенадцати лет, так что размер его сбережений мог подсчитать любой желающий; когда после провозглашения Консулата[19] он купил ферму за пятьдесят тысяч франков, жители Арси приписали ему, бывшему монтаньяру, намерение сколотить большое состояние и тем самым снова заставить всех себя уважать. К несчастью, когда о Мишю уже почти забыли, произошел глупейший случай, породивший в окрестностях новую волну слухов и воскресивший мнение о нем как о человеке крайне жестоком.

Однажды вечером вместе с несколькими знакомыми крестьянами, в числе которых был и

[19] Примечания: 19

Консулат — *здесь:* период в истории Франции (1799–1804), когда страной управляли три консула. Должность первого консула занимал Наполеон Бонапарт.

фермер из усадьбы Сен-Синь, Мишю возвращался из Труа. Управляющий уронил на дорогу листок бумаги, и этот фермер, шедший последним, наклонился и поднял его. И тут Мишю оборачивается и, видя свой листок в руке у фермера, умеющего читать, выхватывает из-за пояса пистолет, заряжает его и грозит бедолаге, что вышибет ему мозги, если только тот посмеет развернуть бумагу! Действия Мишю были так внезапны и яростны, голос так грозен, а глаза полыхали таким гневом, что очевидцы этого происшествия похолодели от ужаса. Фермер из Сен-Синя и без того недолюбливал Мишю. Из родового имущества у его хозяйки, мадемуазель де Сен-Синь, кузины де Симёзов, остался господский особняк и одна-единственная ферма. Жила она исключительно ради своих кузенов-близнецов, с которыми в детские годы часто виделась в Труа и Гондревилле. Ее единственный брат, Жюль де Сен-Синь, эмигрировавший раньше де Симёзов, погиб под Майнцем, но согласно дарованной представителям этого рода редчайшей привилегии, о которой мы расскажем позже, фамилии де Сен-Синь суждено было сохраниться даже при отсутствии наследников мужского пола. Стычка между фермером из Сен-Синя и Мишю надела-

ла в округе много шума и еще больше сгустила покров тайны, которым окутал себя управитель; однако это было не единственное обстоятельство, заставлявшее соседей смотреть на него с опаской. Через несколько месяцев после этого происшествия в Гондревилль наведались граждане Марьон и Мален. Поговаривали, что Марьон намеревается продать имение этому человеку, сумевшему обратить политические события в свою пользу и незадолго до этого назначенному первым консулом в Государственный совет — в благодарность за услуги, оказанные 18 брюмера. Самые проницательные умы маленького городка Арси тут же пришли к заключению, что Марьон — ставленник гражданина Малена, а вовсе не де Симёзов. Всемогущий государственный советник был самой значительной фигурой в Арси. Он определил друга, разделявшего его политические взгляды, в префектуру Труа, добился освобождения от воинской повинности для сына фермера из Гондревилля по фамилии Бовизаж и услужил еще очень многим. Так что продажа Гондревилля не вызвала ни малейшего осуждения в окру́ге, где Мален царил в ту пору и царствует доныне. Это было на рассвете Империи. Те, кто сейчас читает о Французской революции, не в состоянии даже

вообразить, сколь масштабные изменения пришлось претерпеть общественному сознанию в промежутках между значительными событиями того времени, хотя они, казалось бы, и следовали одно за другим. После жесточайших социальных потрясений люди хотели мира и спокойствия, а потому легко забывали важные события прошлого. История быстро устаревала, чему в немалой мере способствовало возникновение новых интересов. Поэтому никто, кроме Мишю, не стал доискиваться до подноготной этой сделки; всем и так все было ясно. Марьон, в свое время купивший Гондревилль за шестьсот тысяч франков ассигнациями, продал его за миллион экю; при этом фактически Мален заплатил только за право регистрации. Гревен, его приятель по семинарии, охотно оформил эту сомнительную сделку, и государственный советник отблагодарил его, назначив нотариусом в Арси. Когда новость об этом дошла до павильона Сен-Синь (принес ее арендатор по фамилии Груаж, чья ферма располагалась между лесом и господским парком), Мишю побледнел и вышел из дому; некоторое время он подстерегал Марьона и в конце концов встретил его на парковой аллее.

— Мсье продает Гондревилль?

— Да, Мишю, продаю. У вас будет новый хозяин, могущественный человек. Государственный советник Мален — друг первого консула и на короткой ноге со всеми министрами. Он о вас позаботится.

— Значит, вы выкупили имение для него?

— Я этого не говорил, — отвечал Марьон. — В то время я не знал, куда поместить капитал, и ради собственной безопасности решил приобрести конфискованное имущество. Однако мне не пристало быть владельцем усадьбы, в которой мой отец…

— …был всего лишь слугой, экономом? — резко заметил Мишю. — Так значит, вы ее все-таки продаете? Я хочу купить эту усадьбу, и денег у меня хватит.

— У тебя?

— Да, у меня. И я не шучу. Даю восемьсот тысяч франков золотом.

— Восемьсот тысяч франков? Откуда они у тебя? — спросил Марьон.

— Вас это не касается, — отвечал Мишю. Затем, смягчившись, добавил еле слышно: — Мой тесть спас не одну жизнь…

— Ты опоздал, Мишю, дело сделано.

— Так отмените его, мсье! — вскричал управ-

ляющий, хватая хозяина за руку и сжимая ее, будто в тисках. — В округе меня ненавидят, а я хочу быть богатым и влиятельным. Мне нужен Гондревилль! Знайте, жизнью своей я не дорожу. Вы продадите мне усадьбу, или вам не жить…

— Дайте мне хоть немного времени, чтобы уладить дело с Маленом; он шутить не любит.

— Даю вам сутки. Если хоть словом об этом кому-то обмолвитесь, оторву вам голову, как цыпленку.

Той же ночью Марьон с Маленом покинули Гондревилль. Марьон испугался и пересказал этот разговор государственному советнику, предупредив его, что за управляющим следует приглядывать. В сложившихся обстоятельствах Марьон попросту не мог не отдать усадьбу тому, кто в действительности за нее заплатил, однако Мишю производил впечатление человека, не способного ни понять, ни признать этого. Следует добавить, что услуга, оказанная г-ну Малену Марьоном, положила начало политической карьере последнего, а также карьере его брата. В 1806 году Мален назначил адвоката Марьона первым председателем имперского суда, а когда был создан институт генеральных сборщиков

налогов[20], добыл такую должность в Обе для брата Марьона. Мален приказал бывшему владельцу Гондревилля пожить некоторое время в Париже, и по его просьбе министр полиции приставил к тому охрану. Дабы не подтолкнуть Мишю к крайним мерам, а может, и для того, чтобы было проще за ним присматривать, Мален оставил управляющего на посту, но под строгим надзором нотариуса из Арси. Мишю же с тех пор стал еще более замкнутым и задумчивым, и за ним закрепилась репутация человека, способного на любое злодейство. Мален, один из авторов Гражданского кодекса, чьи полномочия государственного советника с легкой руки первого консула были приравнены к министерским, играл значительную роль в Париже, где приобрел один из красивейших частных особняков пригорода Сен-Жермен, а незадолго до этого женился на единственной дочери г-на Сибюэля, попавшего в немилость богатого подрядчика, которого и устроил к Марьону, в фискальное ведомство женералитета Об. В Гондревилль Мален приезжал всего один раз, доверив следить за его интересами

[20] Примечания: 20

Подразумевается должность сборщика налогов в женералитете — административно-территориальной фискальной единице в дореволюционной Франции.

Гревену. Да и потом, чего ему, бывшему депутату Конвента, опасаться со стороны бывшего председателя клуба якобинцев Арси? Но неприязнь, которую испытывал к Мишю простой люд, разделяла и буржуазия; Марьон, Гревен и Мален без всяких объяснений и не компрометируя себя указали на него как на крайне опасного человека. Министр национальной полиции распорядился, чтобы местные власти держали управляющего под наблюдением, поэтому опровергать подобные представления никто не спешил. В окру́ге скоро начали удивляться, как это Мишю вообще не лишили должности; нашлось и объяснение такой снисходительности — потому, что все его боятся. Надо ли объяснять, отчего так печалилась мадам Мишю? Мать воспитала ее очень набожной, и, будучи добрыми католичками, обе женщины в свое время настрадались из-за убеждений и поступков отца и супруга. Марта краснела при одном воспоминании о том, как шествовала в одеянии богини по улицам Труа. Отец принудил ее выйти за Мишю, чья дурная репутация в те времена только росла и крепла, и Марта так боялась мужа, что даже не пыталась судить его поступки. И все же, несмотря ни на что, она чувствовала, что супруг ее любит,

и в глубине своего сердца испытывала к этому страшному человеку нежнейшую привязанность; никогда на ее памяти он не сделал ничего дурного и не был груб, по крайней мере с ней; наоборот, Мишю, насколько это было в его силах, старался предугадать ее желания. Несчастный пария, он искренне полагал, что внушает жене отвращение, а потому почти все время проводил вне дома. Они с Мартой жили, не открывая друг другу своего сердца, в состоянии, которое мы сегодня называем «мир на грани войны». Марта, которая редко выезжала из дома, болезненно переносила осуждение толпы, вот уже семь лет величавшей ее не иначе как «дочерью палача», а ее мужа — «предателем». Не раз приходилось ей слышать, как обитатели фермы Беллаш, расположенной на равнине, по правую сторону от дороги, и арендуемой Бовизажем, по сей день поминавшим де Симёзов добрым словом, говорили, проходя мимо павильона: «В этом доме живут Иуды!» Казалось, своим поведением управляющий еще больше оправдывал поразительное внешнее сходство между ним и тринадцатым апостолом Христа; отсюда и пошло это ужасное прозвище, распространившееся по округе. Вот этими-то несчастьями и постоянной смутной тре-

вогой о будущем и объяснялась задумчивость и угнетенное состояние Марты. Ничто не омрачает душу больше, чем незаслуженное унижение, от которого некуда деться… Словом, это семейство парий на фоне живописной природы, для Шампани достаточно нетипичной, просто просилось на полотно.

— Франсуа! — крикнул управляющий, заставляя сына поторопиться.

Франсуа Мишю было десять лет, и он чувствовал себя в лесу и парке полновластным хозяином: собирал ягоды и охотился, не зная ни огорчений, ни забот. Он был единственным счастливым существом в этой семье, обреченной на одиночество не только потому, что павильон находился в уединенном месте, между парком и лесом, но и по причине всеобщего отвращения.

— Собери здесь все и отнеси на место, — сказал отец сыну, указывая на парапет. — Да смотри мне! Ты должен любить отца и мать.

Мальчик подбежал, чтобы его поцеловать, но Мишю, переставив карабин, удержал его.

— Тебе случалось рассказывать чужим, что делается дома? — спросил он, устремляя на сына взгляд страшных, как у дикого кота, глаз. — Запомни хорошенько, Франсуа: сообщать о том, что

ты здесь видишь и слышишь, каким бы безобидным тебе это ни казалось, Гоше, людям с фермы Груаж или Беллаш и даже Марианне, которая нас любит, — это все равно что убить своего отца. Никогда больше так не делай, и я прощу тебе вчерашнюю болтовню…

Мальчик заплакал.

— Не реви! А если тебя станут расспрашивать, отвечай как заправский крестьянин: «Знать ничего не знаю!» В окрестностях бродят чужаки, и они мне не нравятся. Ну все, беги! А вы меня слышали? — спросил Мишю у женщин. — Вы тоже попридержите языки.

— Супруг мой, что ты задумал?

Мишю тщательно отмерил порох и засыпал его в дуло карабина, после чего прислонил оружие к парапету и сказал Марте:

— Никто не знает, что у меня есть этот карабин. Встань-ка так, чтобы его не было видно!

Куро с яростным лаем вскочил на ноги.

— Молодец, мой мальчик! — похвалил его Мишю. — Это наверняка шпионы.

Оба, хозяин и пес, чувствовали, что за ними наблюдают. Казалось, у Мишю и Куро одна душа на двоих и они сосуществуют в полной гармонии, как живут в пустыне араб и его конь. Управляю-

щий досконально знал оттенки лая своего пса, а тот угадывал мысли хозяина по глазам и по исходящему от его тела запаху.

— Что ты об этом скажешь? — тихо спросил Мишю у жены, указывая на два зловещих существа, которые только что возникли на боковой дорожке и теперь направлялись к рон-пуэну.

— К чему бы это? Они из Парижа? — спросила мать Марты.

— Явились наконец, — отозвался Мишю, а потом сказал жене на ухо: — Да спрячь же мой карабин! Они идут к нам.

Глава 2
Преступный замысел

Внешность двоих парижан, подходивших к павильону со стороны рон-пуэна, вряд ли удивила бы художника. У того, что явно был пониже рангом, были сапоги с отворотами, опущенными так низко, что видны были тощие икры в узорчатых шелковых чулках сомнительной чистоты. Кюлоты[21] из шерстяной в рубчик материи абрикосового цвета с металлическими пуговицами были ему великоваты, а потому нисколько не стесняли движений; затертые складки на ткани свидетельствовали о том, что их владелец бóльшую часть времени проводит в кабинете за столом. Открытый пикейный жилет, богато украшенный вышивкой, был застегнут на одну пуговицу над животом, что придавало облику неряшливость, как и черные завитые волосы, спадавшие на щеки и закрывавшие лоб. На поясе болтались две стальные цепочки для часов. Рубашку украшала булавка с бело-голубой камеей.

---

[21] Примечания: 21

Кюлоты (фр. *culotte*) — короткие, застегивающиеся под коленями штаны, которые имели право носить только аристократы.

Фрак светло-коричневого цвета с длинными фалдами, сзади напоминавшими хвост трески[22], был настоящей находкой для карикатуриста (к слову, мода на такие фраки просуществовала десять лет — почти столько же, сколько империя Наполеона). Свободно повязанный галстук с многочисленными мелкими сборками позволял своему хозяину зарываться в него до самого носа. Прыщеватое лицо с широким и длинным носом кирпичного цвета, высокими скулами и жадным ртом чревоугодника, в котором недоставало зубов, крупные золотые серьги в ушах, низкий лоб — все эти детали могли бы показаться гротескными, если бы их не делал такими свирепыми взгляд его крошечных, похожих на свиные глаз — неумолимо алчный, насмешливо жестокий и наигранно веселый. Эти голубые, как лед, и такие же холодные глаза — ищущие, проницательные — вполне могли бы послужить моделью для знаменитого «глаза» — грозной эмблемы полиции, изобретенной во время Революции. В руке, затянутой в черную шелковую перчатку, незнакомец держал тросточку. Судя по манере держаться и брать щепотку табаку, это,

[22] Примечания: 22

Досл. с франц. *habit à queue de morue* — «сюртук с хвостом, как у трески».

безусловно, был чиновник средней руки — из тех, что всячески подчеркивают собственную значимость и мгновенно бросаются исполнять приказы вышестоящих лиц.

Костюм второго незнакомца был выдержан в том же духе, однако выглядел более элегантно, был продуман до мелочей и украшал своего владельца. На нем были поскрипывающие при ходьбе сапоги а-ля Суворов, с заправленными в них облегающими штанами, а поверх рубашки был накинут спенсер — по аристократической моде, перенятой золотой молодежью и клишистами[23], которая, кстати, пережила и тех и других. Да, в те времена моды существовали дольше, чем партии, — это примета анархии, которую мы наблюдали и в 1830 году. На вид этому заправскому мюскадену[24] было лет тридцать. Судя по манерам, это был человек из хорошего общества. Безделушки, которые он имел при себе, были дорогими, воротничок рубашки доходил ему

---

[23] Примечания: 23

Члены политического Клуба Клиши, созданного пострадавшими в эпоху Террора членами Конвента и правыми журналистами.

[24] Примечания: 24

Мюскадены (от франц. *muscadin* — «пользующийся мускусным парфюмом») — представители «золотой молодежи», которые после переворота 9 термидора преследовали на улицах Парижа санкюлотов и якобинцев. Отличались вычурно-щегольскими нарядами.

до ушей. Фатоватый, даже несколько нелепый вид его свидетельствовал о скрытом чувстве собственного превосходства. В лице не было ни кровинки; маленький курносый нос наводил на мысль о черепе с его сардонической усмешкой; зеленые глаза его были непроницаемы, а их взгляд так же сдержан, как и выражение губ, тонких и плотно сжатых. Первый незнакомец представлялся едва ли не добряком в сравнении с этим сухим и тощим молодым человеком, помахивавшим тросточкой с золотым, сверкающим на солнце набалдашником. Первый, судя по виду, способен был отрубить голову, тогда как второй — заманить в сети клеветы и интриг самоё невинность, красоту и добродетель с тем, чтобы впоследствии хладнокровно утопить ее или же отравить. Краснолицый утешал бы свою жертву грубыми шутками — тот, другой, даже не улыбнулся бы. Первому было лет сорок пять, и, судя по всему, он любил хорошо поесть и развлечься с дамами — словом, имел пристрастия, которые делают ему подобных рабами своей профессии. Тот, что помоложе, не имел ни страстей, ни пороков. Если он и был сыщиком, то тяготел скорее к дипломатии и работал «из любви к искусству». Он составлял план, а напарник его исполнял; он

был идеей, а тот, другой, — формой, которую эта идея принимала.

— А скажите-ка, добрая женщина, далеко ли до Гондревилля? — спросил молодой.

— В наших краях не говорят «добрая женщина», — отвечал Мишю. — Мы до сих пор так наивны, что обращаемся друг к другу «гражданин» и «гражданка».

— Неужели? — спросил молодой мужчина с таким видом, словно ответ управляющего совершенно его не удивил.

Картежникам, в особенности тем, кто предпочитает экарте́[25], когда они в выигрыше, случается испытывать некое внутреннее замешательство при виде нового игрока, усаживающегося напротив, чьи повадки, взгляд, голос и манера тасовать карты предвещают поражение. Так случилось и с Мишю: при виде молодого чиновника внутри у него словно что-то оборвалось. Это было как предчувствие смерти; у него перед глазами возник эшафот, а внутренний голос шепнул, что этот мюскаден сыграет в его судьбе роковую роль, хотя пока что их ничего и не связывает. Поэтому-то Мишю заговорил с приезжими так дерзко; он

---

[25] Примечания: 25
Карточная игра.

хотел показаться грубым и преуспел в этом.

— Ваш хозяин — государственный советник Мален? — спросил второй мужчина.

— Я сам себе хозяин, — отвечал Мишю.

— Дамы, осмелюсь спросить, — продолжал молодой самым любезным тоном, — далеко ли до Гондревилля? Господин Мален ждет нас.

— Там начинается парк. — Мишю указал на открытую калитку.

— А почему вы прячете от нас карабин, прелестное дитя? — спросил жизнерадостный спутник молодого чиновника; проходя через калитку, он приметил за спиной у мадам Мишю оружейное дуло.

— Ты всегда начеку, даже за городом! — с улыбкой заметил второй.

Заподозрив неладное, парижане вернулись. Управляющий угадал ход их мыслей, хотя лица у обоих остались непроницаемо спокойными. Марта показала им карабин; ее действия сопровождались громким лаем Куро. Она уверила себя, что ее супруг замыслил что-то недоброе, и почти обрадовалась проницательности незнакомцев. Мишю бросил в ее сторону взгляд, заставивший женщину содрогнуться, взял в руки карабин и демонстративно вставил в него пулю. Он смирил-

ся с фатальными последствиями этой встречи; собственная жизнь более ничего для него не значила, и жена наконец поняла причину его зловещей решимости.

— Видно, у вас здесь водятся волки? — спросил у Мишю тот из парижан, что был помоложе.

— Где есть овцы, всегда будут и волки. Вы в Шампани, и прямо перед вами простирается лес, где, помимо волков, водятся дикие кабаны и другое зверье, крупное и помельче. У нас тут чего только нет! — с насмешкой ответствовал Мишю.

Приезжие переглянулись.

— Держу пари, Корантен, — сказал тот из них, что был постарше, — это и есть мой Мишю!

— Мы вместе с вами свиней не пасли, — сказал управляющий.

— Тут вы правы. Но оба председательствовали в якобинских клубах, гражданин Мишю, — отвечал старый циник, — вы — в Арси, я — в другом месте. Вот только, милейший, учтивость в духе «Карманьолы»[26] давно не в моде!

— Похоже, этот парк очень велик, мы можем заблудиться. Если вы — управляющий, дайте нам кого-то в провожатые. Мы идем в господский

---

[26] Примечания: 26

Песня, очень популярная во времена Французской революции.

дом, — тоном, не допускающим возражений, заявил Корантен.

Мишю свистнул, подзывая сына, и снова занялся карабином. Корантен окинул Марту безучастным взглядом; его же спутнику она явно понравилась. Он заметил, что женщина сильно встревожена, — в отличие от старого развратника, куда больше заинтересовавшегося карабином. Казалось бы, мелочь, однако она позволяла понять различия в их характерах.

— По ту сторону леса у меня кое с кем назначена встреча, — проговорил управляющий, — поэтому я не могу услужить вам лично. Это мой сын, он проводит вас к господскому дому. По какой дороге вы прибыли в Гондревилль? Не лучше ли было зайти через Сен-Синь?

— У нас тоже были дела в лесу, — сказал Корантен без малейшего намека на иронию.

— Франсуа, — сказал Мишю, — проводи господ к замку, но так, чтобы их никто не увидел; они не любят ходить проторенными тропами. Однако сперва подойди ко мне, — добавил он, не спуская глаз с чужаков, которые, переговариваясь вполголоса, уже удалялись по дорожке.

Мишю поднял сына и поцеловал его почти торжественно, чем лишь подтвердил опасения

жены. У Марты по спине пробежал холодок, и она растерянно посмотрела на мать, зная, что плакать ей ни в коем случае нельзя.

— Теперь беги! — Управляющий отпустил мальчика и смотрел ему вслед до тех пор, пока тот не скрылся из виду.

Тут Куро залился лаем, поглядывая в сторону фермы Груаж.

— Никак Виолетт едет! — воскликнул Мишю. — В третий раз за утро… Что бы это могло означать? Хватит, Куро!

Через пару мгновений послышался топот лошадиных копыт.

Показался Виолетт на лошадке, каких обычно держат в хозяйстве фермеры в окрестностях Парижа. Его коричневое лицо под круглой широкополой шляпой было изрезано морщинами, отчего казалось более темным, чем было на самом деле. В серых глазах, лукавых и блестящих, таилось вероломство. Худые ноги в белых полотняных гетрах болтались рядом со стременами, и создавалось впечатление, что вес его тела держат грубые, подбитые железом башмаки. Поверх суконной синей куртки был накинут шерстяной плащ в черно-белую полоску. Курчавые седые волосы спадали на шею. Одежда, серая коротко-

ногая лошадка, манера сидеть в седле — выставив живот и откинув назад верхнюю часть туловища, — грубая потрескавшаяся ладонь землистого оттенка, придерживавшая истрепанные, поношенные поводья, — все выдавало в Виолетте жадного самодовольного крестьянина, который мечтает иметь как можно больше земли и покупает ее, чего бы ему это ни стоило. Его рот с синеватыми губами, выглядевшими так, словно хирург рассек их своим скальпелем, и неисчислимые морщины на лице и на лбу делали его физиономию неподвижной, и только ее резкие контуры отличались выразительностью. Огрубевшее лицо, казалось, источало угрозу, несмотря на униженный вид, который при случае принимают едва ли не все крестьяне, скрывая под ним свои переживания и расчеты, — так прячутся за непроницаемой серьезностью жители Востока и дикари. После череды неблаговидных поступков из простого крестьянина-поденщика Виолетт стал фермером и арендатором Груажа, но привычек своих не оставил, даже достигнув благополучия, превзошедшего его надежды. Он страстно желал ближнему беды и, когда выпадал случай эту беду приумножить, делал это, что называется, с душой. Виолетт был откровенно

завистлив, но не позволял своей зловредности выходить за рамки закона — совсем как наша парламентская оппозиция. Он искренне полагал, что обогатится тем скорее, чем раньше разорятся его соседи, и каждого, кто хоть в чем-то его превосходил, считал своим врагом, в борьбе с которым все средства хороши (к слову, такие Виолетты в крестьянской среде не редкость). Сейчас все его мысли были заняты продлением аренды, срок которой истекал через шесть лет, а на это требовалось согласие г-на Малена. Фермер завидовал богатству управляющего и следил за каждым его шагом; местные жители недолюбливали Виолетта за то, что он часто наведывается «к Иудам». Надеясь продлить аренду еще на двенадцать лет, хитрый фермер искал случая оказать услугу правительству или тому же Малену, который остерегался Мишю. Приобщив к слежке гондревилльского лесника, местного агента полиции и нескольких вязальщиков хвороста, Виолетт сообщал полицейскому комиссару в Арси обо всех деяниях Мишю. Попытка приобщить к делу и Марианну, служанку из дома управляющего, успехом не увенчалась; но Виолетт и его приспешники и так были в курсе всего, что там происходило, — благодаря Гоше, юному слуге,

на чью преданность Мишю рассчитывал и который предавал его ради безделушек — жилетов, пряжек, хлопчатобумажных чулок и сладостей. Подросток, впрочем, не осознавал важности того, что так запросто выбалтывал. Докладывая начальству, Виолетт старательно очернял поступки управляющего, дополняя их собственными, самыми абсурдными предположениями, дабы они выглядели еще более преступными; Мишю же давно разгадал игру фермера и его намерения, и ему даже нравилось вводить его в заблуждение.

— Должно быть, у вас масса дел в Беллаше, раз вы опять тут! — сказал управляющий.

— «Опять!» Это звучит как упрек, мсье Мишю! Эй, вы же не собираетесь насвистывать на этой дудочке воробьям? Что-то я не видел у вас этого карабина…

— Он вырос на моем огороде, осталось еще несколько, — отвечал Мишю. — Сейчас покажу, как я их сею!

Управляющий с расстояния тридцать шагов прицелился в ужа и выстрелом разорвал его на две части.

— Это бандитское оружие вы держите для охраны хозяина? Наверное, он вам его и подарил.

— Ну да, нарочно приехал из Парижа, чтобы

мне его преподнести, — последовал ответ.

— В округе только и разговоров что о его приезде. Одни утверждают, что его разжаловали и теперь он отошел от дел, другие — что он хочет сам во всем здесь разобраться. И все-таки любопытно, зачем ему приезжать вот так, без предупреждения, подобно первому консулу? Вы знали о его приезде?

— Мы с ним не настолько близки, чтобы он уведомлял меня о своих планах.

— Значит, вы его еще не видели?

— Я узнал, что он тут, когда вернулся из леса, — отвечал Мишю, перезаряжая карабин.

— Он послал в Арси за г-ном Гревеном. Может, они будут обсуждать какой-то закон?

Мален был членом Трибуната[27].

— Если вы направляетесь в Сен-Синь, возьмите меня с собой, — сказал управляющий Виолетту. — Мне тоже туда нужно.

Виолетт был слишком осторожен, чтобы посадить к себе за спину такого крепыша, как Мишю, а потому поспешил подстегнуть свою лошадку. «Иуда» закинул карабин за плечо и быстрым

---

[27] Примечания: 27

Трибунат (фр. *Tribunat*) — один из четырех органов управления во Франции по Конституции 1799 года, разделявший власть с Законодательным корпусом.

шагом пошел по аллее.

— Кто это мог разозлить Мишю? — спросила Марта у матери.

— Он ходит мрачный с тех пор, как услышал о приезде Малена, — отвечала та. — Становится сыро, идем в дом!

Не успели женщины устроиться у камина, как залаял Куро.

— Муж возвращается! — крикнула Марта.

Мишю уже поднимался по лестнице. Встревоженная супруга последовала за ним в их общую спальню.

— Посмотри, нет ли кого поблизости, — с волнением в голосе сказал он.

— Никого, — отвечала Марта. — Марианна на лугу с коровой, а Гоше…

— Где Гоше? — перебил ее муж.

— Я не знаю.

— Не доверяю я этому странноватому парню! Поднимись на чердак да хорошенько там посмотри. Ищи его по всему дому!

Марта вышла. Вернувшись, она застала Мишю на коленях; он молился.

— Да что с тобой такое? — спросила она испуганно.

Управляющий обнял ее за талию, привлек к

себе, поцеловал в лоб и ответил срывающимся голосом:

— Если мы больше не увидимся, знай, бедная моя жена, что я очень тебя люблю. Исполни все в точности, как написано в письме, которое я зарыл под той лиственницей, — сказал он после паузы, указывая на дерево. — Оно в жестяном цилиндре. Но взять его ты можешь только после моей смерти. И что бы со мной ни случилось, как бы ни были несправедливы люди, думай о том, что моя рука послужила справедливости Небесной.

В лице Марты, которая после каждого его слова становилась все бледнее, не осталось ни кровинки. Расширенными от страха, немигающими глазами смотрела она на мужа, желая что-то ему сказать, но у нее пересохло в горле. Мишю подобно тени выскользнул из комнаты. Куро он привязал к ножке кровати, и теперь тот завыл так, как воют собаки, предчувствуя беду.

Глава 3
Козни Малена

У Мишю имелись серьезные основания быть недовольным г-ном Марьоном, но теперь его гнев обратился на другого человека, в его глазах куда более преступного, — государственного советника Малена, чьи секреты были ему известны и чьи поступки управляющий мог оценить как никто другой: тесть Мишю, выражаясь языком политики, пользовался доверием Малена, который в свое время трудами г-на Гревена был избран в Национальный конвент представителем департамента Об.

Быть может, нелишним будет упомянуть об обстоятельствах, приведших к конфликту между Маленом и семьями де Симёз и де Сен-Синь и довлевших над судьбами братьев-близнецов и мадемуазель де Сен-Синь, но еще более — над судьбами Марты и Мишю. В Труа особняки Сен-Синей и де Симёзов располагались друг напротив друга, и когда толпа, спущенная с цепи расчетливой и осмотрительной рукой, разграбила последний, а маркиза с маркизой, якобы

уличенных в сношениях с врагами отечества, солдаты национальной гвардии увели в тюрьму, послышались возгласы: «К Сен-Синям!» Взбудораженная чернь и допустить не могла, что Сен-Сини непричастны к преступлениям своих родственников. Чтобы спасти своих восемнадцатилетних сыновей, которые своей отвагой могли себя же скомпрометировать, маркиз де Симёз, человек мужественный и во всех отношениях достойный, незадолго до бури доверил их заботам тетки, графини де Сен-Синь. Двум верным маркизу слугам было поручено посадить молодых людей под замок. Сам же старик де Симёз, желая спасти своих наследников, попросил, чтобы их держали в неведении, особенно если случится наихудшее. Лоранс де Сен-Синь в то время было двенадцать лет от роду, и она любила обоих братьев так же крепко, как и они ее. Как это часто бывает у близнецов, братья де Симёз внешне так походили друг на друга, что мать долгое время давала им одежду разных цветов, чтобы хоть как-то их различать. Первым на свет появился Поль-Мари, который и считался старшим; брата его нарекли Мари-Полем. Лоранс, которая была посвящена во все детали происходящего, прекрасно сыграла перед кузенами роль трепетной юной девы

— мольбами и уговорами удерживала их в доме своей матери до тех пор, пока его не окружила разъяренная толпа. Только тогда братья де Симёз осознали всю опасность происходящего. Они переглянулись, и решение было принято: они вооружили своих слуг, а затем и прислугу Сен-Синей, забаррикадировали входную дверь и встали у окон, решетчатые ставни на которых были заблаговременно закрыты. Всего их было восемь — братья, пятеро слуг и аббат д'Отсер, один из родственников Сен-Синей. Вскоре из окон в толпу полетели пули, и каждая либо уносила жизнь, либо ранила одного из наступающих. Вместо того чтобы в ужасе заламывать руки, Лоранс с поразительным хладнокровием заряжала ружья и передавала пули и порох тем, кто в них нуждался. Графиня де Сен-Синь все это время стояла на коленях. «Что вы делаете, матушка?» — спросила у нее Лоранс. «Молюсь, — отвечала графиня. — За них и за вас!» Возвышенные слова. Их произнесла в похожих обстоятельствах мать испанского князя де ла Паса[28]… В одну минуту было убито одиннадцать человек; они лежали на земле вперемешку с ранеными. В таких случаях

[28] Примечания: 28
Príncipe de la Paz (исп.) — досл. «князь Мира».

ожесточение толпы либо утихает, либо набирает силу; она отступает или идет на новый штурм. Те, кто был ближе к дому, испугались и попятились, но остальная масса, пришедшая лишать жизни и грабить, при виде трупов разразилась воплями: «Смерть! Убить их всех!» Нашлось все же несколько благоразумных голов, которые и отправились за «народным представителем». Братья де Симёз, которые к этому времени уже знали о печальных событиях дня, заподозрили члена Конвента в желании разорить их семью, и скоро это подозрение переросло в уверенность. Воодушевленные жаждой мести, они перезарядили ружья, затаились у входа и стали ждать Малена с намерением его убить. Графиня же впала в отчаяние: она уже видела на месте своего дома пепелище, а дочь — убитой и ставила племянникам в упрек их героическую защиту, примеры которой в ту неделю встречались на территории всей страны. Услышав предупредительный окрик Малена, Лоранс приоткрыла дверь. Член Конвента, полагаясь на свой авторитет и беспомощность стоящей перед ним девочки, вошел.

— Мсье, вы хотите дать Франции свободу и при этом не защищаете людей в их жилищах! — сказала она, когда Мален спросил, к чему это

сопротивление. — Наш особняк хотят сровнять с землей, а нас самих — убить, и, по-вашему, мы не имеем права применить силу в ответ?

Пораженный Мален застыл на месте.

— Вы, внук каменщика, работавшего при постройке особняка в Гондревилле и получавшего жалованье от «великого маркиза», только что позволили увести нашего отца в тюрьму, хотя все предъявленные ему обвинения — клевета! — сказал Мари-Поль.

— Его отпустят, — проговорил Мален. Глядя на ружья, подрагивающие в руках у близнецов, он решил, что живым ему отсюда не выбраться.

— От этого обещания зависит ваша жизнь, — торжественно объявил Мари-Поль. — Но если до вечера вы его не исполните, мы сумеем вас разыскать!

— Если вы не отправите этих крикунов по домам, — подхватила Лоранс, — первая пуля будет ваша. А теперь, г-н Мален, ступайте вон!

Выйдя за порог, член Конвента обратился к черни с увещеваниями, заговорив о святости домашнего очага, о неприкосновенности личности и представлениях англичан о родине как таковой. Он сказал, что Закон и Народ суверенны, что Закон — это Народ, и что Народ обязан поступать

по Закону, и что правом применять силу наделены только представители Закона. Безвыходное положение, в котором он оказался, сделало Малена еще красноречивее, и скоро толпа рассеялась. Однако он навсегда запомнил и презрение во взгляде братьев, и это «Ступайте вон!» из уст мадемуазель де Сен-Синь. Поэтому, когда встал вопрос о продаже конфискованного в государственную казну имущества графа де Сен-Синя, брата Лоранс, раздел был осуществлен без особых церемоний. Клерки соответствующего ведомства оставили Лоранс лишь загородный особняк с парком и садом и прилегающую ферму, которая так и называлась — ферма Сен-Синь. Согласно распоряжениям Малена, девочка получала право только на свою часть наследства, остальное же подлежало национализации, как имущество эмигрантов, которые к тому же с оружием в руках сражались против Французской республики. В тот же вечер после этих жесточайших потрясений Лоранс уговорила кузенов уехать, опасаясь предательства со стороны представителя Конвента. Братья оседлали коней и вскоре достигли аванпостов прусской армии. В то время, когда они подъезжали к лесу в Гондревилле, городской особняк Сен-Синей окружили вооруженные лю-

ди: Мален с подкреплением явился арестовать наследников рода де Симёз. Он не посмел посягнуть на свободу графини де Сен-Синь, которая к этому времени слегла с сильнейшей нервической лихорадкой, и Лоранс, которая была еще ребенком. Что касается прислуги, то, устрашившись гнева Республики, она попросту разбежалась. На следующее утро новость о том, что близнецы де Симёз обороняли дом своей тетки, а потом бежали в Пруссию, распространилась по окрестностям. Перед особняком де Сен-Синей собрались три тысячи человек, и он был разрушен до основания с непостижимой быстротой. Мадам де Сен-Синь, которой стало хуже, перевезли в дом де Симёзов, где она и скончалась. Мишю появился на политической арене после всех этих событий, поскольку маркиза с маркизой продержали в тюрьме около пяти месяцев. Все это время член Национального конвента отсутствовал, но когда г-н Марьон продал ему Гондревилль и местные жители успели забыть, к каким последствиям привели брожения в массах, Мишю полностью разгадал его игру или по меньшей мере вообразил, что это так; Мален, как и Фуше, был из тех, у кого множество личин, и под каждой кроются такие глубины, постичь которые невозможно, пока

идет игра, и которые находят объяснение только много лет спустя, когда партия уже сыграна.

В переломные моменты жизни Мален не упускал возможности посоветоваться с Гревеном, нотариусом из Арси и своим верным другом, чьи суждения об обстоятельствах и людях с позиции стороннего наблюдателя были точны, верны и беспристрастны (это продиктовано мудростью и составляет силу людей заурядных). Однако в ноябре 1803 года политическая конъюнктура была такова, что, надумай он написать Гревену в Арси, это письмо могло бы скомпрометировать их обоих. В Париже Мален, которого вот-вот должны были назначить сенатором, встречаться с другом боялся; поэтому он удалился в Гондревилль, назвав первому консулу лишь одну причину из многих, объяснявших его желание там находиться, — ту, что позволяла ему в глазах Бонапарта выглядеть радетелем за свою страну, хотя речь шла об устройстве не государственных дел, а лишь его собственных. И вот, пока Мишю, подобно дикарю, подстерегал и выслеживал его в парке, политический деятель Мален, который привык подстраивать обстоятельства под себя, привел Гревена на маленькую лужайку в английском саду — пустынное место, идеально

подходящее для разговора, не предназначенного для посторонних ушей. Встав посредине и беседуя тихо, друзья могли быть уверены в том, что никто, даже спрятавшись в кустах, не мог их услышать; а если кто-то им все же помешает, всегда можно сменить тему разговора…

— Почему бы нам не пойти в дом? — спросил Гревен.

— Разве ты не видел, кого прислал мне префект полиции?

Невзирая на то что Фуше при расследовании заговора Кадудаля, Пишегрю, Моро и Полиньяка был душой Консульского правительства, министерством полиции он не руководил, довольствуясь должностью государственного советника, как и сам Мален.

— Эти двое — доверенные лица Фуше. Тот, что помоложе, молодой мюскаден с лицом, похожим на графин с лимонадом, с ядом на устах и таким же ядовитым взглядом, в VII году[29] за две недели усмирил восстание на западе. Второй — ученик и верный последователь Ленуара[30], единственный хранитель великих полицейских

---

[29] Примечания: 29
Согласно французскому революционному календарю.

[30] Примечания: 30
Ленуар Жан-Гарль-Пьер, глава французской полиции в 1789–1799 гг.

традиций. Я просил прислать мне простого агента и кого-нибудь из чиновников, и он направляет этих искусников! Ах, Гревен, сомнений нет: Фуше пытается разгадать мои планы. Потому-то я и оставил господ полицейских мирно ужинать в шато. Пускай хоть весь дом обыщут, они не найдут там ни Людовика XVIII, ни даже его тени!

— И что же ты задумал? — спросил Гревен.

— Друг мой, вести двойную игру очень опасно; однако, если принять во внимание Фуше, она получается тройной: возможно, он пронюхал о том, что я посвящен в тайны дома Бурбонов.

— Ты?

— Я, — подтвердил Мален.

— Неужели ты забыл, как кончил де Фавра[31]?

Вопрос этот заставил советника нахмуриться.

— И давно? — после паузы спросил Гревен.

— С тех пор как был учрежден пожизненный Консулат.

— Но доказательств ведь нет?

— Конечно нет! — отвечал Мален, пощелкивая о зуб ногтем большого пальца.

В нескольких словах Мален с точностью обрисо-

---

[31] Примечания: 31

Маркиз де Фавра Тома-Май (1744–1790) — политический агент графа Прованского (будущего Людовика XVIII). Был казнен за участие в контрреволюционном заговоре. (*Примеч. ред.*)

вал критическое положение, в которое Бонапарт поставил Англию, разбив под Булонью военные лагеря; во Франции и Европе истинное значение этого демарша еще не было разгадано, чего нельзя сказать об английском премьер-министре Питте. Затем Мален разъяснил Гревену, что положение, в которое Англия намеревается поставить готовящего вторжение Бонапарта, также является критическим: могущественная коалиция, состоящая из Пруссии, Австрии и России, на английское золото планирует поставить под ружье семьсот тысяч солдат. В то же самое время и внутри страны зреет масштабный заговор, объединяющий монтаньяров, шуанов и роялистов вместе с их высокородными предводителями.

— Пока власть находилась в руках у трех консулов, Людовик XVIII полагал, что в стране по-прежнему анархия и, когда наступит подходящий момент, он сможет взять реванш за 13 вандемьера[32] и 18 фрюктидора[33], — сказал Мален. — Однако пожизненное консульство

[32] Примечания: 32

Тринадцатое вандемьера — пятое октября 1795 г. В этот день Наполеон Бонапарт подавил мятеж роялистов.

[33] Примечания: 33

Восемнадцатое фрюктидора — четвертое сентября 1797 г. Дата, когда посланный Наполеоном Бонапартом генерал Ожеро решительными действиями устранил в Париже угрозу роялистского переворота.

разоблачило замысел Бонапарта: скоро он станет императором. Бывший поручик намерен основать новую династию! Что ж, на этот раз его хотят убить, и это покушение готовится еще более тщательно, чем то, что произошло на улице Сен-Никез. В числе организаторов — Пишегрю, Кадудаль, Моро, герцог Энгиенский и друзья графа д'Артуа — Полиньяк и Ривьер.

— Какое причудливое смешение идей! — воскликнул Гревен.

— Многие роялисты тайно вернулись во Францию и ждут сигнала к атаке. Они готовы на все. Замысел таков: сотня верных людей под командованием Кадудаля нападет на консула и его охрану, и это будет схватка, что называется, в рукопашную.

— Донеси на них!

— На протяжении двух месяцев консул, министр полиции, префект и Фуше держат в руках многие нити этого заговора, однако об истинном его масштабе не подозревают; и в настоящий момент почти все заговорщики на свободе — власть предержащие хотят узнать все.

— Если разобраться, у Бурбонов куда больше прав замышлять, проводить в жизнь и осуществлять заговор против Бонапарта, нежели было у

него самого, когда 18 брюмера он посягнул на Республику, его породившую, — сказал нотариус. — Он убил свою мать, в то время как его нынешний противник всего лишь хочет вернуться домой. Полагаю, увидев, что в списки эмигрантов перестали вносить новые имена и многих оттуда вычеркивают, что католическая церковь восстанавливается и издаются антиреволюционные законы, принцы должны были понять, что вернуться им будет чем дальше, тем сложнее, если не сказать невозможно. Бонапарт становится единственным препятствием к их возвращению; они желают его устранить, и это ясно как день. Поверженный заговорщик всегда преступник; победивший становится героем, и если посмотреть на дело с этой точки зрения, твое замешательство мне понятно.

— Главная идея в том, — продолжал Мален, — чтобы руками Бонапарта швырнуть под ноги Бурбонам голову герцога Энгиенского, как Конвент в свое время швырнул европейским королям голову Людовика XVI. Таким образом Бонапарт еще раз докажет приверженность идеям Революции; либо же будет свергнут современный идол французов и их будущий император, чтобы на обломках его престола установить подлинный

трон. Я завишу от обстоятельств — от удачного пистолетного выстрела или взрыва «адской машины», вроде той, что заговорщики использовали на улице Сен-Никез. Меня посвятили не во все детали. Мне предложено в критический момент созвать Государственный совет и поспособствовать легальной реставрации Бурбонов.

— Выжди еще немного, — сказал нотариус.

— Невозможно! Я должен принять решение безотлагательно.

— Почему?

— В числе заговорщиков — братья де Симёз, и сейчас они скрываются в окрестностях Гондревилля. Мне придется либо установить за ними слежку, дождаться, пока они себя скомпрометируют, и тогда от них избавиться, либо тайно им покровительствовать. Я просил префекта дать мне кого-то из своих подчиненных, и что же? Он присылает этих матерых волков, которые к тому же, проезжая через Труа, заручились помощью местных жандармов!

— Гондревилль теперь твой, и это ты пытаешься его сохранить, участвуя в заговоре, — сказал Гревен. — Ни Фуше, ни Талейран, ни эти приезжие из Парижа не имеют ко всему этому никакого отношения. Играй с ними по-честному. А почему

бы и нет? Все, кто причастен к казни Людовика XVI, сейчас в правительстве, и во Франции огромное количество людей, приобретающих национализированное имущество; а ты намереваешься привести к власти тех, кто потребует, чтобы ты вернул Гондревилль? Если они не законченные кретины, Бурбоны поставят крест на том, что сделали мы. Извести Бонапарта!

— Человеку моего ранга не пристало доносить, — живо откликнулся Мален.

— Твоего ранга? — с улыбкой переспросил Гревен.

— Мне предлагают пост министра юстиции.

— Понимаю, столь блестящая перспектива ослепила тебя, поэтому пробираться в этих политических потемках и искать выход придется мне. Невозможно представить, какие события могли бы вернуть Бурбонам трон сейчас, когда в распоряжении генерала Бонапарта восемьдесят кораблей и четыреста тысяч солдат. В выжидательной политике самое сложное — определить, когда неустойчивая власть падет; но, друг мой, власть Бонапарта в настоящее время сильна. Возможно, Фуше тебя проверяет, хочет узнать твои истинные замыслы, а затем избавиться от тебя?

— Нет, я полностью уверен в посреднике. И если

бы было так, как ты говоришь, Фуше не отправил бы ко мне этих двух горилл; я слишком хорошо их знаю, чтобы подозревать подвох.

— На меня они наводят страх, — сказал Гревен. — Если Фуше тебе доверяет и о проверке речь не идет, то зачем он их прислал? Фуше не стал бы выкидывать такой трюк без причины.

— Это вынуждает меня принять решение! — вскричал Мален. — С Симёзами я никогда не буду знать покоя! Может, Фуше, зная мое положение, не хочет их упускать, намереваясь подобраться через них к Конде?

— Что ж, старина, при Бонапарте владельца Гондревилля никто не потревожит.

И тут в густой листве липы Мален заметил ружейное дуло.

— Я не ошибся, это был сухой щелчок заряжаемого ружья, — сказал он Гревену, прячась за толстое дерево.

Встревоженный внезапным движением друга, нотариус последовал за ним.

— Это Мишю, — проговорил Гревен, — я вижу его рыжую бороду.

— Не подадим виду, что испугались, — сказал Мален, медленно удаляясь от опасного места. — Что он имеет против новых владельцев усадьбы?

Совершенно ясно, что целился он не в тебя. Если он нас подслушал, придется заказать по нему заупокойную службу… А нам разумнее было бы выйти в поле. Кто, черт подери, мог знать, что шпионы прячутся даже на деревьях?

— Век живи — век учись, — изрек нотариус. — И все-таки он был далеко, а мы разговаривали шепотом.

— Нужно будет сказать о нем пару слов Корантену, — отвечал Мален.

Глава 4
Маска сброшена

Вскоре после этого Мишю вернулся домой, бледный и встревоженный.

— Что-то случилось? — спросила у него испуганная жена.

— Нет, — ответил он, увидев Виолетта, чье присутствие стало для него совершеннейшей неожиданностью.

Мишю взял стул, спокойно уселся у камина и швырнул в огонь листок бумаги, который извлек из жестяной коробки, в каких солдаты обычно носят документы. Марта вздохнула свободно, как человек, сбросивший наконец с плеч огромный груз. Виолетту все это показалось любопытным. Управляющий с восхитительным хладнокровием положил карабин на каминную полку. Марианна и мать Марты пряли при свете лампы.

— Идем, Франсуа, — обратился Мишю к сыну. — Пора в кровать. Хочешь ты спать или нет?

Он схватил сына и вынес его из комнаты.

— Спустишься в погреб, — зашептал он мальчику на ухо, когда они были уже на лестнице, —

возьмешь две бутылки маконского, примерно треть из каждой выльешь и дольешь коньяком, что стоит на полке. Потом возьмешь бутылку белого и разбавишь коньяком наполовину. Сделай все как следует и поставь эти три бутылки на пустую бочку — ту, что стоит у входа в погреб. Когда я открою окно, выходи из погреба, седлай мою лошадь и поезжай в Пото-де-Гюё. Там жди меня.

Вернувшись в комнату, Мишю сказал:

— Вот постреленок, никак его не уложишь! Хочет делать то, что и взрослые, — все видеть, слышать, знать. Дурной пример вы подаете моим домочадцам, папаша Виолетт!

— Господь с вами! — вскричал крестьянин. — Надо же, как вы сегодня разговорились! Обычно из вас слова не вытянешь…

— Уж не думаете ли вы, что я не вижу, когда за мной шпионят? Не на того вы поставили, дорогой мой Виолетт. Если бы вы, вместо того чтобы прислуживать тем, кто желает мне зла, помогали мне, я бы сделал для вас кое-что получше, нежели продление договора об аренде…

— А что бы вы сделали? — Глаза алчного крестьянина широко распахнулись.

— Я продал бы вам свою землю по хорошей цене.

— Не бывает хорошей цены, когда приходит время платить, — наставительно заметил Виолетт.

— Я хочу уехать из этих мест и охотно продал бы вам свою ферму в Муссо со всеми постройками, посевами и домашней скотиной — за пятьдесят тысяч франков.

— Неужели?

— Так вы согласны?

— Пресвятая дева, надо подумать.

— Так давайте обсудим! Но я хочу получить задаток.

— У меня ничего нет.

— Ваше слово!

— Вот еще!

— Скажите, кто сейчас прислал вас ко мне.

— С делами я управился, иду домой и думаю: дай-ка сверну к павильону, пожелаю мсье Мишю доброй ночи!

— Ты ехал по делам верхом, а возвращаешься без лошади. Что ж я, по-твоему, кретин? Ты врешь мне, и я не продам тебе ферму.

— Гревен меня попросил, что тут такого? Говорит: «Виолетт, нам бы повидать Мишю. Сходи за ним! Если не застанешь дома, дождись...» Вот я и понял, что вечером мне лучше побыть тут.

— Те два парижских верзилы до сих пор в шато?

— Откуда мне знать? Какие-то люди в гостиной были.

— Ты получишь мою ферму! Давай обсудим детали. Жена, принеси-ка вина — обмыть сделку. Возьми лучшего руссильонского — того, что из погреба старого маркиза. Мы, слава богу, не дети. На пустой бочке у входа стоят две бутылки, и еще прихвати бутылку белого.

— Это правильно! — сказал Виолетт, который никогда не пьянел. — Выпьем!

— У вас ведь припрятано пятьдесят тысяч франков — под половицей, возле кровати! Отдадите их мне через две недели после того, как мы подпишем у Гревена договор купли-продажи.

Виолетт побледнел и во все глаза уставился на Мишю.

— Что? Ты пришел шпионить за отпетым якобинцем, имевшим честь председательствовать в клубе в Арси, и думаешь, что он не прищемит тебе нос? Я не слеп и заметил: ты недавно вынимал половицы и снова поставил их на место. Ну не пшеницу же ты под ними сеял, в самом деле! Выпьем!

Взбудораженный Виолетт опрокинул в себя

большой стакан вина, не обращая внимания на вкус, — от тревоги внутри у него все горело огнем, и примеси коньяка он даже не почувствовал; единственное, о чем он сейчас думал, — как поскорее вернуться домой и перепрятать свое сокровище. Домочадцы Мишю смотрели на него и улыбались.

— По вкусу вам вино? — спросил Мишю у незваного гостя, наливая ему еще стакан.

— Еще бы!

— И на этой земле вы, Виолетт, будете хозяином!

Полчаса они, как это принято у крестьян, заключающих сделку, оживленно обсуждали сроки вступления в права собственности и тысячу пустяковых подробностей, что-то выясняли, опустошая стаканы один за другим, что-то друг другу обещали и от чего-то отнекивались: «я что же, лгу?», «да святая правда!», «честное слово!», «стал бы я врать!», «чтоб мне шею сломать, если...», «чтоб мне этим вином отравиться, если это не чистейшая правда...», а потом Виолетт уронил голову на стол. Он не просто захмелел, он был мертвецки пьян. Мишю, как только увидел, что взгляд у гостя затуманился, поспешил открыть окно.

— Где этот балбес Гоше? — спросил он у Марты.

— Лег спать.

— Ты, Марианна, — сказал управляющий своей верной служанке, — иди и стереги у двери, чтобы он не вышел. А вы, матушка, спуститесь вниз и присматривайте за этим вот шпионом. Будьте настороже. Открывать дверь можно только Франсуа. Это вопрос жизни и смерти, — добавил Мишю глубоким голосом. — Для всех, кто живет в моем доме: этой ночью я носа на улицу не высовывал! Чем бы вам ни грозили, клянитесь, что так и было. А ты, моя женушка, надевай-ка башмаки, бери чепец, и идем! Никаких вопросов, я с тобой!

Последние три четверти часа во взгляде и жестах Мишю была деспотичная, не допускающая возражений властность, черпаемая им из того же загадочного и общего для всех источника, который дает великим полководцам на поле битвы силу увлекать за собой массы, великим ораторам — воспламенять аудиторию, а великим преступникам (призна́ем, что это так!) — претворять в жизнь свои дерзкие планы. В такие моменты кажется, будто сила эта изливается наружу, слова такого человека приобретают непобедимую мощь, а жесты подчиняют остальных его воле.

Женщины — жена, теща и служанка — уже поняли, что должно произойти что-то очень важное. Слова были не нужны; они почувствовали это по быстроте движений Мишю, по тому, как горело его лицо, как красноречиво был нахмурен его лоб и как ярко, будто звезды, сияли его глаза. Заметили они и испарину у корней его волос, и то, как временами его голос подрагивал от нетерпения и злости… Марта беспрекословно подчинилась. До зубов вооружившись и закинув на плечо ружье, Мишю выскочил на дорогу, увлекая жену за собой. Еще немного — и они были на перекрестке, где их поджидал, затаившись в кустах, Франсуа.

— Сообразительный у нас парнишка, — проговорил Мишю при виде сына.

То были его первые слова после долгого молчания: они с Мартой бежали так быстро, что им было не до разговоров.

— Возвращайся домой, спрячься на дереве, у которого крона погуще, и смотри во все глаза, что делается в парке и на дорогах, — сказал он сыну на ухо. — Все должны думать, будто мы уснули и никому не открываем. Бабушка дома и не спит. Заговоришь с ней, и она тебя впустит. Запомни хорошенько, что я скажу тебе, Франсуа! Речь идет о жизни твоих отца и матери. Полиция

не должна узнать о том, что кто-то из нас этой ночью выходил из дома!

Все это было произнесено шепотом. Когда мальчик скрылся в лесу, словно угорь в прибрежном иле, Мишю велел жене:

— Садись в седло и молись, чтобы Господь был на нашей стороне! Держись крепко! А с лошадью будь что будет.

Едва это было сказано, как лошадка, бока которой Мишю сжал своими сильными коленями, дважды пнув ее в брюхо, сорвалась с места; казалось, она поняла, чего ждет от нее хозяин, и через четверть часа лес остался позади. Мишю, который выбрал самую короткую дорогу, выехал на край опушки, откуда можно было рассмотреть освещенную луной крышу шато-де-Сен-Синь.

Он привязал лошадь к дереву и проворно поднялся на холм, с которого открывался отличный вид на долину Сен-Синь.

Шато, на котором задержались взгляды Мишю и Марты, делало пейзаж еще более очаровательным. Оно не имело особой ценности с точки зрения архитектуры или масштабности построек, но наверняка заинтересовало бы историка. Построено оно был в XV веке на холме, который до сих пор был окружен широким, наполненным

водой рвом; здание было сложено из булыжника, скрепленного известковым раствором, и стены его имели толщину семь пье[34]. Примитивность строения волшебным образом навевала мысли об эпохе феодализма, грубой и воинственной. Архитектурный план шато был незамысловат: длинную жилую постройку обрамляли две большие боковые башни красноватого оттенка; оконные переплеты напоминали побеги виноградной лозы. Посредине имелась наружная лестница, помещенная в пятигранную башню, входом в которую служила маленькая дверь под стрельчатой аркой. Комнаты первого и второго этажей были переделаны при Людовике XIV. Тогда же поменяли и крышу; новая была огромной, с окнами, украшенными скульптурными тимпанами. Перед шато раскинулась просторная лужайка; деревья, которые там росли, недавно были вырублены. По обе стороны от въездного моста стояли домики садовников, окруженные простой оградой, вне всякого сомнения, современной. Направо и налево от лужайки, разделенной по центру мощеной дорогой, располагались хозяйственные постройки: конюшни,

[34] Примечания: 34
Старинная французская мера длины, равная примерно 32 см.

хлева, зернохранилища, дровяные сараи, пекарня, птичники, места общего пользования. В свое время они являлись частью одной постройки, разделенной на два крыла, возведенной в одно время с основным зданием. Некогда это был настоящий замок квадратной формы, укрепленный по углам и защищенный огромной башней со сводчатым крытым входом, в основании которой была не решетка, а подъемный мост. Две большие башни с конусообразными крышами, чудом уцелевшие, и еще одна, центральная, с маленькой колоколенкой, придавали деревне некое своеобразие. Неподалеку располагалась церковь, тоже старинная, с остроконечной колокольней, построенная в том же стиле, что и шато. Все эти конусообразные и островерхие крыши, залитые мерцающим лунным светом, являли собой великолепное зрелище. Выражение, с каким Мишю смотрел на это феодальное жилище, сбило с толку его жену: на его лице, более спокойном, чем обычно, читались надежда и горделивость, которую дает чувство выполненного долга. Глаза его с вызовом вглядывались в темное небо; он прислушивался к ночным звукам. Было около девяти вечера, и опушка леса была ярко освещена луной, равно как и пригорок, на котором стояли

Мишю с Мартой. Спохватившись, управляющий поспешно отошел в тень, словно не хотел, чтобы их кто-нибудь увидел. К счастью, ни один подозрительный шорох не нарушал покоя прекрасной долины, с этой стороны граничившей с лесом Нодем. Марта, утомленная и дрожащая, ждала, когда же наконец станет ясно, к чему была эта сумасшедшая спешка. Что задумал Мишю — доброе дело или же преступление? В этот момент супруг подошел к ней.

— Пойдешь в шато-де-Сен-Синь и попросишь позвать графиню. Когда она выйдет, отведешь ее в сторонку, чтобы никто вас не подслушал, и тогда скажешь: «Мадемуазель, жизнь ваших кузенов в опасности, и человек, который даст ответы на все ваши “как?” и “почему?”, ждет вас». Если она испугается, если не поверит, добавь: «Заговор против первого консула раскрыт, а они — в числе заговорщиков». Имени своего не называй, чтобы не вызвать лишних подозрений.

Марта Мишю посмотрела на мужа:

— Значит, ты служишь им?

— А что, если так? — Управляющий нахмурился, поскольку счел ее слова упреком.

— Ты не понимаешь! — вскричала Марта, падая перед Мишю на колени. Она схватила его боль-

шую руку и, орошая ее слезами, стала целовать.

— Беги, после поплачешь, — проговорил он, обнимая ее порывисто и крепко.

Когда шаги жены стихли, на глаза этому поистине железному человеку навернулись слезы. Он остерегался Марты, помня о политических убеждениях ее отца, скрывал от нее свои тайны; перед ним внезапно открылась красота и простота характера жены — точно так же, как величие его собственной души — перед ней. Вместо глубокого унижения, какое причиняет нам дурная слава человека, чью фамилию мы носим, Марта испытала сильнейший восторг, который дает признание его заслуг; и случилось это внезапно, было от чего лишиться чувств! Позже она так описывала мужу свои переживания: в крайнем смятении, «словно по колено в крови», шла она от павильона к усадьбе Сен-Синь и там, на пригорке, вдруг почувствовала себя на седьмом небе от счастья. Мишю, полагая, что его не любят, считал грусть и уныние супруги тому доказательством; чтобы не докучать ей, он почти не показывался дома, изливая всю свою нежность на сына. И все же он в одно мгновение понял, что означают ее слезы; в душе Марта проклинала роль, которую ее заставили играть собственная красота и требования

отца. Счастье блеснуло для них самой прекрасной своею гранью — посреди грозы, подобно молнии. И это действительно было озарение! И он, и она думали о десяти годах взаимного непонимания и винили во всем только себя. Мишю так и остался стоять в глубокой задумчивости, опершись подбородком о руку, а рукой — о карабин. Это был один из тех редких моментов, когда забываются прошлые горести, даже самые тяжкие.

Марту, как и ее супруга, одолевали тысячи мыслей; сердце ее замирало, стоило ей вспомнить, какая опасность грозит молодым де Симёзам. Теперь ей многое стало ясно, включая появление двух парижан. Единственное, что ускользало от ее понимания, так это то, зачем Мишю понадобился карабин. Легкая, как лань, она добежала до дороги, ведущей к шато, и тут с испугом услышала за спиной мужские шаги. Она вскрикнула, и в тот же миг широкая ладонь Мишю закрыла ей рот.

— С холма я увидел, как блестят серебристые галуны на форменных картузах! Иди через насыпь, что между башней мадемуазель и конюшнями, чтобы собаки тебя не услышали и не залаяли. Пройдешь через сад и позовешь молодую графиню к окну. Скажешь, чтобы она поскорее садилась

в седло и ехала к этой же насыпи, я буду ее там ждать. А пока постараюсь узнать, что задумали парижане и как нам от них ускользнуть.

Опасность нарастала подобно лавине. Понимая, как важно ее предотвратить, Марта словно на крыльях полетела к шато.

Глава 5
Лоранс де Сен-Синь

Де Сен-Сини и де Шаржбёфы происходили из одного и того же старинного франкского рода Дюинеф. Представители младшей его ветви стали Сен-Синями после весьма знаменательной обороны родового замка, организованной в отсутствие отца пятью восхитительно белокурыми и белокожими дочерьми-девицами, — поступка, которого от них, разумеется, никто не ожидал. Один из первых графов Шампанских пожелал увековечить это событие прекрасной фамилией[35], дабы память о нем жила, пока живы будут потомки этих дам. Надо ли говорить, что девочки в семье де Сен-Синь росли гордыми и отважными, хоть и не все из них могли похвастаться лебединой белизной. Последняя в роду, Лоранс, вопреки салическому закону[36] являлась наследницей фамилии, герба и всех ленных владений. Король

---

[35] Примечания: 35

Cinq cygnes (фр.) — пять лебедей.

[36] Примечания: 36

Закон, по которому наследование земель и связанных с ними титулов происходило только по мужской линии. (*Примеч. ред.*)

Франции утвердил хартию графа Шампанского, в силу коей в роду Сен-Синей дворянство и имущество наследовалось по женской линии. Поэтому Лоранс была графиней де Сен-Синь, а ее супругу предстояло принять ее имя и герб с начертанным на нем девизом, за который взят был бесподобный ответ старшей из пяти сестер на предложение сдать замок: «Умрем с песней на устах!» Как и легендарные сестры-лебеди, Лоранс была белокожа и светловолоса (игра случая?). Под ее тонкой и упругой кожей просвечивали тончайшие голубые линии вен. Волосы красивого оттенка чудным образом оттеняли глубокую синеву ее глаз. Все в облике этой девушки было миловидным и деликатным. И все же в этом хрупком, пусть и подвижном теле, несмотря на всю его молочную белизну, жила душа, которая своей закалкой не уступала мужской, сильной и отважной. Но ни один самый внимательный наблюдатель не догадался бы об этом, глядя на это нежное лицо с округлыми чертами, в профиль имевшее некоторое сходство с головой овечки. Эта благородная и вместе с тем чрезмерная мягкость навевала мысли об овечьей же глупости. «Я похожа на замечтавшегося барашка!» — шутила Лоранс иногда. Она была немногословна и

казалась не столько задумчивой, сколько сдержанной. Стоило случиться чему-то важному, и таящаяся внутри нее Юдифь тут же пробуждалась и набирала силу; а поводов для этого, к несчастью, хватало. В тринадцать лет, после событий, о которых вы уже знаете, Лоранс осталась сиротой. Их красивый старинный особняк XVI века в Труа — отель-де-Сен-Синь — сровняли с землей. Наследницу взял под свою опеку родственник, г-н д'Отсер, и поспешил увезти ее в деревню. Этот славный провинциальный дворянин был так напуган гибелью брата, аббата д'Отсера, застреленного на площади в Труа (когда он, переодевшись крестьянином, пытался скрыться), что оказался не в состоянии защитить интересы своей подопечной; два его сына служили в армии немецкого принца, и сам он вздрагивал от малейшего шороха, ожидая, что со дня на день явятся чиновники из Арси, чтобы его арестовать. Лоранс, которая гордилась своим участием в недавней обороне и тем, что унаследовала «лебяжью» белизну предков, с презрением взирала на рассудительную трусость своего опекуна, сгорбившегося под напором бури, и с нетерпением ждала случая отличиться. В своей скромной гостиной в шато-де-Сен-Синь бесстрашная девица

повесила портрет Шарлотты Корде[37], украшенный переплетенными дубовыми веточками. С помощью переписки она поддерживала связь с кузенами, презрев закон, каравший за подобное смертной казнью. Курьер, также рисковавший жизнью, привозил ей ответные послания. После катастрофических событий в Труа все мысли Лоранс были обращены к единственной цели — поспособствовать реставрации королевской власти в стране. Благоразумно оценив нрав г-на и г-жи д'Отсер, она сделала вывод, что люди они порядочные, но безынициативные, и впредь старалась не вовлекать их в события своей жизни. Лоранс была слишком умна и снисходительна, чтобы сердиться на человека из-за его характера; она относилась к д'Отсерам с заботой, вниманием и добротой, однако в свои секреты не посвящала. Ничто так не формирует характер, как постоянная потребность скрывать свои чувства от самых близких людей… Достигнув совершеннолетия, Лоранс оставила все свои дела в руках добрейшего мсье д'Отсера. Ее любимая кобылка была вычищена и накормлена, горничная Катрин при-

[37] Примечания: 37

Шарлотта Корде (1768–1793) — убийца Марата, политического деятеля времен Великой французской революции, одного из лидеров якобинцев.

наряжена так, что на нее приятно было смотреть, грум Готар одет соответственно, — а большего Лоранс и не требовала. Мысли ее были устремлены к предмету слишком возвышенному, чтобы снисходить до забот, заниматься которыми при иных обстоятельствах ей, возможно, было бы даже приятно. Сама она прихорашиваться не любила — к чему, если кузены далеко? У Лоранс была темно-зеленая амазонка, украшенное брандебурами шерстяное платье с короткими рукавами — для пеших прогулок — и еще одно, домашнее, шелковое. Готар, ее грум, проворный и отважный пятнадцатилетний мальчик, повсюду сопровождал ее, а она почти все время проводила вне дома. Лоранс охотилась на землях Гондревилля, когда и где пожелает, и ни фермеры, ни Мишю никогда ей в этом не препятствовали. Она была великолепной наездницей и не переставала изумлять округу своей охотничьей сноровкой. В этих краях ее величали не иначе как Мадемуазель — даже в разгар Революции.

Те, кто читал прекрасный роман Вальтера Скотта «Роб Рой», наверняка помнят Диану Вернон — один из редких женских характеров, создавая которые автор изменил своей привычной, сдержанной манере. Это поможет понять Ло-

ранс; нужно будет лишь прибавить к характеру шотландской охотницы постоянно сдерживаемую экзальтацию Шарлотты Корде, несколько пригасив привлекательную живость натуры, придающую Диане непреодолимое обаяние. На глазах у юной графини умерла ее мать, был застрелен аббат д'Отсер, кончили свои дни на эшафоте маркиз и маркиза де Симёз; ее единственный брат скончался от ран, а оба кузена, служившие в армии Конде, могли погибнуть в любой момент; и, наконец, состояние де Симёзов и де Сен-Синей поглотила Республика, причем без малейшей выгоды для себя. Стоит ли удивляться серьезности Лоранс, временами переходящей в апатию?

Г-н д'Отсер оказался порядочным и благонамеренным опекуном. Под его управлением поместье Сен-Синь стало похоже на ферму. Роль спасителя отечества подходила ему куда меньше, нежели роль рачительного буржуа: он с выгодой пустил в дело часть парка и садов, общая протяженность которых составляла порядка двух сотен арпанов, превратив их в пастбища для лошадей и огороды; запас дров тоже оказался не лишним. Благодаря строжайшей экономии и удачному вложению доходов в государственные ценные

бумаги к своему совершеннолетию графиня уже располагала значительной суммой. В 1798 году у наследницы де Сен-Синей было двадцать тысяч франков государственной ренты (справедливости ради упомянем, что выплачивалась она с задержками) и двенадцать тысяч франков дохода от имения, поскольку ставки для арендаторов за это время существенно повысились. Сам г-н д'Отсер с супругой удалились от дел с тремя тысячами пожизненного дохода, обеспеченного участием в тонтинной кассе[38] Лафаржа. Этих жалких остатков фамильного состояния им не хватило бы на жизнь, вздумай они поселиться где-либо за пределами имения своей подопечной. Поэтому Лоранс сразу же отдала им в пожизненное пользование павильон, в котором они жили в последние годы. Молодую наследницу, как и себя самих (с мыслью о сыновьях они откладывали каждый год по тысяче экю), д'Отсеры в быту роскошью не баловали. Едва ли расходы мадемуазель де Сен-Синь превышали пять тысяч франков в год, однако она не вникала в подробности — ее все устраивало.

[38] Примечания: 38

Тонтинная касса (итал. *tontina*, по имени изобретателя, итальянца Лоренцо Тонти) — род взаимного страхования жизни или рента, когда каждый член ассоциации вносит известную сумму на определенный срок с тем, чтобы по прошествии этого срока капитал и проценты были разделены поровну между членами, оставшимися в живых.

Опекун с супругой, сами того не замечая, попали под влияние сильного характера Лоранс, проявлявшегося в самых незначительных мелочах, и с годами прониклись неподдельным восхищением к той, кого знали еще ребенком, — а такое случается нечасто. В манерах юной мадемуазель де Сен-Синь, в ее грудном голосе и повелительном взгляде было то не поддающееся определению нечто, необъяснимая власть, которая подчиняет себе, даже будучи незаметной. Глупцы часто на месте пустоты видят глубину, а для человека обычного глубина непостижима. Наверное, поэтому люди склонны восхищаться тем, чего не понимают… Г-н и г-жа д'Отсер давно свыклись с немногословностью и эксцентричностью юной графини и при этом постоянно ожидали с ее стороны какого-нибудь грандиозного, значимого поступка. Лоранс помогала нуждающимся, не позволяя себя обманывать, чем заслужила искреннее уважение местных крестьян, хоть и была аристократкой. Ее юность и женственность, ее имя, прошлые невзгоды, оригинальный стиль жизни — все это вместе сообщало ей власть над умами жителей долины Сен-Синь. Временами она уезжала на день или два в сопровождении Готара, и никогда по возвращении ни г-н, ни г-жа

д’Отсер не задавали ей никаких вопросов. Спешу напомнить, что ни во внешности, ни в манерах Лоранс не было ничего странного. Ее натура амазонки скрывалась за самым женственным и слабым обликом, какой только можно себе вообразить. Сердце у девушки было даже излишне отзывчивым, зато твердость — стоической, а решительности мог позавидовать мужчина. Ее проницательные глаза не умели плакать, а при взгляде на ее руку — деликатную и белую, испещренную голубыми венами — никому бы и в голову не пришло, что в ней столько же силы, сколько и у закаленного в боях рыцаря. Эта ручка, такая изящная, почти прозрачная, управлялась с пистолетом и ружьем с ловкостью, достойной опытного охотника. Вне дома Лоранс носила обычную для всадниц кокетливую бобровую шапочку с опущенной зеленой вуалью. Нежное лицо и шея под черным галстуком-шарфом оставались белыми, несмотря на частые прогулки на свежем воздухе. При Директории и с началом Консулата Лоранс могла делать то, что хотела, не привлекая к себе внимания; но с тех пор как позиции правительства упрочились, новые власти — префект Оба, приятели Малена и сам Мален — предприняли не одну попытку, чтобы ее дискредитировать.

Мысли Лоранс были посвящены свержению Бонапарта, чьи амбиции и триумф злили ее, но злость эта была холодной и расчетливой. Безвестный, тайный враг этого увенчанного славой человека, она наблюдала за ним постоянно, с неослабным вниманием; временами она даже думала о том, чтобы собственноручно убить его где-нибудь в окрестностях Сен-Клу или Мальмезона. Этим объяснялись ее постоянные упражнения в стрельбе и распорядок жизни; но со времен разрыва Амьенского мира Лоранс была посвящена в заговор тех, кто намеревался повернуть события 18 брюмера против первого консула, и подчинила свою силу и ненависть обширному, последовательно и неуклонно претворяемому в жизнь плану: удар по Бонапарту извне должна была нанести мощная коалиция, состоящая из Пруссии, России и Австрии (побежденных им при Аустерлице), а изнутри — группа людей разных политических взглядов, объединенных общей ненавистью; многие из них, как и Лоранс, желали смерти предмету своей ненависти, не страшась слов «предумышленное убийство». В описываемый нами период времени эта девушка, такая хрупкая с виду и такая сильная в глазах тех, кто хорошо ее знал, являлась надежным

посредником для нескольких дворян, которые прибыли из Германии, чтобы принять участие в этом серьезном предприятии. Посредством взаимодействия эмигрантов Фуше надеялся вовлечь в заговор герцога Энгиенского. Присутствие этого принца на землях Бадена, недалеко от Страсбурга, позднее придало этим соображениям вес. Однако вопрос, знал ли принц о готовящемся покушении и рассчитывал ли он вступить на территорию Франции, если замысел увенчается успехом, так и остался без ответа; об этом, как и о многом другом, принцы из дома Бурбонов хранят упорное молчание. Но пройдут годы, и беспристрастные историки сочтут по меньшей мере неосмотрительным поведение принца, приблизившегося к границе в тот момент, когда должны были реализовать масштабный заговор, в секреты которого королевская семья, вне всяких сомнений, была посвящена. Предосторожности, подобные тем, что Мален предпринял во время беседы со своим другом-нотариусом, у Лоранс давно вошли в привычку. Она встречалась с представителями заговорщиков на полянах в лесу Нодем или же за пределами долины Сен-Синь, между Сезанном и Бриенном. Девушке и ее верному слуге часто случалось проскакать без остановки пятнадцать

лье, однако по возвращении на ее свежем личике не было заметно ни усталости, ни озабоченности. Прежде Готар служил в усадьбе пастухом. Когда ему было девять лет, Лоранс впервые обратила внимание на наивное восхищение, с каким он на нее смотрит, — так дети восхищаются чем-то удивительным и необычным. Она взяла его к себе конюхом и научила ухаживать за лошадьми так же внимательно и заботливо, как это делают англичане. Лоранс разглядела в нем желание поступать правильно, здравомыслие и бескорыстие; испытав его преданность, она поняла, что мальчик не только умен, но и великодушен и не ждет никаких наград. Она взрастила эту юную душу; была добра к нему, не теряя при этом собственного достоинства; расположила его к себе и привязалась к нему сама, оттачивая этот нелюдимый характер так, чтобы сохранились его самобытность и простота. Когда сомнений в собачьей преданности Готара, ею же взращенной, не осталось, юноша стал ее верным и изобретательным сообщником. Крестьянский паренек, которого никому и в голову не придет заподозрить, иногда доезжал до Нанси, и редко кто замечал его временное отсутствие. Готар применял уловки, какими пользовались сыщики.

Исключительная осторожность, какой обучила его графиня, внешне никак не проявлялась. Готар был по-женски хитер, как дитя чистосердечен и осмотрителен, словно заговорщик. Все эти замечательные качества скрывались под маской глубочайшего невежества и деревенского тупоумия. С виду Готар был простоват, слаб и неловок; но стоило ему получить поручение, как он становился вертким, как рыба, ускользал из рук не хуже угря и читал мысли по глазам. У него было добродушное круглое краснощекое лицо, сонные карие глаза, подстриженные на крестьянский манер волосы и простая одежда. В придачу ко всему он был мал ростом и мог запросто сойти за десятилетнего. При постоянном содействии кузины, помогавшей им на протяжении пути от Страсбурга до Бар-сюр-Оба, во Францию через Эльзас, Лотарингию и Шампань прибыли г-да д'Отсер и де Симёз в сопровождении многих других эмигрантов, в то время как другим заговорщикам, не менее храбрым, пришлось преодолеть скалистые берега Нормандии. Переодевшись в рабочих, д'Отсеры и де Симёзы шли пешком, от леса к лесу; проводниками им служили люди, три месяца назад отобранные самой Лоранс из числа самых преданных приверженцев Бурбонов, которые

в меньшей степени рисковали привлечь к себе внимание полиции. Эмигранты спали днем и путешествовали ночью. Каждый вел с собой двух преданных солдат: один шел впереди группы, разведывая местность, другой — позади, чтобы на случай беды облегчить отступление остальным. Благодаря этой армейской предусмотрительности долгожданный отряд без происшествий добрался до условленного места — леса Нодем. В страну через швейцарскую границу вошли еще двадцать семь дворян и с подобными предосторожностями направлялись сейчас по землям Бургундии в Париж.

Г-н де Ривьер рассчитывал собрать пять сотен человек, из которых сотню составляли бы дворяне, офицеры этого священного отряда. Г-да Полиньяк и де Ривьер, осуществлявшие общее руководство операцией, действовали эффективно и безупречно; имена заговорщиков хранились в тайне, которая так никем и не была раскрыта. Поэтому справедливо будет сказать, что, невзирая на откровения некоторых деятелей в эпоху Реставрации, Бонапарт не представлял истинного масштаба заговора, как Англия не догадывалась о том, сколь серьезная опасность грозит ей со стороны булонских военных лагерей

(и это при том, что полиция ни до, ни после не имела такого блестящего во всех отношениях руководства). Когда наша история только начиналась, трус — какие всегда находятся в числе заговорщиков, если число их не ограничивается немногими людьми, одинаково сильными духом, — под угрозой смерти дал показания, к счастью, весьма недостаточные для того, чтобы определить масштабы заговора, но достаточно ясные в отношении его цели. Поэтому полиция, как мы уже знаем из разговора Малена и Гревена, позволяла заговорщикам действовать свободно, дабы собрать о затеваемом покушении как можно больше сведений. Тем не менее руки правительства были в некоторой степени связаны из-за деятельности Жоржа Кадудаля, человека весьма предприимчивого и самостоятельного в решениях; он в это время скрывался в Париже с двадцатью пятью шуанами[39] и также планировал покушение на первого консула. В мыслях Лоранс ненависть занимала столько же места, сколько и любовь. Разве уничтожить Бонапарта

[39] Примечания: 39

Шуаны (фр. *Chouans*, по имени предводителя) — участники контрреволюционных восстаний в защиту королевской власти и католической церкви в Бретани и Нормандии во время Великой французской революции.

и восстановить на французском троне Бурбонов — это не то же самое, что вернуть кузенам Гондревилль и остальные богатства? Этих двух дополняющих друг друга чувств часто оказывается достаточно (особенно если тебе всего двадцать три года!), чтобы вложить в замысел всю свою душу и жизненные силы. Примечательно и то, что обитатели Сен-Синя в последние пару месяцев находили Лоранс более привлекательной, чем когда-либо. Щеки ее порозовели, взгляд иногда выражал надежду, что делало его еще более горделивым. Однако когда в вечернем выпуске «Ля газетт» при ней читали репортаж о новых — консервативных! — деяниях первого консула, Лоранс опускала глаза, чтобы никто не заметил в них угрожающей уверенности в том, что скоро этот враг Бурбонов будет повержен. Никто в шато не догадывался, что прошлой ночью юная графиня виделась с кузенами. Два сына г-на и г-жи д'Отсер провели ночь в спальне хозяйки дома, под одной крышей с родителями; Лоранс, дабы не возбуждать подозрений, устроив д'Отсеров на ночлег, после часа ночи отправилась туда, где у них с кузенами была назначена встреча, чтобы впоследствии отвести их в заброшенную хижину лесничего. Зная, что увидится с ними

снова, она ничем не выказывала ни радости, ни волнения; как ни была она счастлива, внешне девушка сохраняла полнейшую невозмутимость. В эту тайну были посвящены миловидная Катрин, дочка кормилицы Лоранс, и Готар и вели себя так же. Катрин было девятнадцать, а в этом возрасте (что справедливо и по отношению к Готару) преданность обычно бывает фанатичной; за свою госпожу она могла умереть, не проронив ни слова. Что касается грума, то одного воспоминания об аромате духов, которыми благоухали волосы и одежда графини, ему хватило бы для того, чтобы безмолвно снести любую, даже самую жестокую пытку.

Глава 6
Жизненный уклад и портреты рояли-стов в эпоху Консулата

Когда Марта с быстротою тени устремилась к мостику через ров, чтобы поскорее уведомить графиню о грозящей опасности, в гостиной шато-де-Сен-Синь царила мирная обстановка. Обитатели дома и помыслить не могли о том, что на них вот-вот обрушится гроза, и их очевидная беспечность вызвала бы сочувствие у любого, кто знал истинное положение вещей. В высоком камине, над которым висело трюмо, поверху украшенное фигурками танцующих пастушек в пышных платьях, пылало пламя, какое могут себе позволить только в домах, расположенных возле леса. Рядом с камином, в глубоком позолоченном квадратном кресле-бержер, обитом зеленым камчатным шелком, расположилась молодая графиня; поза ее свидетельствовала о крайнем утомлении. Она только в шесть вечера вернулась из окрестностей Бри, откуда, заблаговременно разведав местность, проводила четырех молодых людей в надежное место; им предстояло отпра-

виться в Париж. Г-на и г-жу д'Отсер она застала за ужином, который подходил к концу. Девушка так проголодалась, что села за стол, не переменив испачканной амазонки и полусапожек. И после трапезы не стала переодеваться, настолько сильна была ее усталость, — прилегла, откинув белокурую кудрявую головку на широкую спинку кресла и устроив ноги на скамеечку. Грязные пятна на платье и сапожках постепенно высыхали. Замшевые перчатки, бобровая шапочка, вуаль и хлыст так и остались лежать на столике с выгнутыми ножками, куда она их бросила. Время от времени девушка поглядывала то на настольные часы работы Буля, стоявшие на каминной полке между двумя подсвечниками в форме цветов (спят ли четверо заговорщиков или еще нет?), то на карточный столик тут же, у камина, за которым играли в бостон г-н д'Отсер с супругой, кюре деревушки Сен-Синь и его сестра.

И хотя эта четверка никак не задействована в нашей драме, она вполне может послужить иллюстрацией внешнего облика и умонастроений определенного круга французской аристократии, пережившего сокрушительный 1793 год. Но на этой «картине», в гостиной шато-де-Сен-Синь, история покажется нам, что называется, в дез-

абилье.

Г-н д'Отсер, которому на тот момент исполнилось пятьдесят два года, был высок, сухопар, подвижен и отличался отменным здоровьем; казалось бы, живое воплощение выдержки и силы, если бы не взгляд больших, фарфорово-синих глаз, свидетельствовавший о чрезвычайном простодушии. Непропорционально большой промежуток между носом и ртом и похожий на галошу подбородок придавали его физиономии покорный вид, прекрасно гармонировавший с характером, как, впрочем, и остальные черты его внешности. Седая шевелюра, примятая шляпой, которую он по целым дням не снимал, выглядела так, словно на затылке у него была надета ермолка. Морщинистый лоб (жизнь в деревне и постоянные тревоги не проходят бесследно) был лишен всякого выражения, зато прямой нос придавал лицу значительность. Признаком силы духа были разве что густые брови, сохранившие черный цвет, и насыщенный цвет лица. И признаки эти не лгали: несмотря на мягкий и покладистый характер, г-н д'Отсер был убежденным католиком и монархистом, и его веру не могли поколебать никакие соображения. Он скорее позволил бы себя арестовать, чем стал

бы стрелять в служащих муниципалитета, и, не противясь, взошел бы на эшафот. Эмигрировать ему помешали три тысячи ливров пожизненной ренты, его единственный доход. Поэтому он повиновался существующему правительству, не переставая при этом любить королевскую семью и желать ее восстановления в правах; и при этом ни за что не согласился бы скомпрометировать себя участием в заговоре ради все тех же Бурбонов. Д'Отсер принадлежал к той породе роялистов, которые постоянно помнят, что их избили и ограбили; с тех пор они жили молча, экономно, пестуя свои обиды и не тратя сил понапрасну, не способные ни на отречение, ни на жертвы; готовые в любой момент приветствовать восторжествовавшую королевскую власть; приверженцы религии и священников, преисполненные решимости вытерпеть все унижения и несчастья. Не собственное мнение вело их по жизни, а чистой воды упорство. Они ничего не желали предпринимать. Вот и г-н д'Отсер, бездеятельный и при этом лояльный, по-крестьянски скупой, однако сохранивший великосветские манеры, пылкий в чаяниях и сдержанный в речах и поступках, из каждой мелочи извлекающий выгоду, не подумал бы протестовать, назначь его

власти мэром деревушки Сен-Синь. Он был ярким представителем той части дворянства, на чьем челе рукой Всевышнего начертано было «тля»; они со смирением взирали на то, как проносится у них над головами и над их родовыми усадьбами революционная гроза, чтобы в 1830 году, после Реставрации, выпрямиться во весь рост, гордясь припрятанными состояниями и своей ненавязчивой преданностью, и вернуться в свои загородные усадьбы. Наряд его, эта выразительная оболочка характера, был под стать и своему владельцу, и эпохе. Г-н д'Отсер носил черный широкий плащ с маленьким воротником, введенный в моду последним герцогом Орлеанским по прибытии из Англии; в революционные годы это одеяние стало чем-то средним между ужасными накидками, бывшими в ходу у простонародья, и элегантными рединготами аристократов. Его бархатный в игривую полоску жилет, фасоном похожий на те, что в свое время носили Робеспьер и Сен-Жюст, оставлял открытой верхнюю часть жабо в мелкую складку, покоившегося на рубашке. Д'Отсер по-прежнему носил кюлоты, но сшитые из плотного синего сукна, с потемневшими железными пуговицами. Чулки из шелка-сырца плотно облегали его мускулистые,

как у любого хорошего ходока, ноги, обутые в грубые башмаки с черными суконными гетрами. Воротничок он тоже по привычке носил муслиновый, с тысячей складок, у шеи скрепленный золотой пряжкой. Этот почтенный дворянин слыхом не слыхивал о политической эклектике, когда подбирал свой наряд, сочетавший в себе элементы крестьянского, революционного и аристократического костюмов, — он невиннейшим образом повиновался обстоятельствам.

Г-же д'Отсер было сорок. Треволнения состарили ее прежде времени; глядя на ее поблекшее лицо, можно было подумать, что она постоянно позирует для портрета, а кружевной чепец, украшенный атласным бантом, придавал ее облику еще бóльшую торжественность. Она продолжала пудриться, хотя уже прикрывала шею белым платочком, а платье носила красно-бурого оттенка, с очень широкой юбкой, напоминавшее печальный предсмертный наряд королевы Марии-Антуанетты. У г-жи д'Отсер был маленький узкий носик, заостренный подбородок, почти треугольное лицо и глаза, которые много плакали; однако она не забывала слегка подкрасить губы, и ее серые глаза казались благодаря этому ярче. Она нюхала табак, и действо это сопровож-

далось многочисленными предосторожностями, которыми в былые времена так злоупотребляли кокетки; каждая понюшка представляла собой ритуал, объяснявшийся весьма просто: у мадам были красивые руки.

В последние два года г-н Гуже, некогда состоявший в ордене минимитов, бывший наставник близнецов де Симёз и друг аббата д'Отсера, из приязни ко всему семейству д'Отсер и молодой графине согласился принять приход Сен-Синь. Сестра его, мадемуазель Гуже, имела семьсот франков годовой ренты. Она поселилась вместе с братом, присовокупив их к скромному доходу приходского священника, и теперь вела его дом. Ни церковь, ни прилегающее к ней жилище священника не были в свое время проданы, поскольку ценности не представляли. Аббат Гуже жил в паре шагов от шато: забор его садика в нескольких местах соприкасался с парковой оградой. Дважды в неделю аббат с сестрой ужинали в господском доме и каждый вечер приходили туда же, чтобы составить партию д'Отсерам (Лоранс не умела играть в карты). У аббата Гуже, старика с белыми волосами и белым же, как у пожилой дамы, лицом, была любезная улыбка и мягкий, вкрадчивый голос. Его невыразительные, похожие на

кукольные черты украшал высокий умный лоб и до чрезвычайности проницательный взгляд. Он был среднего роста и плотного телосложения и носил так называемый придворный французский костюм 1870–1880-х годов — удлиненный черный сюртук с жилетом и кюлоты. Пряжки и пуговицы на кюлотах и башмаках у него были серебряные, чулки — из черного шелка, на жилет ниспадали пышные брыжи, придавая ему торжественный вид и нисколько не умаляя достоинства. Этот аббат, которому при Реставрации суждено было стать епископом Труа, за свою жизнь научился разбираться в людях, а потому угадал в Лоранс сильную натуру и по достоинству ее оценил; с первой же встречи он отнесся к юной даме с уважительным почтением, благодаря чему ей было значительно легче добиться независимости и подчинить своим желаниям строгую мадам д'Отсер и ее добрейшего супруга, которым по существующему порядку вещей должна была бы повиноваться. На протяжении последних шести месяцев аббат Гуже наблюдал за юной графиней с вниманием, коим вообще отличаются священники (а с ними в проницательности не сравнится никто!); ему и в голову не могло прийти, что, перебирая пальчиками расстегнутые петлицы

брандебуров на своем платье, эта двадцатитрехлетняя девушка думает о свержении Бонапарта, однако было ясно, что замышляет она что-то серьезное.

Мадемуазель Гуже была из тех дам, чей портрет можно обрисовать одним словом — так, чтобы человек с самым скудным воображением понял, о чем идет речь: она была дылдой. Она знала, что некрасива, и первой смеялась над своей непривлекательностью, показывая длинные зубы, такие же желтоватые, как ее лицо и костистые руки. Добрая по натуре и веселая, она носила старомодные казакины и широкие юбки с множеством карманов, в которых хранила ключи, чепец с лентами и накладные кудельки. Мадемуазель Гуже еще в молодости казалась сорокалетней, зато, по ее же собственным словам, последние двадцать лет ей каким-то чудом удавалось на эти же сорок и выглядеть. Она благоговела перед аристократией, не теряя собственного достоинства, и воздавала особам знатного рода полагающиеся им почести и уважение.

Это соседство доставляло особенное удовольствие мадам д'Отсер, у которой не было, в отличие от мужа, забот вне дома и, в отличие от Лоранс, источника сил в виде ненависти, помогавшей ей

сносить тяготы уединенной жизни. К тому же за последние шесть лет в стране произошли благоприятные перемены. Был восстановлен культ католической церкви, и отныне верующие могли исполнять свои обязанности, которые всегда имели большое значение для жителей деревни. Г-н и г-жа д'Отсер, приободренные либеральными распоряжениями первого консула, смогли написать сыновьям и узнать, как им живется; перестав наконец дрожать за их жизнь, они даже предложили молодым людям подать прошение об исключении из эмигрантских списков, с тем чтобы вернуться на родину. Казначейство погасило задолженности по ценным бумагам и регулярно, раз в полугодие, выплачивало ренту.

С некоторых пор годовой доход д'Отсеров, без учета пожизненной ренты, составлял восемь тысяч франков. Отец семейства хвалил себя за предусмотрительность, ведь это он поместил в ценные бумаги все свои сбережения — двадцать тысяч франков — вместе с деньгами своей воспитанницы еще до 18 брюмера, после которого их стоимость поднялась с двенадцати до восемнадцати франков.

Долгое время шато-де-Сен-Синь оставалось пустым и разоренным. И в этом был определен-

ный расчет: пока продолжаются революционные волнения, предусмотрительный опекун не желал ничего менять. Но после заключения Амьенского перемирия он отправился в Труа, откуда привез несколько предметов обстановки из разграбленных отеля-де-Симёз и отеля-де-Сен-Синь, выкупленных у старьевщиков. Скоро его усилиями гостиная снова была меблирована. Красивые занавеси из камчатного шелка, белые в зеленый цветочек, некогда принадлежавшие де Симёзам, украсили шесть оконных проемов в гостиной, где в данный момент и находились г-н и г-жа д'Отсер, кюре с сестрой и Лоранс. Стены комнаты были обшиты деревянными панелями двух оттенков серого, с перламутровыми вставками по контуру и угловыми украшениями в виде орнаментальных розеток. Над четырьмя дверями висели живописные полотна, исполненные в модной при Людовике XV технике гризайль. Также г-н д'Отсер разыскал в Труа несколько позолоченных столиков с витыми ножками, кресло с обивкой из зеленого камчатного шелка, хрустальную люстру, инкрустированный карточный стол и еще множество вещей, которые могли пригодиться при реставрации шато-де-Сен-Синь. В 1792 году вся его обстановка пропала:

мародерствующая толпа не ограничилась городскими особняками знати. Теперь же из каждой поездки в Труа пожилой господин возвращался с какой-нибудь реликвией, напоминавшей о былом великолепии, — красивым ковром, похожим на тот, что лежал на паркетном полу в гостиной, несколькими предметами столового сервиза либо старинными безделушками саксонского или севрского фарфора. Полгода назад он даже осмелился извлечь из тайника серебряную посуду де Сен-Синей, которую повар спрятал в своем маленьком жилище, расположенном на краю одного из обширных поместий Труа.

Этот верный слуга по фамилии Дюрье и его супруга находились при юной госпоже неотлучно. Дюрье помогал г-ну д'Отсеру в шато, а мадам Дюрье исполняла обязанности экономки. Себе в помощницы Дюрье взял сестрицу Катрин и стал обучать ее своему искусству, так что девушка обещала стать искусной поварихой. Старый садовник с женой и сыном получали поденную плату, а дочка их служила скотницей. Другой прислуги в усадьбе не было. Полгода назад жена повара, мадам Дюрье, тайком заказала ливреи в геральдических цветах де Сен-Синей для сына садовника и Готара. И хотя г-н д'Отсер ее за это

выбранил, она все же не смогла отказать себе в удовольствии созерцать, как в день святого Лорана, небесного покровителя Лоранс, ужин подавали почти так же торжественно, как в былые времена. Это медленное и мучительное восстановление прежних порядков составляло радость господ д'Отсер и супругов Дюрье. Лоранс лишь улыбалась и называла все это ребячеством. Однако г-н д'Отсер заботился и о серьезных вещах: восстанавливал постройки, подправлял стены, высаживал всюду, где только можно, новые деревья с тем, чтобы ни пяди полезной земли не пустовало. В том, что касается сельского хозяйства, обитатели долины Сен-Синь внимали ему, словно оракулу. Г-ну д'Отсеру удалось отвоевать право собственности на сотню спорных арпанов земли, которая так и не была продана и по ошибке была причислена к собственности коммуны; на этих землях он разбил искусственные пастбища для домашней скотины с фермы шато и обсадил их тополями, которые за шесть лет выросли на удивление. Он намеревался прикупить еще земли и пустить в дело хозяйственные пристройки, превратив их в ферму, управлять которой рассчитывал сам.

Итак, последние два года жизнь в шато была,

можно сказать, счастливой. С рассветом г-н д'Отсер отправлялся по делам. Сперва наведывался к рабочим, для которых у него всегда находилось занятие, потом ехал домой обедать, после чего пересаживался на крестьянскую лошадку и, словно часовой, объезжал свои владения. Вернувшись к вечеру, ужинал, и заканчивались его дневные труды за карточным столом. У всех обитателей шато было чем заняться, потому и жизнь в нем текла размеренно, как в монастыре. Одна лишь Лоранс нарушала распорядок внезапными отлучками и поездками, которые г-жа д'Отсер именовала «шалостями». Однако были в шато и недовольные, и причины для недовольства у каждого были свои. К примеру, супруги Дюрье завидовали Катрин и Готару — молодая графиня, на которую все в усадьбе едва ли не молились, удостаивала их большим доверием и расположением. Г-н и г-жа д'Отсер (и кюре с мадемуазель Гуже их в этом поддерживали) желали, чтобы их сыновья и молодые де Симёзы вернулись на родину и разделили с ними радости мирной жизни, вместо того чтобы терпеть лишения за границей. Разумеется, Лоранс, будучи представительницей истинного роялизма, воинственного и неумолимого, с презрением отнеслась к этой

идее. Опекуны и священнослужитель с сестрой, не желавшие стать свидетелями того, как разъяренный революционный поток снова затопляет этот благословенный уголок, пытались обратить Лоранс в свою веру, приобщить ее к собственной мудрости, подозревая, что их сыновья и братья де Симёз отказываются возвращаться во Францию в немалой степени из-за нее. Полнейшее презрение воспитанницы к их увещеваниям раздражало этих бедолаг, которые вовсе не ошибались, приписывая его безрассудному упрямству. Этот конфликт разгорелся с новой силой после взрыва «адской машины» на улице Сен-Никез — первой попытки роялистов поквитаться с победителем в битве при Маренго после его отказа от переговоров с Бурбонами. Д'Отсеры считали счастьем то, что Бонапарт избежал опасности, и полагали, что покушение это организовали республиканцы. Лоранс же заплакала от ярости, узнав, что первый консул остался жив. Отчаяние заставило ее забыть об осторожности, которую она неукоснительно соблюдала в близком кругу, и она вслух обвинила Всевышнего в предательстве сыновей Людовика Святого[40].

---

[40] Примечания: 40

Используемое в литературе обобщенное название французских королей.

— У меня бы получилось! — И, заметив глубочайшее изумление на лицах окружающих, обратилась с вопросом к аббату Гуже: — Разве мы не имеем права бороться против узурпатора всеми возможными способами?

— Дитя мое, — отвечал аббат Гуже, — философы часто упрекали и порицали Церковь за то, что в былые времена она поддерживала доктрину, согласно которой против узурпатора дозволено использовать оружие, коим сам он воспользовался, дабы преуспеть. Однако сегодня Церковь слишком многим обязана мсье первому консулу, чтобы не защищать его всеми возможными способами против этой максимы[41], которая, кстати, принадлежит иезуитам.

— Значит, Церковь от нас отказывается! — мрачно отозвалась Лоранс.

С этого дня, стоило старшим завести речь о том, что нужно подчиняться Провидению, юная графиня выходила из гостиной. По прошествии времени кюре, будучи более ловким дипломатом, нежели г-н д'Отсер, вместо того, чтобы рассуждать о принципах, стал расписывать преимущества консульского правления — не столько

---

[41] Примечания: 41

Краткое изречение, формулирующее какое-либо нравственное правило, житейскую мудрость.

для того, чтобы переубедить девушку, сколько для того, чтобы уловить в ее взгляде хоть какой-то намек, который помог бы разгадать ее планы. Отлучки Готара, участившиеся продолжительные прогулки Лоранс, ее вдруг ставшая очевидной озабоченность и еще множество мелочей, которые благодаря тихой и размеренной жизни в усадьбе не могли укрыться от встревоженных глаз д'Отсеров, аббата Гуже и четы Дюрье, — все это пробудило страхи наших почтенных и покорных роялистов. Но поскольку ничего серьезного не происходило и в последнее время на политической арене царило полнейшее спокойствие, жизнь обитателей маленького шато скоро вернулась в мирную колею. Каждый про себя приписал частые отлучки Лоранс ее пристрастию к охоте.

Было девять вечера. Несложно представить, как тихо было в парке, во дворах и на лугу перед шато-де-Сен-Синь; в этот самый момент его обстановка и обитатели пребывали в приятной гармонии; царил глубочайший покой, постепенно возвращался достаток, и добродушный и умудренный опытом дворянин надеялся убедить свою подопечную, что у покорности есть преимущества и она дает желанные плоды. Роялисты наши продолжали преспокойно играть в бостон,

в весьма фривольной форме распространивший по территории Франции идеи независимости; игра эта придумана была в честь восставших Соединенных Штатов, и используемые в ней специфические «словечки» напоминали о борьбе, которую поддерживал Людовик XVI. Объявляя «индепанданс»[42] или «мизе́р», они поглядывали на Лоранс. Ту вскоре сморил сон; но заснула девушка с иронической усмешкой на губах, думая о том, как бы преобразилась мирная картина, если бы д'Отсерам шепнули на ухо всего несколько слов — что их сыновья провели прошлую ночь в этом доме, чуть ли не в шаге от них. В какой ужас повергло бы их это открытие! И какая девушка двадцати трех лет от роду, подобно Лоранс, не гордилась бы подспудно тем, что вершит судьбы, и не испытывала сочувствия к тем, кого считала намного слабее себя?

— Она спит, — проговорил аббат. — Никогда не видел ее такой утомленной.

— По словам Дюрье, она загнала своего коня, — подхватила г-жа д'Отсер. — Но из оружия не стреляли, полка у ружья чистая, значит, она не охотилась.

---

[42] Примечания: 42

В бостоне французская терминология: indépendance — независимость, misère — нищета.

— Ценные сведения… — поморщился г-н Гуже. — Вот уж у кого дурья башка!

— Ба! — вскричала мадемуазель Гуже. — Когда мне исполнилось двадцать три и я поняла, что замуж никто меня не возьмет, я искала уединения и утомляла себя по-другому. Я понимаю, почему графиня уезжает из дома. У нее и мысли нет об охоте! Скоро будет двенадцать лет, как она не виделась с кузенами, а ведь она их любит; на ее месте, будь я такой же молодой и красивой, я бы уже завтра была в Германии! Вот и ее, бедняжку, тянет к границе…

— Не подозревал у вас такой прыти, мадемуазель Гуже! — усмехнулся ее брат.

— Вижу, вас тревожат отлучки двадцатитрехлетней девицы, — не смутилась дама. — Я их вам объясню.

— Кузены ее вернутся, она будет богатой и в конце концов успокоится, — добродушно проговорил г-н д’Отсер.

— Да хранит ее Господь! — поддержала мужа г-жа д’Отсер, беря золотую табакерку, со времен Консулата снова извлеченную на свет божий.

— У нас новости, — сказал г-н д’Отсер, обращаясь к кюре. — Со вчерашнего вечера Мален в Гондревилле.

— Мален? — вскричала Лоранс, которую звук этого имени пробудил от глубокого сна.

— Я знаю, — отвечал кюре. — Но сегодня ночью он уезжает. Знать бы, в чем причина столь неожиданного и короткого визита…

— Этот человек — злой гений наших семей!

Только что молодая графиня видела во сне своих кузенов и двух братьев д'Отсер; им грозила беда. Ее прекрасные глаза померкли и уставились в одну точку, стоило ей подумать об опасностях, с которыми им предстоит столкнуться в Париже. Лоранс рывком вскочила на ноги и, не сказав более ни слова, удалилась к себе. Ее спальня была лучшей в шато, к ней примыкала туалетная комната и молельня — и все это располагалось в башне, выходившей в сторону леса. Стоило девушке покинуть гостиную, как залаяли собаки и у ограды тоненько затренькал колокольчик. В гостиную прибежал испуганный Дюрье:

— Мэр приехал! Значит, все-таки что-то случилось!

Г-н Гулар, в прежние времена служивший у де Симёзов конюхом, иногда наведывался в шато. Уважение, с каким супруги д'Отсер в силу сложившихся обстоятельств к нему относились, значило для мэра очень много. Женившись на состоятель-

ной торговке из Труа, чье имущество находилось на территории коммуны Сен-Синь, он прикупил еще и земли богатого аббатства Валь-де-Прё, истратив на это все свои накопления. Просторные залы монастыря, расположенного в четверти лье от шато графини, роскошью архитектуры могли соперничать с Гондревиллем, и мэр с супругой смотрелись в окружении всего этого великолепия как две крысы в кафедральном соборе. «Гулар, ты определенно пожадничал!» — смеясь, сказала ему Мадемуазель, когда он впервые приехал в Сен-Синь. Преданный идеям Революции Гулар был принят графиней довольно холодно, однако это не умаляло уважения, которое он испытывал к де Симёзам и де Сен-Синям. Поэтому-то он и закрывал глаза на все, что происходило в шато. «Закрывать глаза» в его понимании — это не замечать портретов Людовика XVI, Марии-Антуанетты, детей этой королевской четы, Мсье[43], графа д'Артуа, Жака Казалеса и Шарлотты Корде, украшавших стены гостиной; не считать, что это дурно — когда в его присутствии Республике желают поскорее пасть и насмехаются над пятью

[43] Примечания: 43

С XVI в. титул «Мсье» носил родной брат короля Франции, следующий за ним по старшинству. Здесь речь идет о графе Прованском, будущем Людовике XVIII.

Директорами[44] и другими правительственными «комбинациями» того времени. Гулар, подобно многим парвеню, едва разбогатев, стал искать общества и расположения представителей «старых семей», чем не преминула воспользоваться парочка, о которой мы уже упоминали и чью профессиональную принадлежность Мишю так легко разгадал; прежде чем отправиться в Гондревилль, эти двое успели собрать в окрестностях массу ценных сведений.

[44] Примечания: 44

Речь идет о пяти т. наз. директорах, в чьих руках при Директории находилась исполнительная власть.

Глава 7
Домашний обыск

Человек, которого Мален назвал хранителем лучших традиций старой полиции, и Корантен, этот феникс шпионажа, имели секретное поручение. Хозяин Гондревилля вовсе не ошибался, приписывая двойную роль этим мастерам трагифарса. Поэтому, прежде чем увидеть их, что называется, в деле, будет нелишним показать читателю «голову», которой они служили «руками». Будучи избранным первым консулом, Бонапарт застал Фуше на посту министра полиции: Революция без колебаний и вполне резонно выделила полицию в отдельное министерство. Но по возвращении из Маренго Бонапарт создал префектуру полиции и отдал ее под начало Дюбуа, а Фуше назначил государственным советником. Вместо него министром стал член Конвента Кошон, позже получивший титул графа Лапарена. Фуше, который считал министерство полиции важнейшим для правительства с долговременными планами и устойчивой политикой, узрел в этих перестановках немилость или по меньшей

мере недоверие. После взрыва «адской машины» и заговора, о котором мы сейчас ведем речь, Бонапарт вынужден был признать недюжинный ум и прозорливость этого великого государственного деятеля и вернуть ему министерский пост. Позднее, устрашившись того, с каким блеском Фуше организовал оборонную операцию против англичан на Валхерене, император отдал министерство полиции герцогу де Ровиго, а герцога Отранского[45] направил губернатором в Иллирийские провинции[46], что было равнозначно изгнанию. Присущая Фуше гениальность, единственная в своем роде и повергавшая в трепет самого Наполеона, проявилась не сразу. Один из виднейших (и недооцененных) деятелей своего времени, он начинал карьеру с безвестности, будучи членом Национального конвента, и закалился в политических бурях. При Директории Фуше поднялся до высот, на которых люди глубокого ума обретают возможность предвидеть будущее, основываясь на опыте, с тем, чтобы

[45] Примечания: 45

Наследственный титул, в 1808 г. присвоенный Наполеоном I государственному деятелю и министру полиции Жозефу Фуше.

[46] Примечания: 46

Автономная область в составе Первой Французской империи (1809–1813), состоявшая из Далмации, Истрии и Крайны.

позднее, неожиданно для всех, во время стремительной Революции 18 брюмера проявить незаурядную сноровку — так посредственный актер, внезапно попадая в свет софитов, вдруг обретает черты гениальности. Этот человек с бледным лицом, религиозным образованием приученный к скрытности, владевший тайнами монтаньяров, к числу которых когда-то принадлежал, и роялистов, к которым в конце концов примкнул, долго втайне изучал людей, события и сталкивающиеся на политической арене интересы; он разгадал замыслы Бонапарта, дал ему немало полезных советов и ценных рекомендаций. Доказав на деле свои таланты и полезность, Фуше не стал открываться полностью, ибо желал и далее быть в курсе происходящего; но сомнения Наполеона на его счет вернули Фуше политическую свободу. Неблагодарность или, скорее, недоверие императора после валхеренского дела является ключом к пониманию этого человека, который, к несчастью для себя, не был родовит и часто руководствовался примером Талейрана. В тот момент ни прежние, ни новые коллеги Фуше не догадывались о масштабах его истинно министерского и управленческого таланта, ибо прогнозы его всегда оказывались верны, а про-

ницательность была поистине беспримерной. Разумеется, сегодня историк, изучающий период Империи, назовет избыточное самолюбие в числе тысячи прочих причин падения Наполеона, которым он, заметим, искупил свои ошибки, и жестоко. Этот недоверчивый суверен и впрямь ревностно оберегал свою усиливающуюся власть, что не могло не влиять на его поступки и чувства; ревность эта заставляла его втайне ненавидеть людей предприимчивых и умных — драгоценное наследие Революции, с которым он мог бы составить эффективный министерский кабинет и претворить в жизнь все свои планы. Талейран и Фуше были не единственными, кто внушал ему опасения. Главная беда узурпаторов в том, что в числе их врагов оказываются как люди, которые дали им корону, так и те, кто этой короны лишился. Наполеону так и не удалось полностью убедить в законности своего господства тех, кто был выше его или был ему ровней, и тех, кто выступал за справедливость; поэтому никто и не чувствовал себя связанным присягой по отношению к нему. Мален, человек посредственный, не способный ни правильно оценить сумрачный гений Фуше, ни скрыться от его проницательного ока, сгорел, как бабочка в огне свечи, явившись

к нему с конфиденциальной просьбой — направить двух агентов в Гондревилль, где сам он рассчитывает кое-что разузнать о заговорщиках. Фуше предпочел ни о чем не расспрашивать, дабы не вспугнуть Малена, однако задался вопросом, почему тот едет в Гондревилль вместо того, чтобы здесь, в Париже, и причем немедленно, сообщить все сведения, которыми он располагает. Бывший ораторианец[47] и искушенный интриган, прекрасно осведомленный о том, что многие члены Конвента ведут двойную игру, он сказал себе: «От кого Мален мог что-либо узнать, если нам самим почти ничего не известно?» Придя к выводу, что заговор либо уже созрел, либо еще только пребывает в зачаточном состоянии, Фуше ни словом не обмолвился об этом первому консулу. Он предпочел сделать Малена своим инструментом, а не лишиться его. У Фуше вошло в привычку утаивать значительную часть секретов, которые он узнавал по долгу службы, что в итоге давало ему даже бóльшую власть над людьми, нежели та, которой обладал Бонапарт. Подобное двуличие

[47] Примечания: 47

Т. е. член Конфедерации ораторианцев святого Филиппа Нери — католического общества апостольской жизни, объединяющего священников и монахов, занимающихся просветительской и благотворительной деятельностью.

и послужило одной из причин, по которой Наполеон недолюбливал своего министра. Фуше знал, посредством каких махинаций Мален завладел усадьбой Гондревилль и отчего так интересуется судьбой братьев де Симёз. Симёзы служили в армии Конде, а мадемуазель де Сен-Синь приходилась им двоюродной сестрой; следовательно, они могли скрываться неподалеку и участвовать в заговоре, таким образом вовлекая в него и дом Конде, которому были преданны. С точки зрения господ де Талейрана и Фуше, прояснить эту весьма туманную часть заговора 1803 года было очень важно. Все эти соображения Фуше принял в расчет незамедлительно и со свойственной ему проницательностью. Однако узы, связывавшие их с Маленом и де Талейраном, вынуждали его действовать с большой осмотрительностью, для чего желательно было как следует изучить шато в Гондревилле. Корантен был предан Фуше беззаветно, как г-н де ла Бенадьер — Талейрану, Генц — князю Меттерниху, Дандас — премьер-министру Питту, Дюрок — Наполеону, а де Шавиньи — кардиналу де Ришелье. Он был не советником бывшего министра, но его преданным рабом (как

Тристан Лермит[48] — для Людовика XI); Фуше оставил Корантена в министерстве полиции, дабы по-прежнему иметь там свои «глаза» и «руку». Поговаривали даже, что этот молодой человек связан с Фуше узами родства, о которых не принято объявлять публично, поскольку последний щедро вознаграждал своего помощника за каждую оказанную им услугу. Корантен подружился с Пейрадом, выучеником последнего лейтенанта полиции, однако своими секретами с ним не делился. От Фуше Корантен получил приказ изучить внутреннее устройство шато Гондревилль, как следует все запомнить и исследовать имеющиеся в доме тайники. «Возможно, нам еще придется туда вернуться», — сказал ему бывший министр — совсем как Наполеон, когда, планируя отступление, приказывал своим генералам хорошенько изучить поле битвы при Аустерлице. Помимо прочего, Корантену поручено было присмотреться к Малену, узнать, насколько велико его влияние в тех краях и что за люди ему служат. Фуше не сомневался, что де Симёзы находятся неподалеку. Организовав слежку за этими двумя офицерами армии принца

[48] Примечания: 48

Тристан Лермит, старший прево при Людовике XI, беззаветно ему преданный.

Конде, Пейрад с Корантеном могли раздобыть ценные сведения об ответвлениях заговора по ту сторону Рейна. Как бы то ни было, Корантен получил средства, указания и достаточное количество агентов, чтобы окружить Сен-Синь и прочесать окрестности, от леса Нодем до самого Парижа. Фуше рекомендовал вести себя в величайшей степени осмотрительно и не подвергать шато-де-Сен-Синь обыску, если только полученные от Малена неопровержимые сведения его к этому не вынудят. Также он поручил особому вниманию Корантена странного человека по фамилии Мишю, который уже три года находился под надзором полиции. Корантен мысленно согласился с начальником: «Малену известно о заговоре! Но как знать, не замешан ли в нем и сам Фуше?» В Труа Корантен прибыл раньше, чем Мален. Там он обо всем договорился с комендантом жандармерии и отобрал самых смышленых его людей, дав им в начальники толкового капитана. Этому капитану он указал в качестве места сбора шато Гондревилль и распорядился, чтобы с наступлением ночи в разных пунктах долины Сен-Синь достаточно далеко друг от друга, чтобы не вызывать подозрений, были расставлены четыре пикета по три жандарма в каждом. Далее жан-

дармам предстояло рассредоточиться, образовав каре, и, постепенно сжимая его, двинуться к шато-де-Сен-Синь. Оставив Корантена хозяйничать в Гондревилле, пока они с Гревеном беседовали, Мален тем самым позволил своему парижскому гостю осуществить часть задуманного. Вернувшись из парка, государственный советник с такой уверенностью заявил, что де Симёзы и д'Отсеры прячутся поблизости, что Корантен с Пейрадом поспешно отослали капитана, который, к счастью для молодых дворян, прошел через парк как раз в то время, когда Мишю спаивал явившегося шпионить Виолетта. Начал государственный советник с того, что описал западню, в которую чуть было не попал. Тогда парижане пересказали ему эпизод с карабином, и Гревен отправил Виолетта посмотреть, что происходит в павильоне. Корантен порекомендовал нотариусу осторожности ради увезти Малена с собой и оставить на ночь в своем доме, в Арси. И вот, в тот самый миг, когда Мишю бросился через лес к шато-де-Сен-Синь, Пейрад с Корантеном как раз выезжали из Гондревилля в дрянном плетеном кабриолете, запряженном почтовой лошадью. Правил им капрал из Арси, один из хитрейших в жандармском полку, которого им посоветовал прихватить с

собой комендант жандармерии в Труа.

— Чтобы сразу разобраться, что к чему, надо их предупредить, — сказал Пейрад Корантену. — Они перепугаются и побегут спасать свои бумаги или попытаются улизнуть — тут мы их и схватим! Шато оцеплен жандармами, так что они как кролики в силках — ни один не уйдет!

— Можно послать к ним мэра, — предложил капрал. — Он вхож к д'Отсерам и не желает им зла. Ему они поверят.

Г-н Гулар уже ложился, когда Корантен, оставив кабриолет в подлеске, явился к нему в дом и «по секрету» сообщил, что меньше чем через час правительственный агент прикажет ему, как представителю власти, оцепить шато-де-Сен-Синь, дабы схватить находящихся там господ д'Отсер и де Симёз. Если же их там не застанут, нужно будет выяснить, не ночевали ли эти господа в шато прошлой ночью. Бумаги графини подвергнутся досмотру, а саму хозяйку и всех обитателей усадьбы, возможно, арестуют.

— У мадемуазель де Сен-Синь, вне всяких сомнений, есть влиятельные покровители, поскольку я имею тайное указание предупредить ее об этом посещении и сделать все возможное для ее спасения, не скомпрометировав при этом

себя. Ступив на земли Сен-Синь, я вынужден буду исполнять приказ, поскольку приехал не один. Отправляйтесь в шато, г-н Гулар, и поскорее!

Столь поздний визит удивил игроков в бостон еще более потому, что лицо у гостя было перекошено от волнения.

— Где графиня? — спросил он.

— Ложится спать, — ответила г-жа д'Отсер.

Мэр с недоверием прислушался к звукам, доносящимся с верхнего этажа.

— Да что с вами такое, Гулар? — сказала ему г-жа д'Отсер.

Гулар с глубочайшим недоумением всматривался в невинные лица присутствующих (благо невинным лицо человека может быть в любом возрасте). Их спокойствие и прерванная карточная партия, вполне безобидная, совершенно не вязались с грядущим визитом парижской полиции. В чем этих людей вообще можно заподозрить? Лоранс же в это самое мгновение, преклонив колени, с жаром молилась об успехе заговора: она просила Бога помочь убийцам Бонапарта и защитить их! С любовью взывала она к Всевышнему, чтобы Он уничтожил этого человека. Эту прекрасную, девственно чистую душу вдохновлял фанатизм Гармодия, Юдифи,

Жака Клемана, Анкастрёма, Шарлотты Корде, Лимоелана и им подобных. Пока Катрин готовила постель, Готар закрывал ставни, поэтому, когда Марта Мишю прибежала под окна графини и стала бросать в них камешки, он сразу ее заметил.

— Мадемуазель, у нас гости, — сказал Готар при виде незнакомки.

— Тихо! — проговорила Марта приглушенным голосом. — Выходите, нам надо поговорить.

Парнишка оказался в саду быстрее птички, спорхнувшей с ветки на землю.

— Еще немного, и шато окружат жандармы! Седлай лошадь своей госпожи, да так, чтобы никто не услышал, — сказала ему Марта, — и веди ее к насыпи между этой башней и конюшнями.

Молодая женщина вздрогнула, увидев в двух шагах от себя Лоранс, которая последовала за Готаром.

— Что происходит? — просто спросила молодая графиня, ничем не выказывая волнения.

— Заговор против первого консула раскрыт, — прошептала Марта ей на ухо. — Мой муж намерен спасти ваших кузенов, а меня прислал передать, что он ждет вас в условном месте: есть разговор.

Лоранс отшатнулась и пристально посмотрела на Марту.

— Кто вы такая? — спросила она.

— Я — Марта Мишю.

— Не понимаю, о чем вы говорите, — холодно заявила мадемуазель де Сен-Синь.

— Что ж, вы своими руками их убиваете… Поспешите, мадемуазель, заклинаю вас именем де Симёзов! — взмолилась Марта, падая на колени и протягивая к ней руки. — В доме нет никаких бумаг, ничего, что может вас скомпрометировать? С холма в лесу мой муж видел, как блестят галуны и ружья жандармов!

Взбежав на чердак, Готар приметил вдалеке серебряное шитье жандармских мундиров, различил в глубокой тишине деревенской ночи топот лошадей. Он опрометью бросился на конюшню и оседлал лошадь графини, копыта кобылы Катрин по его указанию тут же обернула тряпками.

— Куда мне ехать? — спросила Лоранс у Марты, чей взгляд и слова поразили ее неподдельной искренностью.

— К насыпи! — отвечала та, увлекая графиню за собой. — Мой муж, честнейший человек, там вас встретит, и вы узнаете, Иуда он или нет!

Катрин быстрым шагом вошла в гостиную, взяла со столика хлыст, перчатки, шляпу и вуаль

своей госпожи и вышла. Неожиданное появление горничной и ее действия явились столь красноречивым подтверждением слов мэра, что г-жа д'Отсер и аббат Гуже обменялись взглядами, в которых читалась одна и та же ужасающая мысль: «Прощай, наше счастье! Лоранс в числе заговорщиков, она погубила кузенов и обоих д'Отсеров!»

— Что все это значит? — спросил г-н д'Отсер у Гулара.

— Полицейские окружили шато и вот-вот нагрянут к вам с обыском! И если ваши сыновья здесь, сделайте что-то, чтобы спасти их и господ де Симёз!

— Наши сыновья? — в недоумении вскричала г-жа д'Отсер.

— Мы никого не видели, — проговорил ее супруг.

— Ну и слава богу! — сказал Гулар. — Я не хочу, чтобы с кем-то из Сен-Синей или де Симёзов случилась беда, я слишком уважаю эти семьи! И еще одно: если вы имеете при себе бумаги, компрометирующие вас…

— Бумаги? — машинально повторил за ним г-н д'Отсер.

— Разумеется! Если таковые имеются, сожгите их, — продолжал мэр, — а я пока отвлеку поли-

цейских.

Стоило Гулару, мечтавшему о том, чтобы и роялистские овцы были целы, и республиканские волки сыты, выйти из комнаты, как снаружи бешено залаяли собаки.

— Вы ничего не успеете сделать, они уже тут, — сказал кюре. — Но кто предупредит графиню? И где она?

— Катрин не за тем забрала хлыст, перчатки и шляпу, чтобы оставить их себе на память, — проговорила мадемуазель Гуже.

Гулар попытался хотя бы на пару минут задержать двух парижан на пороге, сообщив им, что обитатели шато-де-Сен-Синь пребывают в полнейшем неведении.

— Вы плохо знаете этих господ, — ухмыльнулся ему в лицо Пейрад.

В сопровождении капрала из Арси и жандарма эта слащаво-зловещая парочка вошла в дом. Глядя на них, мирные игроки в бостон застыли на своих стульях, напуганные этой демонстрацией силы. С лужайки доносились голоса десятка жандармов и фырканье лошадей.

— Все в сборе, за исключением мадемуазель де Сен-Синь, — сказал Корантен.

— Она в своих покоях и уже спит, — ответила

на это г-жа д'Отсер.

— Пройдемте со мной, дамы! — С этими словами Корантен вышел в прихожую и стал подниматься по лестнице, а следом за ним — мадемуазель Гуже и г-жа д'Отсер. — Положитесь на меня, — шепнул он на ухо почтенной даме. — Я на вашей стороне, и это я послал мэра вас предупредить. Моего напарника остерегайтесь, но мне можете довериться. Я всех вас спасу!

— Да что случилось, в конце-то концов? — спросила мадемуазель Гуже.

— Это вопрос жизни и смерти! Неужели не понятно? — отвечал Корантен.

В следующее мгновение г-жа д'Отсер упала в обморок.

К величайшему изумлению мадемуазель Гуже и не меньшему разочарованию Корантена, в спальне Лоранс было пусто. Пребывая в уверенности, что ни из шато, ни из парка в долину никто пробраться не сможет, раз все входы и выходы перекрыты, Корантен в каждую комнату отправил по жандарму и приказал обыскать хозяйственные постройки и конюшни, после чего спустился в гостиную, где к этому времени уже собрались до крайности взволнованные Дюрье с женой и остальные обитатели усадьбы. Взгляд синих

маленьких глаз Пейрада, посреди всей этой сумятицы сохранившего выдержку и спокойствие, внимательно изучал лица присутствующих. Корантен вернулся один (мадемуазель Гуже в это время приводила в чувство г-жу д'Отсер), и в тот же миг на улице застучали лошадиные копыта и послышался детский плач: через маленькую калитку во двор въехали всадники. Посреди всеобщего смятения капрал втолкнул в комнату Готара со связанными руками и Катрин. За ним следовали остальные жандармы.

— Мы поймали беглецов, — сказал он. — Этот недомерок пытался скрыться верхом!

— Остолоп! — шепнул Корантен на ухо обескураженному капралу. — Почему вы не дали ему уйти? Проследили бы за ним и узнали бы что-нибудь полезное…

Готар, прикинувшись дурачком, незамедлительно разрыдался. Очевидное простодушие и невинный вид Катрин даже многоопытного Пейрада заставили призадуматься. Понаблюдав какое-то время за юными слугами графини, внешне простоватым пожилым господином, которого он мысленно причислил к хитрецам, перебиравшим фишки на столе благоразумным кюре и обескураженной прислугой, наш

выученик Ленуара приблизился к Корантену и шепнул:

— Перед нами отнюдь не простофили!

Вместо ответа молодой агент указал взглядом на ломберный столик, а потом добавил:

— Они играли в бостон! Хозяйка дома собиралась ложиться спать, когда ей вдруг спешно пришлось уйти. Мы застали их врасплох, и теперь им от нас никуда не деться!

Глава 8
Тайник в лесу

Насыпь во рве, опоясывающем старинный замок, не возникает беспричинно, и от нее всегда имеется какая-нибудь польза. Расскажем, зачем обитателям усадьбы Сен-Синь понадобился такой «проход» между башней, которая ныне зовется Девичьей, и конюшнями. Обосновавшись в шато на правах опекуна, практичный г-н д'Отсер распорядился, чтобы в длинном овраге (сточные воды из леса стекали по нему в замковый ров), разделявшем два больших участка невозделанной земли, которые также принадлежали графине, проложили дорогу — исключительно для того, чтобы обсадить ее деревцами грецкого ореха, благо в плантарии[49] их обнаружилось около сотни. За одиннадцать лет орехи разрослись и закрыли своими кронами дорогу, и без того сжатую с обеих сторон шестифутовыми стенами оврага; по ней теперь можно было ходить в недавно купленный небольшой лесок площадью тридцать арпанов. Когда в шато снова появились жильцы,

[49] Примечания: 49
Место, где молодые деревья выращивают для пересадки.

оказалось, что гораздо удобнее выбираться на проселок[50], тянущийся вдоль парковой стены и ведущий к ферме, через ров, нежели, делая крюк, выходить через ворота, — так и появилась насыпь. Каждый, кто проходил по ней, невольно способствовал ее расширению, однако совесть его не мучила: в XIX веке от крепостного рва никакого толку, и сам опекун поговаривал о том, что нужно найти ему полезное применение. Земля со склонов, галька и камешки понемногу осыпáлись, уменьшая глубину рва, и перебраться через него нельзя было только в период сильных дождей, когда на дне скапливалась вода. И все же, несмотря на обветшание, которому все, в том числе и графиня, способствовали, свести лошадь по крутому склону к насыпи было сложно, а еще сложнее — заставить ее подняться наверх, к проселку; но не зря же говорят, что в минуты опасности лошадь повинуется не то что слову — мысли своего наездника… Пока молодая графиня решала, следовать ей за Мартой или нет и требовала объяснений, Мишю со своего пригорка следил за перемещениями жандармов; он разгадал план сыщиков, но уже начал отчаиваться,

[50] Примечания: 50
Грунтовая дорога между небольшими населенными пунктами.

потому что Лоранс все не шла. Жандармский пикет рассредоточился вдоль парковой стены: они стояли по одному, как часовые, но так, чтобы видеть друг друга и иметь возможность переговариваться; малейший шорох или движение не укрылись бы от их взора и слуха. Мишю лег, прижал ухо к земле и по примеру индейцев попытался по силе звука определить, сколько у него еще времени в запасе. «Я опоздал! — твердил он про себя. — Виолетт мне за это заплатит! Мог бы опьянеть и побыстрее! Что же теперь делать?» Он слышал, как из леса по дороге, ведущей к главным воротам, где ему вскоре предстояло встретиться еще с одним отрядом жандармов, направлявшимся туда же от проселка, спускается второй пикет. «Еще пять или шесть минут!» — сказал себе Мишю. И тут появилась графиня. Сильной рукой Мишю тотчас же толкнул ее под спасительную сень ореховых деревьев.

— Идите прямо по дороге! Веди ее, — сказал он жене, — туда, где я оставил лошадь. И помните, что у жандармов есть уши!

Увидев Катрин с хлыстом, перчатками и шляпкой в руках и следовавшего за ней Готара, этот человек, столь предприимчивый в моменты опасности, задумал сыграть с жандармами шут-

ку, как только что проделал это с Виолеттом. Тем паче что Готару каким-то чудом удалось свести в ров лошадь графини.

— Обмотал копыта тряпками? Хвалю! — сказал управляющий, сжимая паренька в объятиях.

Подведя лошадь к хозяйке, Мишю взял перчатки, шляпку и хлыст.

— Ты разумный малый и меня поймешь, — продолжал он, обращаясь к Готару. — Приведи сюда свою лошадь, садись на нее как есть, без седла, и во весь опор скачи через поля к ферме, увлекая за собой жандармов. Надо, чтобы все пустились за тобой вдогонку, сколько их сейчас есть на дороге. — И в подкрепление своей мысли он показал, в каком именно направлении парню нужно скакать. — А ты, моя девочка, — сказал он Катрин, — займись теми, что засели на дороге из Сен-Синя в Гондревилль. Беги в противоположную сторону, уводя их от замка к лесу. Словом, сделайте так, чтобы на дороге, что идет по дну оврага, под орешником, нас никто не потревожил.

Катрин и паренек, которому в нашей истории предстоит еще не раз проявить смекалку и изобретательность, исполнили каждый свой маневр с таким блеском, что жандармы решили — вот

она, добыча, остается лишь догнать и схватить ее. В обманчивом лунном свете невозможно было ни разглядеть рост или одежду преследуемых, ни даже понять, мужчина это или женщина и сколько их. Жандармы бросились вдогонку, следуя ложной аксиоме: «Хватай того, кто убегает!», стратегическую ошибочность которой Корантен, как мы помним, весьма энергично и наглядно объяснил жандармскому капралу. Мишю, рассчитывавший на этот полицейский рефлекс, как раз успел войти в лес и через некоторое время уже был в том месте, куда Марта привела графиню.

— Беги домой, — сказал он жене. — Парижане наверняка расставили часовых и в лесу, так что оставаться тут небезопасно. Нас ни в коем случае не должны поймать!

Мишю отвязал свою лошадь и попросил графиню следовать за ним.

— Дальше я не поеду, — произнесла Лоранс, — пока вы не докажете, что действительно хотите мне помочь. Ведь вы все-таки Мишю!

— Мадемуазель! Роль, которую мне довелось сыграть, я объясню в нескольких словах, — мягко проговорил мужчина. — Я являюсь хранителем состояния де Симёзов, но они об этом не знают. Распоряжения на этот счет я получил от их

покойного отца и дражайшей матушки, моей покровительницы. Дабы иметь возможность посодействовать своим молодым хозяевам, я примерил на себя личину воинствующего якобинца. К несчастью, игру свою я начал слишком поздно и не сумел спасти стариков де Симёзов. — Голос Мишю дрогнул. — С тех пор как близнецы в изгнании, я перевожу им средства, которых хватает, чтобы обеспечить достойное существование.

— Через страсбургский банкирский дом Брайнтмайера? — спросила девушка.

— Да, мадемуазель. Посредником между нами выступает г-н Жирель из Труа — роялист, который ради спасения своего состояния, подобно мне, примкнул к якобинцам. Письмо, которое в тот памятный вечер подобрал ваш фермер, касалось банковских дел и могло всех нас скомпрометировать; в тот момент от меня зависело не только то, буду ли жив я сам, но и их жизни, понимаете? Гондревилль мне заполучить не удалось. Мне бы живо голову сняли с плеч, пытаясь разузнать, где я раздобыл столько золота! Я решил чуть повременить с покупкой, но тут появился этот мерзавец Марьон, ставленник другого мерзавца — Малена. Ничего, Гондревилль все равно вернется к своим законным владельцам. Я об этом

позабочусь. Подумать только, четыре часа назад я держал Малена на мушке! Я хотел его убить. Проклятье! Умри Мален, Гондревилль продали бы с торгов и вы могли бы купить его. В случае моей смерти жена передала бы вам письмо и вы знали бы, где взять на это средства. Но этот негодяй сказал своему подельнику Гревену, который и сам тот еще фрукт, что молодые де Симёзы замышляют зло против первого консула, что сейчас они прячутся неподалеку и что лучше их выдать и избавиться от них навсегда, чтобы преспокойно поживать себе в Гондревилле. Я знал, что из столицы приехали два матерых шпиона, я еще днем их видел, поэтому разрядил карабин и, не теряя времени, приехал сюда. Полагаю, вы знаете, где найти молодых господ и как их предупредить. Добавить мне нечего.

— Вы достойны быть дворянином, — проговорила Лоранс, протягивая Мишю руку.

Тот хотел опуститься на колени, чтобы ее поцеловать, однако графиня удержала его со словами:

— Не нужно, Мишю!

Благодаря интонации, с какой это было сказано, и взгляду Лоранс Мишю почувствовал себя столь же счастливым, сколь несчастным он был

последние двенадцать лет.

— Вы жалуете меня так, словно я уже исполнил все, что от меня требуется, — сказал он. — Слышите голоса этих слуг гильотины? Поговорим в другом месте.

Мишю взял уздечку и встал так, что сидящая в дамском седле графиня оказалась к нему спиной.

— Держитесь хорошенько, подгоняйте коня и следите, чтобы ветки не хлестали вас по лицу; остальное — потом.

Он вскочил в седло, и в течение получаса они мчались галопом по лесу — то сворачивая в сторону, то возвращаясь назад по собственным следам, то проезжая по одной и той же поляне несколько раз, чтобы запутать возможных преследователей, — пока не достигли места, где Мишю остановил коня.

— Я не знаю, где мы, хотя лес изучила не хуже вас, — сказала графиня, глядя по сторонам.

— Мы в самой чаще, — отвечал Мишю. — За нами гнались два жандарма, но теперь их бояться нечего.

Живописному уголку, куда управляющий привел Лоранс, предстояло сыграть столь фатальную роль в судьбе главных героев нашей драматической истории (да и в судьбе самого Мишю тоже),

что автор считает своим долгом рассказать о нем поподробнее. К тому же, как мы увидим позже, упоминание о нем осталось в судебных анналах Империи.

Некогда Нодемский лес принадлежал монастырю Нотр-Дам. Обитель эта была захвачена, разграблена и разрушена, так что не осталось ни монахов, ни церковного имущества. Завладеть лесом желали многие, но достался он графам Шампанским, которые позднее заложили его, а потом и допустили его продажу с торгов. За шесть столетий природа укрыла руины роскошным густым зеленым покрывалом, да так старательно, что на месте, где когда-то стоял красивейший монастырь, остался лишь небольшой холмик, затененный прекрасными деревьями и опоясанный плотными, непроницаемыми зарослями кустарника, которым Мишю начиная с 1794 года по собственному почину прибавлял густоты, подсаживая в прорехах кустики колючей акации. У подножия холма образовалось болотце. Это говорило о том, что здесь был родник, что, вне всяких сомнений, и предопределило местоположение обители. Только законный владелец Нодемского леса и мог выяснить происхождение этого названия восьмисотлетней давности и

обнаружить, что когда-то в самой середине леса стоял монастырь. Заслышав первые раскаты революционной грозы, маркиз де Симёз, которого судебная тяжба заставила переворошить семейные архивы, случайно узнал о существовании руин и с тайным намерением, которое, впрочем, несложно угадать, решил их разыскать. Его управляющий прекрасно ориентировался в лесу и, конечно же, пришел господину на помощь; опытный лесник, он без труда обнаружил место, на котором некогда стоял монастырь. Всего в лес вели пять дорог (в том числе из Труа и из долин Арси, Сен-Синь и Бар-сюр-Об), и хотя местами от них мало что осталось, Мишю приметил, что все они сходятся к холму с болотцем. Маркиз хотел раскопать холм, но нанимать для такой работы местных жителей было нежелательно. Обстоятельства вынудили старшего де Симёза отказаться от поисков, однако у Мишю в голове засела мысль о том, что под холмом таятся либо сокровища, либо фундамент старинной обители. Он продолжил свои археологические изыскания и обнаружил, что в одном месте — между двух деревьев, на уровне болота, где склон особенно крут, — простукивается пустота. Погожей ночью он вернулся с заступом и через какое-то время

откопал вход в подземелье и ведущие вниз каменные ступени. Болотце, глубина которого не превышала трех футов, напоминало по форме шпатель, «рукояткой» уходящий в холм; создавалось впечатление, что именно в этом месте бьет невидимый родник, чьи воды тут же уходят в грунт огромного леса. Окруженное водолюбивыми деревьями — ольхами, ивами и ясенями, оно по-прежнему оставалось «местом встречи» старинных дорог и просек, к этому времени тоже заброшенных. Вода в нем, на вид стоячая, на самом деле была проточной, и крупнолистные водяные растения и жеруха образовывали на ее поверхности сплошную зеленую скатерть, так что нелегко было различить, где кончается вода и начинается берег, поросший пахучими густыми травами. До окрестных деревень путь отсюда неблизкий, поэтому на водопой к болотцу приходило только лесное зверье. Лесники и охотники пребывали в полнейшей уверенности, что под холмом ничего быть не может, да и пробираться к нему через болото не хотелось; поэтому эта часть леса, самая старая, никогда и никем как следует не исследовалась, да и наведывались сюда люди нечасто. Мишю, когда настала его очередь инспектировать лес, решил не вырубать

этот участок с высокими вековыми деревьями. Лестница эта вела в подвал со сводчатым потолком и стенами из тесаного камня, чистый и хорошо сохранившийся; судя по всему, когда-то здесь была монастырская тюрьма.

Сохранность подземелья и лестницы, как и сводчатых потолков, объяснялась тем, что в свое время разрушители не тронули родник, а внешние воды сдерживала очень толстая кирпичная, скрепленная цементом кладка, похожая на римскую. Вход в это убежище Мишю заложил крупными камнями. Позднее, чтобы никто не разгадал секрета и не проник в подземелье, он взял за правило сперва подниматься на холм через заросли, а уже оттуда по крутому склону спускаться ко входу — вместо того, чтобы пробираться туда же со стороны болотца. Когда беглецы приехали в это место, луна своим чудесным светом серебрила вершины вековых деревьев на холме и густую зелень леса; разделенные между собой дорогами, купы деревьев имели причудливую форму: иные казались скругленными, иные — остроконечными, иные оканчивались одним деревцем, а иные — множеством.

Взгляд невольно следовал за ускользающей вдаль перспективой, причем вне зависимости

от объекта, который его привлек, — извилистой тропинки, великолепной длинной аллеи или кажущейся почти черной стены из зелени. Проникая сквозь прорехи в кронах, лунный свет отражался и в спокойных, никем не тревожимых водах болотца, между белесыми листьями жерухи и кувшинок, отчего вода сверкала, словно россыпь бриллиантов. Крики лягушек нарушали глубокую тишину этого милого лесного уголка, а первозданные запахи напоминали душе о том, что такое свобода…

— Теперь мы в безопасности? — спросила у Мишю графиня.

— Да, мадемуазель; но нам обоим есть чем заняться. Отведите лошадей на вершину этого холма и привяжите их к дереву, а потом оберните обеим морды вот этим, — отвечал он, протягивая девушке свой шейный платок. — Коники у нас умные, поймут, что надо помолчать. Когда управитесь, спускайтесь прямиком к воде по тому крутому склону да смотрите не зацепитесь юбкой за колючки. Я буду ждать вас внизу.

Пока графиня прятала лошадей и обвязывала им морды, Мишю разобрал каменную кладку, открывая вход. Графиня, которая полагала, что знает в лесу каждый уголок, до крайности изу-

милась, очутившись под сводчатым потолком подземелья. С проворством кладчика Мишю заложил входное отверстие камнями. Стоило ему закончить, как в ночной тиши послышались топот копыт и голоса жандармов; однако это не помешало ему, чиркнув огнивом, поджечь еловую веточку, после чего он повел графиню дальше, в тюремное помещение, где нашелся огарок свечи, которой Мишю освещал подземелье еще в первый свой приход. Железную дверь толщиной несколько линий[51], местами подточенную ржавчиной, управляющий привел в порядок, и закрывалась она снаружи посредством нескольких задвижек, с обеих сторон входящих в стенные пазы. Графиня, которая падала с ног от усталости, присела на каменную скамью с вмурованным над ней в стену кольцом.

— Лучшего места для беседы и не сыщешь, — пошутил Мишю. — Теперь жандармы могут сколько угодно кружить по лесу. В худшем случае они заберут наших лошадей.

— Но лишиться лошадей для нас означает убить моих кузенов и д'Отсеров! Расскажите же, что вам известно!

---

[51] Примечания: 51
«Французская» линия — ¹⁄₁₄₄ фута (2,255 мм).

Мишю поделился тем немногим, что сумел расслышать во время разговора между Маленом и его приятелем-нотариусом.

— Они на пути в Париж и рассчитывают быть там сегодня утром, — сказала графиня, когда он закончил.

— Раз так, они погибли! — вскричал Мишю. — Как вы понимаете, на заставах будут досматривать всех — и кто выходит, и кто входит в город. Мален до крайности заинтересован в том, чтобы мои хозяева скомпрометировали себя и поплатились за это головой.

— А я не знаю, что именно они задумали! — воскликнула Лоранс. — Как предупредить Кадудаля, Ривьера и Моро? Где они сейчас? Но нет, будем думать только о моих кузенах и д'Отсерах. Догоните их любой ценой!

— Послание, переданное телеграфом[52], опередит любого, самого быстрого коня, — сказал Мишю. — Из всех дворян-заговорщиков проще всего будет выследить ваших кузенов. Если я смогу их догнать, нужно привести их сюда, и пускай остаются, пока вся эта история не кончится. Должно быть, у их несчастного отца было

---

[52] Примечания: 52

Речь идет об оптическом телеграфе. Передача осуществлялась с высоких сигнальных башен. (*Примеч. ред.*)

предчувствие, когда он приказал мне разыскать этот тайник; он предвидел, что сыновья найдут в нем свое спасение!

— Моя кобыла — из конюшен графа д'Артуа и рождена от его лучшего английского жеребца. Но сегодня она уже проскакала тридцать шесть лье и падет раньше, чем доставит вас к цели, — сказала Лоранс.

— У меня хорошая лошадь, — отвечал Мишю. — Если вы проделали тридцать шесть лье, значит, от места меня отделяет всего восемнадцать?

— Двадцать три, — поправила его графиня. — В пять пополудни они снова двинулись в путь. К тому времени, как вы их догоните, они должны будут покинуть Ланьи и дойти до Куврэ, откуда с рассветом, переодевшись матросами, намереваются на лодках отплыть в Париж. Вот, возьмите, — продолжала она, снимая с пальца половинку распиленного вдоль обручального кольца своей матери, — это единственное, чему они поверят. Вторую половинку я отдала им. Смотритель в Куврэ — отец солдата, который идет вместе с ними, и этой ночью он прячет весь отряд в лесу, в заброшенном угольщиками бараке. Всего их, считая кузенов и двух молодых д'Отсеров, восемь человек.

(В те времена обручальные кольца иногда состояли из двух переплетенных полосок.)

— Мадемуазель, солдат преследовать никто не станет. Позаботимся о господах де Симёз, а остальным предоставим спасаться, как им угодно. Разве предостережения мало?

— Оставить на произвол судьбы д'Отсеров? Ни за что! — сказала графиня. — Либо они все вместе погибнут, либо спасутся.

— Несмотря на то что д'Отсеры — всего лишь мелкопоместные дворяне? — не сдавался Мишю.

— Они всего лишь шевалье, я это знаю, — отвечала девушка, — однако состоят в родстве с де Сен-Синями и де Симёзами. Поезжайте же к моим кузенам и д'Отсерам, решите вместе, как лучше доставить их в Нодемский лес, и сделайте это!

— Но в лесу полно жандармов! Слышите их голоса? Они переговариваются между собой.

— Разве не улыбнулась вам удача дважды за сегодняшний вечер? Поезжайте и привезите их, спрячьте в этом подземелье, и никто их не найдет! Я ничем вам больше не могу помочь, — продолжала Лоранс с досадой, — лишь привлеку внимание недругов. Полицейским и в голову не придет, что мои кузены могут вернуться в эти края, если только я ничем не выдам своего бес-

покойства. Словом, сейчас главное — найти пять хороших лошадей, чтобы за шесть часов доскакать из Ланьи в Сен-Синь! Пять лошадей, которых не жалко загнать и оставить в чаще леса…

— А деньги? — спросил Мишю, который слушал молодую графиню в глубокой задумчивости.

— Сегодня я передала кузенам сотню золотых луидоров.

— Я привезу их живыми и невредимыми, — сказал Мишю. — Но вы не сможете навещать их в этом убежище. Моя жена или сын будет дважды в неделю приносить им еду. Однако за свою безопасность я поручиться не могу, а потому, мадемуазель, на случай беды знайте: на чердаке моего павильона я проделал сверлом отверстие в главной опоре и заткнул его большим болтом. В отверстии этом — план одной лесной делянки. Деревья, помеченные на плане красной точкой, у самой земли, на стволе, также имеют отметину, только черную. Эти деревья служат указателями. Под каждым третьим старым дубом слева, считая от помеченного дерева, в двух футах от ствола, то есть прямо перед ним, на глубине семи футов закопаны жестяные цилиндры, и в каждом — сто тысяч франков золотом. Эти одиннадцать деревьев — а их всего одиннадцать — все, чем

владеют де Симёзы теперь, когда у них отняли Гондревилль.

— Дворянство и за сто лет не оправится от потерь, которые ему пришлось понести! — медленно проговорила мадемуазель де Сен-Синь.

— Я должен знать какой-то пароль? — спросил Мишю.

— «Франция и Карл» — для солдат. «Лоранс и Людовик» — для д'Отсеров и де Симёзов. Боже правый! Вчера увидеть их впервые за одиннадцать лет и уже сегодня знать, что им грозит смерть, и какая ужасная смерть! Мишю, — проговорила она грустно, — ближайшие пятнадцать часов будьте так же бдительны, как и последние двенадцать лет! Если с моими кузенами случится несчастье, я умру. Нет! — поправила она себя, — я проживу до тех пор, пока не убью Бонапарта!

— Мы сделаем это вдвоем, если наступит день, когда надежды не останется.

Лоранс схватила обветренную руку Мишю и порывисто пожала ее, как это делают англичане.

Мишю вынул часы. Они показывали полночь.

— Пора выходить, чего бы нам это ни стоило, — сказал он. — И если какой-нибудь жандарм преградит мне путь, ему не поздоровится. Не подумайте, что я вам приказываю, госпожа графиня,

но лучше бы вам поскорее вернуться в Сен-Синь. Шпионы там; развлеките их как следует.

Мишю разобрал входное отверстие. В лесу стояла тишина. Он приложил ухо к земле и тут же вскочил на ноги.

— Они на опушке, той, что ближе к Труа, — сообщил Мишю. — Я обведу их вокруг пальца!

Он помог графине выбраться наружу и уложил камни на место. Когда с этим было покончено, он услышал, как Лоранс тихонько зовет его по имени. Прежде чем уехать, девушке захотелось увидеть, как он садится на лошадь. Слезы навернулись на глаза этому закаленному невзгодами человеку, когда они с молодой госпожой обменялись прощальным взглядом. Графиня же и не думала плакать.

«Он прав, пора потешить гостей!» — сказала она себе, когда все снова стихло, и галопом направила свою лошадь к шато-де-Сен-Синь.

Глава 9
Неудачи полиции

Узнав, что ее сыновьям грозит гибель, г-жа д'Отсер, которая к тому же не верила, что Революция закончилась и правосудие уже не так скоро на расправу, оправилась от обморока и обрела новые силы благодаря все той же жесточайшей тревоге, которая и заставила ее сомлеть. Страшась и в то же самое время желая узнать больше, она спустилась в гостиную и застала там сцену, достойную кисти жанрового художника. Кюре все так же сидел за ломберным столом, машинально перебирая фишки и поглядывая исподтишка на Пейрада с Корантеном, которые вполголоса переговаривались, стоя у камина. Не раз проницательный взгляд Корантена наталкивался на взгляд кюре, не менее проницательный, — так фехтовальщики, зная, что противник силен, скрещивают рапиры, чтобы затем снова встать в исходную позицию, — после чего оба быстро отводили глаза. Достойнейший г-н д'Отсер застыл на месте, словно цапля, рядом с массивным, толстым и алчным Гуларом, все с

тем же выражением глубочайшего изумления на лице. Мэра, одетого на буржуазный манер, по-прежнему легко можно было спутать с прислугой. Оба этих господина растерянно взирали на жандармов, которые удерживали хнычущего Готара: руки парню связали так крепко, что они отекли и посинели. Катрин не выходила из роли наивной простушки, и понять, что у нее на уме, было невозможно. Капрал, который, по мнению Корантена, допустил оплошность, арестовав двух невинных с виду подростков, не знал, оставаться ему или уйти. Он продолжал стоять посреди залы, положив руку на эфес сабли и глядя на двух парижан. Ошеломленные происходящим, супруги Дюрье и остальная графская челядь являли собой живое воплощение беспокойства. И если бы не судорожные всхлипы Готара, было бы слышно, как летают мухи.

Когда несчастная, бледная от испуга мать открыла дверь и вошла, опираясь на мадемуазель Гуже, глаза у которой покраснели от слез, все взгляды обратились к ним. Корантен с Пейрадом рассчитывали увидеть Лоранс, обитатели же шато, наоборот, при этой мысли затрепетали. Это спонтанное движение господ и слуг произошло словно под воздействием механизма, заставляю-

щего деревянные фигурки одновременно моргать или выполнять то или иное движение.

Г-жа д'Отсер поспешно шагнула навстречу Корантену и заговорила дрожащим, срывающимся голосом:

— Ради всего святого, мсье, в чем вы обвиняете моих сыновей? Неужели вы и вправду полагаете, что они здесь были?

Кюре, который, едва эта дама вошла в комнату, подумал: «Сейчас она сделает какую-нибудь глупость!» — опустил глаза.

— Мой долг и данное мне поручение не позволяют ответить на ваш вопрос, — с учтивым и в то же время насмешливым видом произнес Корантен.

Получив отказ, который омерзительная галантность этого франта сделала еще более беспощадным, несчастная мать в изнеможении опустилась в кресло рядом с аббатом Гуже, сложила перед собой ладони и стала молиться.

— Где вы схватили этого нытика? — обратился Корантен к капралу, указывая на грума Лоранс.

— На дороге, ведущей к ферме, — той, что тянется вдоль парковой ограды. Еще немного, и этот малый скрылся бы в лесу Клозо.

— А девушку?

— А, эту поймал Оливье.

— И где же?

— Она бежала в Гондревилль.

— То есть они направлялись в противоположные стороны? — спросил Корантен.

— Да, — отвечал жандарм.

— Это юный слуга гражданки Сен-Синь и ее горничная, верно? — спросил Корантен у мэра.

— Да, — ответил Гулар.

Перекинувшись с Корантеном парой фраз — шепотом, чтобы никто не услышал, — Пейрад вышел, уводя с собой жандармского капрала.

В следующую минуту в гостиную вошел капрал из Арси. Приблизившись к Корантену, он проговорил еле слышно:

— Я хорошо знаю это место и лично обыскал все подсобные помещения. Если только этих парней не упрятали под землю, в усадьбе больше никого нет. Сейчас мои люди прикладами ружей простукивают полы и стены.

Вернувшийся к этому времени Пейрад сделал Корантену знак подойти, после чего отвел к крепостному рву и показал насыпь, а также уходящую в сторону от рва дорогу, засаженную ореховыми деревьями.

— Мы разгадали их маневр, — сказал Пейрад.

— И я готов объяснить, в чем состоял их план, — отвечал Корантен. — Маленький грум и девчонка отвлекли на себя внимание этих недоумков-жандармов, чтобы настоящая добыча смогла ускользнуть.

— Правду мы узнаем только при свете дня, — сказал Пейрад. — Земля на дороге мокрая, и я поставил по одному жандарму в самом начале дороги и в конце. С рассветом следы покажут нам, что за звери здесь бродили.

— Я вижу отпечатки лошадиных копыт, — сказал Корантен. — Идемте-ка в конюшню!

— Сколько здесь лошадей? — Вопрос Пейрада был адресован г-ну д'Отсеру и Гулару.

Они с Корантеном только что вернулись в гостиную.

— Полноте, г-н мэр! Вы прекрасно это знаете. Отвечайте! — прикрикнул на чиновника Корантен, видя, что тот колеблется.

— Кобыла графини и еще две лошади — Готара и г-на д'Отсера.

— В конюшне мы увидели только одну, — сказал Пейрад.

— Мадемуазель уехала на прогулку, — сказал Дюрье.

— Надо понимать, ваша воспитанница часто

прогуливается по ночам? — спросил либертен Пейрад у г-на д'Отсера.

— Очень часто, — простодушно отвечал пожилой дворянин. — И г-н Гулар вам это подтвердит.

— Все знают, что у госпожи есть причуды, — подала голос Катрин. — Перед тем как лечь в постель, она глядела на небо, и я думаю, поблескивающие вдали штыки жандармов пробудили ее любопытство. Уходя, она сказала мне, что хочет посмотреть, не началась ли новая революция.

— Когда она вышла из дому? — спросил Пейрад.

— Когда увидела ваши ружья.

— И куда она направилась?

— Я не знаю.

— А где вторая лошадь? — спросил Корантен.

— Ж-ж-жанда-а-армы у ме-е-еня ее забра-а-али! — проблеял Готар.

— И куда же ты так спешил? — спросил у него кто-то из жандармов.

— Я е-е-ехал сле-е-едом за хозя-а-айкой на фе-е-ерму.

Жандарм посмотрел на Корантена, ожидая распоряжений; но в словах подростка было столько правды и лжи одновременно, столько глубочайшей непорочности и лукавства, что парижане

лишь переглянулись, словно повторяя друг другу то, что ранее произнес Пейрад: «Перед нами отнюдь не простофили!»

Г-н д'Отсер производил впечатление человека не слишком остроумного, а потому не способного оценить колкую насмешку. Мэр был глуп. Г-жа д'Отсер, ослепленная материнской любовью, засыпа́ла агентов глупейшими, наивнейшими вопросами. Слуг жандармам пришлось вытаскивать из постелей… Взвесив все эти малозначимые факты и присмотревшись к обитателям шато, Корантен понял, что единственный достойный для него соперник — мадемуазель де Сен-Синь. Несмотря на ловкость жарндармов, им всегда трудно работать. Нужно не только выяснить все то, что уже известно заговорщику, но и сделать массу предположений, прежде чем верное решение будет найдено. Заговорщик денно и нощно заботится о своей безопасности, в то время как полиция действует строго по расписанию, так что, не будь предателей, злоумышленники могли бы с успехом осуществлять свои замыслы. Даже у отдельно взятого заговорщика смекалки больше, нежели у всей полиции с ее огромными возможностями. Вот и у Корантена с Пейрадом возникло чувство, будто они выбивают дверь, которую

рассчитывали найти открытой; даже когда замок взломан, выясняется, что с обратной стороны на нее кто-то навалился и молча держит… Наших сыщиков разгадали и обыграли, и они представления не имели, кто именно это сделал.

— Я уверен в том, что, если господа де Симёз и д'Отсер вчера остались здесь ночевать, спали они в комнатах своих родителей, мадемуазель де Сен-Синь или прислуги, а может, всю ночь гуляли в парке, — шепотом сообщил сыщикам капрал из Арси. — Никаких следов их пребывания мы не нашли.

— Кто бы мог их предупредить? — спросил Корантен у Пейрада. — О нашем деле знают лишь первый консул, Фуше, министры, префект полиции и Мален.

— Мы подсадим им кукушку[53], — сказал Пейрад на ухо Корантену.

— Прекрасная мысль! Благо у нас, в Шампани, леса знаменитые! — не смог сдержать улыбки кюре.

Он услышал слово «кукушка» — и обо всем догадался.

«Мой бог, это единственный здравомыслящий

---

[53] Примечания: 53

На арго — человек, подсаженный в какую-либо компанию для сбора информации; доносчик.

человек в доме, — подумал Корантен, улыбаясь в ответ. — С ним можно договориться. Попробую-ка я это сделать!»

— Господа… — обратился к парижанам Гулар, которому, несмотря ни на что, хотелось продемонстрировать преданность первому консулу.

— Следует говорить «граждане»; Республику еще никто не упразднил, — поправил его Корантен, бросая насмешливый взгляд на кюре.

— Граждане, — повторил мэр, — войдя в гостиную, я и рта раскрыть не успел, как явилась Катрин, чтобы забрать хлыст, перчатки и шляпку своей госпожи.

Из груди присутствующих вырвался возмущенный ропот, промолчал лишь Готар. Все, не считая жандармов и агентов, вперили взгляды в предателя Гулара, грозя его испепелить.

— Что ж, гражданин мэр, теперь нам все ясно, — сказал ему Пейрад. — Гражданку Сен-Синь вовремя предупредили.

И он с подчеркнутым недоверием посмотрел на Корантена.

— Капрал, наденьте на этого маленького негодника наручники, — распорядился Корантен, — и отведите его в отдельную комнату. Девушку тоже посадите под замок, — добавил он, указывая на

Катрин. — Бумаги пускай просматривают в твоем присутствии, — шепнул он на ухо Пейраду. — Перешерсти здесь все, ничего не упускай.

— Господин аббат, — с доверительным видом обратился он к кюре, — я хочу сообщить вам нечто важное.

И увел аббата Гуже в сад.

— Послушайте, господин аббат, мне кажется, вы умны как епископ и (благо нас никто не слышит) поймете меня. Кроме вас, мне не у кого просить помощи, а ведь я хочу спасти две семьи, которые по собственной глупости могут вот-вот скатиться в бездну, из которой нет возврата! Господ де Симёз и д'Отсер предал подлый шпион, каких правительство всегда подсылает к заговорщикам, дабы узнать, что они замышляют, какими средствами обладают и кто их соучастники. Не судите обо мне по моему презренному спутнику: он служит в полиции, а я — я занимаю достойный пост в консульской канцелярии, так что последнее слово, так или иначе, за мной. Господам де Симёз вовсе не желают смерти; если Мален жаждет, чтобы их расстреляли, то первый консул — если они здесь и не имеют дурных намерений — намерен удержать их на краю пропасти, поскольку он любит хороших солдат. Агент, с которым мы приехали,

наделен всеми необходимыми полномочиями, я же с виду — никто, но мне известны все детали заговора. Мой спутник в сговоре с Маленом, который, вне всяких сомнений, пообещал ему свою протекцию, хорошую должность, а может, и деньги, если тот сумеет разыскать братьев де Симёз и арестовать их. Первый консул — а это великий человек! — корыстолюбия не поощряет. Я не желаю знать, здесь молодые люди или нет, — продолжал Корантен, заметив невольный жест кюре, — но спасти их можно одним-единственным способом. Как вам известно, законом от 6 флореаля X года объявлена амнистия тем иммигрантам, которые пребывают за границей, но при условии, что они вернутся до 1 вандемьера XI года, то есть к прошлому сентябрю. Господа де Симёз, также как и д'Отсеры, которые занимали офицерские должности в армии принца Конде, под этот закон не подпадают, в нем на этот счет имеется особая оговорка; значит, их присутствие во Франции — преступление, и в сложившихся обстоятельствах этого достаточно, чтобы их сочли причастными к ужасному заговору. Первый консул заключил, что его правительство, приняв эту оговорку, обзавелось непримиримыми врагами. Он желает довести до сведения господ де

Симёз, что они не подвергнутся преследованиям, если обратятся к нему с ходатайством о своем возвращении на родину с намерением подчиниться ее законам и пообещают присягнуть на верность конституции. Как вы понимаете, это прошение должно попасть к нему в руки прежде, чем господа офицеры будут арестованы, и дату следует поставить задним числом. Я сам могу доставить бумагу в Париж. Я не спрашиваю у вас, где сейчас находятся молодые люди, — сказал он, видя, что аббат Гуже снова отрицательно качает головой. — К несчастью, мы уверены, что разыщем их. Лес оцеплен, парижские заставы и граница тщательно охраняются. Поэтому выслушайте меня внимательно. Если молодые люди находятся где-либо между этим лесом и столицей, их схватят; если они в Париже, их разыщут и там; если же эти несчастные попытаются вернуться в Германию, их ждет арест. Первый консул благоволит старой аристократии и терпеть не может республиканцев; тут все просто: для того чтобы занять трон, придется наступить на горло Свободе. Но этот секрет пусть останется между нами. Теперь подытожим. Я подожду до завтра; я буду слеп, но моего спутника берегитесь. Этот треклятый провансалец — настоящий прислужник

дьявола и посвящен в планы Фуше, в то время как я исполняю волю первого консула.

— Если господа де Симёз здесь, — сказал кюре, — я охотно отдал бы десять пинт своей крови и руку в придачу, только бы их спасти. Даже если мадемуазель де Сен-Синь поддерживает с ними связь, она ни словом не обмолвилась об этом, клянусь спасением души, и совета у меня не спрашивала, хоть я и почел бы это за честь. Сейчас я полностью одобряю ее сдержанность, если она действительно имела место. Вчера вечером мы, как обычно, играли в бостон до половины одиннадцатого в полнейшей тишине и ничего не видели и не слышали. Ребенок не смог бы пройти через эту уединенную долину без того, чтобы его кто-нибудь не увидел и не рассказал об этом остальным! В последние две недели чужаков у нас точно не было, а ведь господа д'Отсер и де Симёз, даже без спутников, — это уже маленький отряд! Достойнейший г-н д'Отсер с супругой исполняют все требования правительства и приложили все мыслимые усилия, чтобы их сыновья вернулись под родительский кров. Только позавчера они отправили им очередное письмо. Так что, говорю вам по совести, если бы не появление полиции, я бы до сих пор был уверен, что молодые люди

в Германии. Между нами, в этом доме лишь молодая графиня не отдает должного выдающимся качествам г-на первого консула!

«Хитрец!» — подумал Корантен.

— Что ж, если молодых господ расстреляют, то только потому, что их родные и друзья пальцем не пошевелили, чтобы это предотвратить, — произнес он вслух. — Я умываю руки!

Место, куда он привел аббата Гуже, ярко освещала луна, и, произнося эти фатальные слова, Корантен не сводил с него внимательного взгляда. Священник выглядел потрясенным и расстроенным, но как человек, для которого происходящее стало совершеннейшей неожиданностью.

— Поймите же, г-н аббат, — снова заговорил Корантен, — сам факт, что господа де Симёз имеют права на Гондревилль, уже делает их преступниками в глазах чиновников средней руки! Я же хочу, чтобы они имели дело с верховным божеством, а не с его архангелами.

— Значит, заговор все же существует? — задал кюре наивный вопрос.

— И до такой степени гнусный, отвратительный, подлый, противный благородным устремлениям нации, что вызовет всеобщее осуждение, — сказал Корантен.

— Мадемуазель де Сен-Синь не способна на подлость! — вскричал кюре.

— Г-н аббат, — продолжал Корантен, — мы располагаем (и это тоже должно остаться между нами) очевидными доказательствами ее причастности, но для суда их пока что недостаточно. Мы не успели на порог ступить, как она сбежала! А ведь я нарочно отправил к вам мэра…

— Да, но для человека, который так старается их спасти, не слишком ли скоро вы явились? — проговорил аббат.

Тут мужчины переглянулись, и слова были уже не нужны; оба они принадлежали к той породе анатомов мысли, которым довольно интонации, взгляда, слова, чтобы прочитать в чужой душе, — так дикари разгадывают намерения противника по невидимым признакам, недоступным глазу европейца.

«Я рассчитывал вызнать что-нибудь у него и сам себя выдал!» — подумал Корантен.

«Хитрый негодяй!» — сказал себе кюре.

Старинные часы на церкви как раз пробили полночь, когда Корантен с аббатом Гуже вернулись в гостиную. По всему дому грохотали и скрипели отворяемые двери комнат и шкафчиков, жандармы переворачивали матрацы

на кроватях. Пейрад с присущей сыщикам деятельной проницательностью подвергал все осмотру. Верные слуги, которые за это время так и не сдвинулись с места, взирали на творящееся безобразие с ужасом и возмущением. Г-н д'Отсер обменивался с женой и мадемуазель Гуже сочувствующими взглядами. Всех их одолевало болезненное любопытство. Вскоре Пейрад спустился в гостиную, держа в руках резную шкатулку сандалового дерева, — должно быть, адмирал де Симёз привез ее в свое время из Китая. Эта красивая вещица была плоской и размером с томик ин-кватро[54]. Пейрад знаком подозвал Корантена и отвел его к окну.

— Я понял! Это Мишю! Он предлагал Марьону за Гондревилль восемьсот тысяч золотых франков и только что чуть было не застрелил Малена. Мишю — человек де Симёзов! Вот почему он угрожал Марьону и держал на мушке государственного советника! Я сразу понял, что он себе на уме, но на деле выходит, что хлопочет он о своих хозяевах. Увидев нас, он поспешил в Сен-Синь, чтобы их предупредить.

— Должно быть, Мален рассказал о заговоре

[54] Примечания: 54

Полиграфический термин, обозначающий размер страницы 24,15 × 30,5 см.

своему приятелю-нотариусу, — продолжил Корантен мысль напарника, — и Мишю, который в это время сидел в засаде, осведомил обо всем де Симёзов. Единственное, что могло отсрочить выстрел его карабина, — это стремление предотвратить беду, по его мнению большую, нежели утрата усадьбы!

— Он сразу нас раскусил, — сказал Пейрад. — Еще там, возле павильона, я сказал себе: «Этот малый слишком умен для крестьянина».

— И это доказывает, что он был настороже, — отвечал Корантен. — Впрочем, не будем обольщаться: предательство всегда дурно пахнет, и люди простые чуют его за версту.

— Что ж, нам это только на руку, — сказал провансалец.

— Позовите капрала из Арси! — крикнул Корантен жандарму, потом снова повернулся к Пейраду. — Мы пошлем его в павильон.

— Там сейчас наш соглядатай Виолетт, — произнес Пейрад.

— Мы уехали, не дождавшись от него новостей, — сказал Корантен. — Нужно было прихватить с собой Сабатье, нам не помешал бы помощник. Капрал, — обратился он к вошедшему жандарму, а затем привлек его поближе к себе

и Пейраду, — постарайтесь, чтобы вас не одурачили так же, как капрала из Труа! Сдается нам, Мишю тоже замешан в этом деле. Поезжайте в павильон, осмотритесь там, и потом обо всем нам доло́жите!

— Мой человек слышал стук лошадиных копыт в лесу, когда остальные направились вслед за грумом и девчонкой, и я пустил по следу четырех крепких парней — пускай посмотрят, кто там прячется, — отвечал жандармский капрал.

Он вышел; топот коня, уносящегося галопом через лужайку, по мощеной дороге, вскоре стих.

«Скорее всего, они едут в Париж либо же возвращаются к германской границе», — сказал себе Корантен.

Он сел, вынул из кармана спенсера блокнот и карандашом набросал два приказа, затем запечатал их и сделал жандарму знак подойти:

— Скачи в Труа, разбуди префекта и скажи, что с первыми лучами зари телеграф должен работать.

Жандарм тотчас же отбыл. Эта поспешность и намерения Корантена были настолько прозрачны, что обитатели шато приуныли еще больше; им и без того хватало поводов для беспокойства: все взоры были обращены на драгоценную шка-

тулку. Беседуя между собой, агенты полиции читали эти пламенные взгляды. Бесчувственные сердца этих двух созданий, наслаждавшихся всеобщим смятением, обуревала холодная ярость. Эмоции полицейского сродни тем, что испытывает охотник; но если один использует собственную физическую силу и ум, чтобы подстрелить зайца, перепелку или косулю, другой действует ради спасения государства или принца крови, а еще — ради большой награды. Превосходство охоты на человека над охотой за дичью настолько же велико, насколько велико различие между человеком и зверем. К тому же сыщику приходится потрудиться, дабы возвысить свою роль до тех важных интересов, которым он служит. Потому, не вникая в подробности этого ремесла, можно предположить, что жандарм вкладывает в него столько же страсти, сколько охотник — в преследование своей добычи. Чем ближе становилась цель, тем истовее устремлялись к ней Корантен с Пейрадом; однако их лица и выражение глаз оставались при этом спокойными и холодными, чтобы никто не разгадал их подозрений, идей и планов. Но тот, кому случалось видеть, как деятельны и проницательны эти две полицейские ищейки, когда они идут по следу скрываемых и

еще неизвестных им фактов, какой тонкий нюх проявляется у них, когда нужно выбрать верный вариант среди множества возможных, — о, тому будет отчего затрепетать! Как и почему эти одаренные люди пали так низко, когда могли столь многого достичь? Какое несовершенство, какой порок, какая страсть так принизили их? Что, если человек становится полицейским, как становятся мыслителем, писателем, государственным деятелем, художником или генералом, просто потому, что умеет только шпионить, как другой — говорить, писать, управлять, рисовать или сражаться? Обитатели шато желали лишь одного: чтобы этих нечестивцев поразили громы небесные. Их обуревала жажда мести, и если бы не присутствие жандармов, дело вполне могло бы закончиться бунтом.

— Ни у кого нет ключика? — цинично поинтересовался Пейрад у собравшихся, сопровождая вопрос выразительным движением крупного красного носа.

Провансалец не без опасения отметил, что жандармов в комнате уже нет, остались лишь они с Корантеном. Последний извлек из кармана ножичек и вставил его в щель между основанием шкатулки и крышкой. В тот же миг на дороге, а

потом и на площадке перед домом послышался топот: кто-то мчал отчаянным галопом. Но что действительно было страшно, так это хрип лошади, падающей с копыт у подножия центральной башни. Появление Лоранс потрясло присутствующих подобно удару молнии, хотя о нем загодя возвестил шелест дорожного платья. Слуги быстро расступились, пропуская ее вперед. По дороге к шато девушка почувствовала боль, связанную с разоблачением заговорщиков: еще бы, ведь все ее надежды рухнули! И она мысленно металась среди этих руин, приходя в ужас от предположения, что, возможно, придется покориться консульскому правительству. Если бы не осознание опасности, угрожающей молодым офицерам, которое, как болеутоляющее, держало в узде ее усталость и отчаяние, Лоранс, наверное, сморил бы сон. Она чуть не загнала лошадь, чтобы вовремя встать между своими кузенами и смертью. Увидев эту отважную девушку — бледную, с заострившимися чертами, сбившейся набок вуалеткой и хлыстом в руке, которая с порога окинула сцену взглядом и обо всем догадалась, — и то, как неуловимая гримаса беспокойства и раздражения исказила лицо Корантена, каждый из присутствующих понял,

что наконец встретились настоящие соперники и грядет страшный поединок.

Глава 10
Лоранс и Корантен

Увидев в руках у Корантена шкатулку, молодая графиня взмахнула хлыстом и подбежала к нему так быстро и так яростно стегнула его по рукам, что вещица упала на пол. Лоранс схватила ее, швырнула в огонь и с угрожающим видом загородила собою камин, прежде чем агенты полиции оправились от изумления. Обжигающее пренебрежение во взгляде девушки, выражение ее бледного лица и презрительный изгиб губ — все это оскорбляло сыщиков больше, нежели аристократическое высокомерие, с которым она осадила Корантена, словно ядовитого гада. В добрейшем д'Отсере взыграло рыцарство: кровь прилила к его щекам, и он пожалел, что при нем нет шпаги. Слуги задрожали от радости — хоть кого-то из этих проходимцев настигло заслуженное возмездие! Однако ее вскоре задушил страх: на чердаке до сих пор громко топали жандармы. «Сыщик» — слово энергичное, со множеством смысловых оттенков, которые сами агенты полиции отлично различают, ведь публика так

и не удосужилась изобрести отдельные наименования для всего многообразия характеров этих «аптекарей», чьи снадобья востребованы при любом правительстве. Сыщик любопытен и замечателен тем, что никогда не сердится; он наделен христианским смирением священника, привычно сносит презрение и им же отгораживается от простаков, которые его не понимают; оскорбления разбиваются о его медный лоб; он идет к цели, словно животное, чей крепкий панцирь проломит разве что пушечное ядро, — и, опять-таки как животное, приходит в ярость, когда броня, которую он считал непробиваемой, поддается. Удар хлыста стал для Корантена (если забыть о боли) тем самым пушечным выстрелом, пробившим в панцире брешь; исполненный презрения жест молодой аристократки унизил его не только в глазах присутствующих, но и в своих собственных.

Что касается провансальца Пейрада, тот бросился к камину и получил от Лоранс пинок; не растерявшись, он схватил пнувшую его ногу и дернул ее вверх, принудив девушку из стыдливости упасть в кресло, в котором она в тот вечер дремала. Бурлеск посреди всеобщего ужаса — увы, подобные контрасты в нашей жизни не редки.

Пейрад обжег руку, когда сунулся за шкатулкой в огонь, но все-таки достал ее, поставил на пол и сел сверху. Все эти маленькие происшествия случились очень быстро, никто не проронил и слова. Оправившись от боли, Корантен схватил мадемуазель де Сен-Синь за руки, удерживая ее в кресле.

— Не вынуждайте меня, прелестная гражданка, применять к вам силу, — проговорил он с присущей ему уничижительной любезностью.

Когда Пейрад накрыл собой шкатулку, приток воздуха естественным образом прекратился и огонь погас.

— Жандармы, сюда! — крикнул он, не меняя нелепой позы.

— Обещаете вести себя смирно? — дерзко поинтересовался у девушки Корантен, подбирая кинжал. Угрожать оружием графине он не стал — это было бы ошибкой, и серьезной.

— Тайны, хранящиеся в шкатулке, не касаются правительства, — отвечала Лоранс, и вид ее при этом был столь же печален, как и голос. — Когда вы прочтете эти письма, то, невзирая на всю свою наглость, устыдитесь, что сделали это! Впрочем, нет, разве вы знаете, что такое стыд… — добавила она после паузы.

Взгляд кюре, обращенный к графине, умолял: «Во имя Господа, угомонитесь!»

Пейрад встал на ноги. Днище шкатулки от прикосновения с горячими угольями сильно обгорело, и на ковре под ним образовалась рыжеватая подпалина. Крышка обуглилась, стенки растрескались. Пейрад, эта гротескная пародия на Муция Сцеволу[55], который только что принес в жертву полицейскому божеству по имени Страх свои оранжевые штаны, взялся за боковые стенки шкатулки и открыл ее, как книгу. На сукно ломберного стола выпали три письма и две прядки волос. Пейрад уже хотел подмигнуть Корантену, но тут заметил, что волосы светлые, но разных оттенков. Корантен оставил в покое мадемуазель де Сен-Синь, подошел к столу и взял сложенный листок, из которого выпали пряди.

Лоранс тоже встала и приблизилась к сыщикам.

— О, читайте вслух, себе в наказание! — сказала она.

И поскольку полицейские продолжали безмолвно водить взглядом по строчкам, девушка

[55] Примечания: 55

Муций Сцевола — римлянин, который, по преданию, попав в руки врагов и желая показать неустрашимость и презрение к смерти, сжег свою руку на огне. (*Примеч. ред.*)

прочла следующее:

Дорогая Лоранс!

Нам с супругом рассказали, как самоотверженно Вы держались в печальный день нашего ареста. Мы знаем, что Вы любите наших милых близнецов так же крепко, как мы сами, и не делаете между ними различия; поэтому поручаем передать нашим сыновьям в память о нас этот драгоценный и печальный дар. Г-н палач только что остриг нам волосы, и смерть близка; он обещал отдать Вам эти пряди волос — единственное, что мы можем дать нашим горячо любимым сиротам. Сохраните же то малое, что после нас осталось, и отдайте им в лучшие времена, а вместе с подарком — наш прощальный поцелуй и родительское благословение. В смертный час мы будем думать о сыновьях, о Вас, Лоранс, и о Господе Боге. Любите их крепко!

БЕРТА ДЕ Сен-СинЬ,
ЖАН ДЕ СИМЁЗ

У всех, кто это слышал, на глаза навернулись слезы.

Лоранс смерила агентов уничижительным взором.

— Г-н палач оказался сердобольнее, чем вы, господа, — проговорила она недрогнувшим го-

лосом.

Корантен преспокойно положил пряди в письмо, а письмо — на стол, прижав его сверху корзинкой с фишками, чтобы оно не улетело. Эта невозмутимость посреди всеобщего волнения наводила ужас. Пейрад развернул два других письма.

— О, эти похожи на первое, — сказала Лоранс. — Вы прочли завещание и сейчас узна́ете, как оно было исполнено. Мои сердечные тайны откроются перед всеми, но ведь это сущая безделица, верно?

1794 год, Андернах, накануне сражения

Моя дорогая Лоранс,

я люблю Вас и хочу, чтобы Вы об этом знали. Но если я умру, знайте и то, что мой брат Поль-Мари любит Вас так же крепко, как и я. Умирая, я буду утешаться мыслью о том, что наступит день и Вы обязательно наречете моего обожаемого брата своим супругом и не увидите, как я умираю от ревности, что непременно случилось бы, если бы мы оба были живы и Вы отдали предпочтение ему. Впрочем, это было бы вполне естественно, поскольку брат, наверное, достойнее меня… и т. д.

МАРИ-ПОЛЬ

— Теперь другое письмо, — проговорила девушка, очаровательно краснея.

1794 год, Андернах, накануне сражения

Добрая моя Лоранс,

я по своему обыкновению грущу; но у Мари-Поля нрав более жизнерадостный, поэтому он наверняка нравится Вам больше, чем я. Наступит день, и Вам придется выбирать между нами; и хоть я люблю Вас страстно…

— Вы состоите в переписке с эмигрантами! — воскликнул Пейрад, и Лоранс умолкла.

Провансалец посмотрел письма на свет, проверяя, нет ли между строк еще одного послания,

начертанного симпатическими чернилами.

— Да, это так. — Лоранс свернула драгоценные, слегка пожелтевшие письма. — Но по какому праву вы врываетесь в мой дом, поправ мою личную свободу и святость домашнего очага?

— Действительно, по какому праву? — повторил за ней Пейрад. — Сейчас, прелестная аристократка, мы вам это объясним, — продолжал он, вынимая из кармана ордер, выданный министром юстиции и подписанный министром внутренних дел. — Что за блажь пришла в голову министрам?

— Мы могли бы спросить, — сказал Корантен на ухо Лоранс, — по какому праву вы даете приют врагам первого консула. Вы стегнули меня хлыстом по рукам, и этими руками я, теперь уже без зазрений совести, однажды отправлю ваших кузенов на тот свет, хотя изначально ехал сюда, чтобы их спасти.

По взгляду, каким Лоранс смерила Корантена, и по движению его губ кюре угадал реплику этого непризнанного величайшего артиста. Он попытался упредить ее жестом, но это заметил только Гулар. Пейрад постучал по крышке шкатулки, чтобы узнать, нет ли внутри полости.

— Боже мой, вы ее поломаете! — Графиня вы-

рвала шкатулку у Пейрада из рук. — Это делается так!

Она взяла булавку, ткнула ею в голову декоративной фигурки, и соединенные пружиной досточки раздвинулись. В углублении оказались два миниатюрных портрета, выполненных на слоновой кости и написанных в Германии; на них были изображены господа де Симёз в мундирах армии Конде. Корантен, который лицом к лицу столкнулся с противником, достойным его гнева, жестом отозвал Пейрада в угол для секретного совещания.

— И вы готовы были это сжечь? — спросил аббат Гуже у Лоранс, указывая взглядом на письмо маркизы и пряди волос.

Вместо ответа девушка выразительно пожала плечами. Кюре понял: она готова на все, лишь бы отвлечь сыщиков и выиграть время, и поднял глаза к небу, выражая тем самым свое восхищение.

— Где поймали Готара? Он плачет, — сказала Лоранс, не опасаясь, что ее услышат.

— Я не знаю, — ответил кюре.

— Он ехал на ферму?

— Ферма! — воскликнул Пейрад, обращаясь к Корантену. — Пошлем туда жандармов!

— Нет, — отвечал тот. — Эта девчонка ни за что

не доверила бы жизнь своих кузенов какому-то фермеру. Она водит нас за нос. Делайте, что я сказал, и тогда мы сможем узнать хоть что-то полезное, раз уж наш приезд сюда был ошибкой.

Корантен подошел к камину и приподнял длинные заостренные полы своего сюртука, чтобы согреться; с этого момента у него был вид, тон и манеры человека, приехавшего с дружеским визитом.

— Дамы, можете идти спать. Это касается и ваших слуг. Г-н мэр, ваши услуги нам более не понадобятся. Строгость полученных распоряжений не позволяла нам действовать иначе. Но как только стены шато — на мой взгляд, довольно толстые — будут исследованы, мы уедем.

Мэр кивком попрощался с собравшимися и вышел. Но аббат и мадемуазель Гуже не сдвинулись с места: они слишком тревожились о судьбе своей юной хозяйки. Г-жа д'Отсер, которая с момента появления Лоранс в гостиной следила за ней пытливым взглядом отчаявшейся матери, подошла, взяла девушку за руку, отвела в уголок и шепотом спросила:

— Вы с ними виделись?

— Разве могла я привести ваших сыновей в этот дом и не сказать об этом вам? — таков был ответ

Лоранс. — Дюрье, сделайте что-нибудь для моей бедной Стеллы, она еще дышит.

— Она проделала немалый путь, — сказал Корантен.

— Пятнадцать лье за три часа, — ответила графиня кюре, смотревшему на нее с изумлением. — Я выехала в половину десятого и вернулась во втором часу.

Она взглянула на стенные часы, показывавшие половину третьего ночи.

— Выходит, вы не отрицаете, — подхватил Корантен, — что проехали пятнадцать лье?

— Нет, — отвечала Лоранс. — А еще я признаю́, что мои кузены и господа д'Отсер, которые ни в чем не повинны, желали обратиться с прошением о том, чтобы закон об амнистии распространили и на них, и уже были на пути в Сен-Синь. Узнав, что мсье Мален собирается вовлечь их в какую-то аферу, связанную с предательством, я выехала им навстречу — сказать, что им следует вернуться в Германию, где они окажутся прежде, чем телеграфист из Труа успеет передать их приметы на границу. Если я совершила преступление, меня накажут.

Этот тщательно продуманный, правдоподобный ответ поколебал уверенность Корантена.

Лоранс исподтишка наблюдала за ним. И вот, в этот решающий момент, когда сердца присутствующих замерли в ожидании развязки, а взгляды перебегали с лица Корантена на лицо Лоранс, послышался топот галопирующей лошади — сначала со стороны леса, а потом и на мощеной дороге, ведущей к дому. На лицах собравшихся читались тревога и страх.

Вошел Пейрад; его глаза радостно поблескивали. Он быстрым шагом приблизился к подельнику и сказал достаточно громко, чтобы могла услышать графиня:

— Мы задержали Мишю!

Лоранс, щеки которой горели румянцем от волнения, усталости и крайнего умственного напряжения, вдруг побледнела и почти без чувств, как подкошенная, упала в кресло. Мадам Дюрье, мадемуазель Гуже и г-жа д'Отсер бросились к девушке, ловившей воздух ртом; та жестом попросила разрезать шнуровку на душившем ее корсаже амазонки.

— Графиня попалась: они направляются в Париж! — сказал Корантен Пейраду. — Будем действовать по-другому.

Тайные агенты вышли, оставив на пороге гостиной жандарма. Поистине дьявольская ловкость

этой парочки принесла им победу в ожесточенной дуэли: они применили излюбленный трюк — заманили Лоранс в ловушку.

В шесть утра, как только начало светать, сыщики вернулись. Осмотрев дорогу под орехами, они нашли следы лошадиных копыт, ведущие к лесу. Оставалось дождаться новостей от жандармского капитана, которому поручено было произвести разведку местности. Жандармы под командованием капрала по-прежнему держали шато в оцеплении. Завтракать парижане поехали к трактирщику в Сен-Синь, но прежде распорядились отпустить Готара, на все вопросы отвечавшего потоками слез, и непреклонную в своем молчании Катрин. Юный грум с горничной спустились в гостиную, чтобы поцеловать руку Лоранс, отдыхавшей в кресле. Дюрье пришел сказать, что Стелла не умрет, но ее еще долго придется выхаживать.

Встревоженный и охваченный любопытством мэр повстречал Пейрада с Корантеном в деревне. С мыслью, что чиновникам столь высокого ранга не пристало завтракать в грязном трактире, он увел их к себе. До старого аббатства была всего лишь четверть мили. По дороге Пейрад вслух выразил удивление, что до сих пор нет новостей

от капрала из Арси, посланного справиться о Мишю и Виолетте.

— Мы имеем дело с умным противником, — сказал Корантен. — И он сильнее нас. Уверен, кюре играет в этом деле не последнюю роль.

Когда г-жа Гулар пригласила гостей в просторную столовую без камина, явился жандармский лейтенант; вид у него был растерянный.

— В лесу мы нашли лошадь капрала из Арси, но без седока, — сказал он Пейраду.

— Лейтенант! — вскричал Корантен. — Отправляйтесь в павильон Мишю и узнайте, что там происходит! Возможно, капрала убили.

Эта новость омрачила трапезу в доме мэра. Парижане проглотили угощение с поспешностью охотников, перекусывающих на привале, и в своем ивовом кабриолете, запряженном почтовой лошадкой, вернулись в шато, спеша оказаться там, где может понадобиться их присутствие. Вернувшись в гостиную, где они оставили после себя замешательство, трепет, страдание и жесточайшую тревогу, агенты застали там Лоранс, облаченную в домашнее платье, ее опекуна с супругой и аббата Гуже с сестрой. Все собрались у растопленного камина и вид имели довольно-таки безмятежный.

«Если бы Мишю схватили, — сказала себе Лоранс, — его привели бы в шато. О, как жаль, что своей несдержанностью я, вероятно, подтвердила подозрения этих негодяев! Но не все еще потеряно…»

— Как долго вы собираетесь держать нас в плену? — с насмешливым и непринужденным видом спросила она у агентов.

«Откуда девчонка может знать, что мы беспокоимся насчет Мишю? В замок с вечера никого не впускали… Да она издевается над нами!» — читалось во взглядах, которыми обменялись сыщики.

— Мы не станем вам долго докучать, — отвечал Корантен. — Еще три часа — и мы откланяемся, извинившись за то, что нарушили ваш покой.

Ответа не последовало. Это безмолвное презрение удвоило подспудную злость Корантена, о котором Лоранс и кюре, обладавшие большей проницательностью, чем остальные, уже составили определенное мнение. Готар и Катрин передвинули обеденный стол поближе к камину, и кюре с сестрой заняли за ним свое место. Ни обитатели шато, ни слуги не обращали на сыщиков ни малейшего внимания, пока те прогуливались в саду, во дворе, по дороге, время от времени наведываясь в гостиную.

В половине третьего вернулся лейтенант.

— Я разыскал капрала, — доложил он Корантену. — Он лежал на дороге, что ведет от павильона Сен-Синь к ферме Беллаш. Капрал не ранен, если не считать серьезного ушиба головы, который он, скорее всего, получил, когда упал с лошади. Он рассказывает, что какая-то сила стремительно сдернула его с седла и резко отбросила назад, так что он и не понял, как это получилось; хорошо еще, что сапоги выскочили из стремян и перепуганная лошадь не протащила его по полям… Мы оставили пострадавшего на попечение Мишю и Виолетта.

— Как это? Мишю у себя в павильоне? — спросил Корантен, который в это время как раз смотрел на графиню.

Лоранс едва заметно улыбнулась — как женщина, наслаждающаяся реваншем.

— Я видел своими глазами, как Мишю с Виолеттом сговариваются о какой-то сделке; все это длится еще со вчерашнего вечера, — продолжил рассказ лейтенант. — На вид оба хмельные, но это и неудивительно: они пили всю ночь и до сих пор так и не сговорились.

— Это вам Виолетт сказал? — спросил Корантен.

— Ну да, — отвечал лейтенант.

— Все нужно делать самому! — воскликнул Пейрад, глядя на Корантена, который также усомнился в умственных способностях лейтенанта.

Молодой сыщик кивнул своему старшему напарнику.

— В котором часу вы приехали в павильон Мишю? — спросил Корантен, заметив, что мадемуазель де Сен-Синь смотрит на каминные часы.

— Около двух, — сказал лейтенант.

Лоранс обвела взглядом г-на и г-жу д'Отсер, аббата Гуже с сестрой, и у тех моментально отлегло от сердца; в ее глазах светилась радость триумфа. Кровь прилила к лицу девушки, по щекам покатились слезы. Ее закалили несчастья, и если она и могла заплакать, то только от счастья. В этот миг Лоранс была прекрасна; кюре, который полагал, что такой характер более подходит мужчине, наконец увидел в ней бесконечную женскую нежность. Но в сердце Лоранс эта восприимчивость таилась, подобно сокровищу, на невообразимой глубине, под гранитной глыбой. Вошедший жандарм спросил, можно ли впустить в дом младшего Мишю, которого отец прислал с новостями для «господ из Парижа». Корантен кивнул. Яблоко от яблони недалеко падает; во

дворе Франсуа Мишю встретил Готара, которого к этому времени отпустили, и под присмотром жандармов перекинулся с ним парой слов. А еще он успел исполнить поручение, незаметно для окружающих вложив в руку юному груму некую вещицу. Готар проскользнул в гостиную следом за Франсуа, подошел к мадемуазель де Сен-Синь и с безмятежным видом подал ей обручальное колечко, которое та пылко поцеловала; графиня поняла, что хотел сказать ей Мишю — теперь молодые дворяне в безопасности.

— Папа спрашивает, куда нам девать жандарма. Ему совсем худо.

— И что же у него болит? — поинтересовался Пейрад.

— Говорит, голова. Он ведь с лошади свалился. Чудно, ведь все знают, что жандармы крепко сидят в седле. Может, конь споткнулся? А в голове у него дыра — вот такая, с кулак! Не повезло бедолаге, упал — и затылком о камень! Хоть он и жандарм, а так мучается, что жалко смотреть…

Во двор въехал жандармский капитан из Труа, спрыгнул с лошади и махнул Корантену. Тот, едва завидев капитана, поспешил к окну и, не теряя времени, распахнул его:

— Ну что?

— Нас обвели вокруг пальца! Посреди дороги, в лесу, мы нашли пять взмокших от пота, загнанных лошадей — мертвых. Я поставил возле них охрану; надо разузнать, откуда они приехали и кто их хозяин. Лес оцеплен, и кто бы в нем ни находился, он оттуда не выберется.

— Как считаете, в котором часу всадники въехали в лес?

— В половине первого.

— Сделайте так, чтобы мимо вас из лесу и зайчишка не проскочил, — шепнул ему Корантен. — Пейрада я попрошу остаться в деревне, а сам навещу злополучного капрала… Побудь пока у мэра, я пришлю кого-нибудь посмышленей тебя сменить, — едва слышно сказал он провансальцу. — Нам понадобятся шпионы, так что повнимательнее присмотрись к местным. — И, обернувшись к обитателям шато, сказал тоном, повергающим в трепет: — До встречи, господа!

Никто ему не ответил, и агенты удалились.

— Что скажет Фуше, когда узнает, что обыск не дал результатов? — спросил Пейрад, помогая Корантену забираться в плетеный кабриолет.

— О, дело еще не закончено, — ответил тот так, чтобы никто, кроме подельника, не услышал. — Наши дворяне сейчас в лесу, — и он указал на

Лоранс, которая смотрела на него из окна гостиной. — Я уже свернул одной шею, из той же породы, — вывела меня из терпения. Так что, если графиня окажется в моей власти, я ей припомню ее хлыстик!

— То была простолюдинка, — сказал Пейрад, — а эта — голубая кровь…

— А мне разве не все равно? Хоть принцесса!

Корантен сделал знак жандарму, сидевшему на козлах, и тот хлестнул лошадку.

Через десять минут посторонних в шато-де-Сен-Синь не осталось.

— Как ты управился с капралом? — спросила Лоранс у Франсуа Мишю, усадив его обедать.

— Родители сказали, что это дело жизни и смерти и никого нельзя пускать в дом. Я услышал в лесу лошадиный топот и понял, что это — треклятые жандармы. Надо было как-то помешать им войти. И тогда я принес с чердака крепкие веревки и натянул их между деревьями — по одной в начале каждой дороги, да так, чтобы она пришлась всаднику на уровне груди. Только-только закрепил ту, что на дороге, ведущей к дому, как послышался стук копыт. Дорога была перегорожена, и все прошло как по маслу. Луна зашла, и капрал растянулся на земле; но не убился. Чему

тут удивляться? Жандармы — они живучие. Лучше я ничего не придумал.

— Ты нас спас! — Лоранс обняла Франсуа Мишю, а через некоторое время сама проводила его к воротам. Убедившись, что они одни, она шепнула мальчику на ухо: — Еда у них есть?

— Я только что отнес им каравай хлеба весом двенадцать фунтов и четыре бутылки вина. Дней шесть продержатся!

Вернувшись в гостиную, Лоранс натолкнулась на вопросительные взгляды г-на и г-жи д'Отсер и аббата с сестрой, которые молча взирали на нее с восхищением и тревогой.

— Скажите же, виделись вы с ними или нет? — вскричала г-жа д'Отсер.

Графиня улыбнулась, приложила пальчик к губам, призывая к молчанию, и удалилась в свои покои: она добилась, чего хотела, и теперь валилась с ног от усталости.

Глава 11
Реванш полиции

Из Сен-Синя к павильону Мишю быстрее всего можно было попасть по дороге, ведущей из одноименной деревни к ферме Беллаш. Дорога эта устремлялась прямиком к рон-пуэну — тому самому месту, где Мишю накануне впервые встретился с сыщиками. Жандарм, сопровождавший Корантена, выбрал ее потому, что именно тут ночью проехал капрал из Арси. По пути парижанин смотрел по сторонам, пытаясь понять, как это капрала угораздило свалиться с лошади. Он укорял себя за то, что, отправляя жандарма со столь важным поручением, не дал ему подручных, — это была ошибка, которую Корантен пообещал себе не повторять. «Если они обезвредили жандарма, — думал он, — то и с Виолеттом церемониться не стали. Ясно же, что на этих лошадях четверо заговорщиков и Мишю вернулись в Нодемский лес из окрестностей столицы…»

— У Мишю есть лошадь? — спросил Корантен у жандарма из арсийского отряда.

— Есть. Славный жеребчик из конюшен по-

койного маркиза де Симёза, и к охоте приучен. Пятнадцатилетка, а резвости не занимать — проходит до двадцати лье в день, и шерсть сухая, что твоя шляпа! Мишю его холит и не соглашается продать ни за какую цену.

— Какой масти его жеребец?

— Темно-гнедой, с белыми бабками. Поджарый и жилистый, как арабская лошадь.

— Ты видел арабских лошадей?

— Я год назад вернулся из Египта. Мне случалось ездить на мамелюкских конях. Я одиннадцать лет в кавалерии: сначала служил на Рейне под командованием генерала фон Штайнгеля, потом попал в Италию и уже оттуда, с первым консулом, — в Египет. Скоро меня произведут в капралы.

— Я пойду в дом Мишю, а ты ступай на конюшню! После одиннадцати лет службы ты должен разбираться в лошадях и сможешь сказать, усталая лошадь или свежая.

— Глядите, вот тут упал наш капрал. — С этими словами жандарм указал на место, где дорога расширялась, выходя к рон-пуэну.

— Передашь своему командиру, чтобы он заехал сюда за мной; мы вместе поедем в Труа.

Корантен спешился и бегло осмотрел участок.

Его внимание привлекли два вяза, растущие друг напротив друга: один — возле парковой стены, другой — у самого края рон-пуэна, в том месте, где кончалась проселочная дорога. Тут он нашел то, чего до него никто не приметил, — валяющуюся в пыли форменную пуговицу. Корантен подобрал ее. В павильоне он застал Виолетта и Мишю. Они сидели за столом в кухне и горячо спорили. Виолетт встал, поздоровался и предложил парижанину выпить.

— Благодарю, но сейчас я хочу повидаться с капралом, — сказал молодой агент, который с первого взгляда понял, что Виолетт пьян уже часов двенадцать, не меньше.

— Он наверху, моя жена за ним приглядывает, — сказал Мишю.

— Как вы себя чувствуете, капрал? — спросил Корантен, который, взбежав по лестнице, нашел занемогшего жандарма лежащим на кровати мадам Мишю, с компрессом на голове.

Его каскетка, сабля и остальное снаряжение были сложены на стуле. Марта, жалостливая, как все женщины, вместе с матерью ухаживала за капралом. О ночных геройствах сына она и слыхом не слыхивала.

— Мы ждем г-на Варле, доктора из Арси, — ска-

зала мадам Мишю. — Гоше за ним поехал.

— Оставьте нас ненадолго, — попросил Корантен, удивленный этой картиной; невозможно было представить, что эти женщины причастны к ночным событиям. — Куда пришелся удар? — спросил он, разглядывая капральский мундир.

— В грудь, — отвечал капрал.

— Посмотрим на вашу перевязь, — сказал Корантен.

Перевязь представляла собой желтую кожаную ленту с белой каймой по краям, носить которую солдат национальной жандармерии обязывал недавно изданный закон, прописывавший мельчайшие детали их униформы. На ней имелась металлическая бляха, подобная тем, что нынче носят сельские полицейские, с весьма занятной гравировкой, гласившей: «Уважение к личности и собственности!» После того как капрал налетел на натянутую веревку, на бляхе осталась порядочная вмятина. Корантен взял в руки мундир и осмотрел место, на котором не хватало пуговицы — той самой, что была найдена на дороге.

— В котором часу вас подобрали? — спросил он.

— Едва начало светать.

— И сразу перенесли в эту спальню? — От взгля-

да Корантена не укрылось, что постель не была разобрана.

— Да.

— Кто вас занес?

— Женщины и младший Мишю. Я был без сознания, и это он меня нашел.

«Значит, они не ложились, — сказал себе Корантен. — Капрал пострадал не от выстрела и не от удара палкой — для этого противник должен был бы находиться на одном уровне с ним, то есть сидеть в седле. Обезоружить его можно было, лишь соорудив на его пути какое-нибудь препятствие. Деревянная перекладина? Невозможно. Железная цепь? Она оставила бы следы…»

— Что вы почувствовали? — спросил он у капрала, наклоняясь, чтобы его осмотреть.

— Меня резко отбросило назад…

— У вас ссадина под подбородком!

— Мне кажется, — отвечал капрал, — что меня хлестнули по лицу веревкой.

— А вот и отгадка, — сказал Корантен. — Кто-то натянул между деревьями веревку, преграждая вам путь!

— Похоже на то, — согласился капрал.

Корантен спустился в кухню.

— Ну что, старый пройдоха, по рукам? — Вопрос

Мишю был обращен к Виолетту, но смотрел он на агента. — За все — сто двадцать тысяч франков, и вы хозяин моего участка. А я сделаюсь рантье.

— Богом клянусь, нет у меня столько денег! Шестьдесят тысяч — это все!

— Так я ведь дам вам рассрочку на остаток суммы! Мы уже почти сутки не можем договориться, а ведь земелька-то первый сорт!

— Участок хороший, — согласился Виолетт.

— Жена, еще вина! — потребовал Мишю.

— Не хватит ли вам пить? — вскричала мать Марты. — С девяти часов это уже четырнадцатая бутылка!

— Вы здесь с девяти утра? — спросил Корантен у Виолетта.

— Нет! Извините, но я тут со вчерашнего вечера. С места не сходил, да так ничего и не выгадал! Все наливает да набавляет цену!

— У торговцев это обычная практика: чем выше поднят стакан, тем выше и цена, — заметил Корантен.

Дюжина выстроившихся на краю стола пустых бутылок подтверждала слова тещи Мишю. Тут жандарм с улицы сделал Корантену знак подойти и шепнул ему через порог:

— В конюшне пусто.

— Вы отправили сына в город на своей лошади, — сказал Корантен, возвращаясь в комнату. — Значит, он вот-вот вернется.

— Нет, мсье! — воскликнула Марта. — Франсуа пошел пешком.

— А куда же подевалась лошадь?

— Я ее одолжил, — сухо ответствовал Мишю.

— Подите-ка сюда, праведник! — сказал Корантен управляющему. — Шепну вам на ушко пару слов…

Они с Мишю вышли.

— Из карабина, который вы заряжали вчера, в четыре пополудни, вы намеревались застрелить государственного советника; нотариус Гревен вас видел. Но уличить вас невозможно: мотивов хватает, а вот свидетелей маловато. Уж не знаю как, но вы усыпили Виолетта и вместе с женой и своим шалопаем провели ночь вне дома — предупредили мадемуазель де Сен-Синь о нашем приезде и помогли ей спасти кузенов, которых перевезли сюда; я еще не выяснил, куда именно. Ваша жена или сын, проявив редкую находчивость, вышибли капрала из седла. Одним словом, вы нас обставили. Вы ловкий малый, Мишю. Но еще не все сказано, и последнее слово будет за нами. Может, заключим мировую? Ваши хозяева

от этого только выиграют.

— Отойдем немного — туда, где нас никто не услышит, — предложил Мишю, увлекая сыщика за собой в парк, к пруду.

Завидев водоем, Корантен пристально посмотрел на своего спутника. Вне всяких сомнений, Мишю рассчитывал, что ему хватит сил швырнуть противника в пруд, где под тремя футами воды было еще семь футов ила. Мишю ответил сыщику таким же пристальным взглядом — ни дать ни взять медлительный и хладнокровный питон, бросающий вызов рыжему бразильскому ягуару.

— Мне совсем не хочется пить. — Агент предпочел остановиться на краю лужайки и, сунув руку в боковой карман, нащупал ножичек.

— Нам друг друга не понять, — холодно обронил Мишю.

— Ведите себя хорошо, мой милый. Судебная полиция будет пристально следить за вами!

— Если она так же недальновидна, как и вы, плохо придется всем! — сказал управляющий.

— Так вы отказываетесь? — спросил Корантен многозначительным тоном.

— Я бы предпочел сто раз подставить шею под топор — если бы только можно было казнить од-

ного человека сто раз, — чем сговориться с таким негодяем, как ты.

Корантен поспешно сел в коляску, напоследок смерив презрительным взглядом управляющего, его дом и захлебывающегося лаем Куро. Проезжая через Труа, сыщик отдал кое-какие распоряжения и вернулся в Париж. Жандармские отряды получили задания и секретные указания.

В декабре, январе и феврале поиски велись активно и безостановочно — повсюду, не исключая и самых крошечных деревушек; во всех трактирах расставили соглядатаев. Корантен узнал три важных факта: лошадь, похожую на ту, что принадлежала Мишю, нашли мертвой в окрестностях Ланьи. Пять лошадей, закопанных в Нодемском лесу, были куплены у фермеров и мельников за пятьсот франков каждая мужчиной, по описаниям похожим на Мишю. После издания закона, направленного против укрывателей и сообщников Жоржа Кадудаля, Корантен сосредоточил наблюдение на Нодемском лесе. Когда же аресту подверглись Моро, Пишегрю и другие роялисты, чужаков в этих краях не осталось вовсе. Мишю разжаловали из управляющих; нотариус из Арси привез ему письмо, в котором государственный советник, а с некоторых пор и

сенатор, просил Гревена принять у него дела и уволить. Через три дня Мишю получил на руки официальный документ (удостоверявший, что у бывшего нанимателя нет к нему претензий), а вместе с ним — и свободу действий. К величайшему изумлению округи, он поселился в Сен-Сине на правах арендатора; Лоранс отдала ему в обработку пустовавшие прежде земли. Переезд семейства Мишю роковым образом совпал с казнью герцога Энгиенского. По всей Франции почти одновременно было объявлено об аресте, осуждении и смерти герцога — страшном отмщении, предшествовавшем процессу над Полиньяком, Ривьером и Моро.

Пока строилась предназначенная ему ферма, Мишю, этот лже-Иуда, поселился в комнатах над конюшней, недалеко от уже известной насыпи. Он приобрел пару лошадей — для себя и сына, и с тех пор они с Готаром сопровождали мадемуазель де Сен-Синь во время прогулок, целью которых было, как читатель уже догадался, доставить провизию четырем молодым дворянам и убедиться в том, что у них есть все необходимое. Франсуа с Готаром, прихватив с собой Куро и свору графини, прочесывали местность вокруг укрытия, проверяя, нет ли поблизости чужаков. Лоранс и Мишю

возили снедь, которую Марта, ее мать и Катрин готовили украдкой, чтобы не посвящать больше никого в свою тайну, — они, разумеется, понимали, что и в деревне есть шпионы. Из все той же осмотрительности поездки в лес совершались не чаще двух раз в неделю и всегда в разное время суток — иногда днем, а иногда и ночью. Эти меры предосторожности соблюдались, пока судили Ривьера, Полиньяка и Моро. Когда решением сената династию Бонапарта возвели на престол, Наполеона объявили «императором французов», а само решение было передано на утверждение народу Франции, г-н д'Отсер поставил свою подпись в ведомости, поданной ему Гуларом. Наконец стало известно, что короновать Наполеона будет Папа Римский, который по этому случаю прибудет в страну. Мадемуазель де Сен-Синь более не препятствовала молодым д'Отсерам и своим кузенам, пытавшимся добиться исключения из эмиграционных списков и обрести гражданские права. Г-н д'Отсер-старший поспешил в Париж, рассчитывая повидаться с «бывшим» маркизом Шаржбёфом, близко знакомым с г-ном де Талейраном. Министр как раз был в фаворе, поэтому передал прошение Жозефине, а та — своему супругу, которого, не дожидаясь результатов

плебисцита, уже величали императором, его величеством и сиром. Г-н де Шаржбёф, г-н д'Отсер и аббат Гуже, также прибывший в столицу, добились аудиенции у Талейрана, и тот обещал им свое содействие. Наполеон к этому времени уже помиловал главных участников направленного против него масштабного роялистского заговора; и все же, хотя четыре дворянина всего лишь входили в число «вероятных» заговорщиков, по окончании очередного заседания Государственного совета император вызвал к себе в кабинет сенатора Малена, Фуше, Талейрана, Камбасереса, Лебрана и префекта полиции Дюбуа.

— Господа, — обратился к ним император, по-прежнему носивший мундир первого консула, — мы получили прошение от господ де Симёз и д'Отсер, офицеров армии принца Конде. Они просят позволения вернуться во Францию.

— Они уже во Франции, — сказал Фуше.

— Как и тысяча прочих, которых я встречаю в Париже, — добавил Талейран.

— Ну, этих господ вы видеть не могли, поскольку они скрываются в Нодемском лесу, где чувствуют себя как дома, — заметил Мален.

Он не осмелился повторить в присутствии первого консула и Фуше слова, которым был обязан

жизнью; однако, опираясь на донесения Коранте-на, убедил Совет в том, что эти четыре дворянина участвовали в заговоре господ де Ривьера и де Полиньяка и что Мишю был их пособником. Префект полиции присоединился к заверениям сенатора.

— Но откуда управляющий мог узнать, что заго-вор раскрыт, если на тот момент эта тайна была известна только императору, его советникам и мне? — спросил префект полиции.

Однако его реплика осталась без внимания.

— Если они скрываются в лесу и вы за семь месяцев их не нашли, — сказал император Фу-ше, — полагаю, эти господа уже искупили свои грехи.

— Даже если бы эти господа были только мои-ми врагами, — заговорил Мален, встревоженный прозорливостью префекта полиции, — я бы по-следовал примеру вашего величества! Я прошу для них репатриации и выступаю как их заступ-ник!

— Как вновь обретенные граждане они будут для нас менее опасны, нежели в свою бытность эмигрантами: им предстоит присягнуть на верность конституции Империи и ее законам, — сказал Фуше, пристально глядя на Малена.

— Какую опасность они представляют для сенатора? — спросил Наполеон.

Непродолжительное время Талейран о чем-то перешептывался с императором, и наконец вопрос об исключении господ де Симёз и д'Отсер из эмигрантских списков и их репатриации, казалось, был решен.

— Сир, возможно, вы о них еще услышите, — сказал Фуше.

Талейран по просьбе герцога де Гранлье только что сообщил Наполеону: вышеупомянутые господа дали «слово дворянина» — это была фраза, обладавшая, по мнению императора, особой притягательной силой, — что не станут более злоумышлять против Империи и покоряются ему с открытым сердцем.

— После недавних событий господа д'Отсер и де Симёз не желают более воевать против Франции. Они мало симпатизируют имперскому правительству и принадлежат к категории людей, которую вашему величеству еще только предстоит завоевать; однако разрешения жить на французской земле, подчиняясь законам, им вполне достаточно, — сказал министр.

И передал императору полученное им самим письмо, в котором все это было изложено.

— Трудно усомниться в искренности человека, который говорит так открыто, — сказал император, глядя на Лебрана и Камбасереса. — У вас еще есть возражения? — спросил он у Фуше.

— В интересах вашего величества я прошу позволения передать этим господам решение об их репатриации, когда оно окончательно будет утверждено, — возвысив голос, произнес будущий министр полиции.

— Я согласен, — сказал Наполеон, которому выражение лица Фуше показалось очень уж озабоченным.

Сановники разошлись, но решение по этому делу так и не было принято, а в памяти у Наполеона осталось смутное сомнение относительно этих четырех дворян. Г-н д'Отсер, веря в успех, написал письмо, в котором поделился радостной новостью с домочадцами. И по прошествии нескольких дней обитатели шато-де-Сен-Синь не выказали удивления, когда явился Гулар, чтобы сообщить г-же д'Отсер и Лоранс о том, что молодых людей ждут в Труа, где префект после принесения ими присяги и изъявления готовности соблюдать имперские законы передаст решение о репатриации. Лоранс ответила мэру, что уведомит обо всем кузенов и господ д'Отсер.

— Значит, их здесь нет? — удивился Гулар.

Г-жа д'Отсер с тревогой взирала на девушку, которая вышла, чтобы побеседовать с Мишю, оставив мэра в гостиной. Мишю решил, что опасности больше нет и эмигрантам пора выйти на свет божий. Лоранс, Мишю с сыном и Готар верхом отправились в лес, ведя в поводу еще одного коня, поскольку графиня намеревалась сопровождать четырех дворян в Труа и с ними же вернуться. Все, кому уже были известны хорошие новости, собрались на лужайке перед домом, чтобы проводить эту ликующую кавалькаду. Четыре дворянина выбрались из укрытия, вскочили на коней и, никем не замеченные, в сопровождении мадемуазель де Сен-Синь выехали на дорогу в Труа. Мишю с помощью сына и Готара заложил камнями вход в подземелье, а затем они втроем пошли пешком обратно. По дороге Мишю вспомнил об оставленном в укрытии серебряном кубке и одеялах, принадлежавших молодым господам, и в одиночку вернулся. Подходя к болотцу, он услышал в подземелье голоса и прямиком, через заросли, устремился к входу.

— Явились за своим серебром? — с усмешкой поинтересовался Пейрад, высовывая из кустов крупный красный нос.

Непонятно почему, ведь господа были спасены, Мишю вдруг ощутил ломоту во всем теле — так остро дало о себе знать смутное, необъяснимое предчувствие грядущей беды; и все же, несмотря ни на что, он приблизился и увидел на лестнице Корантена с витой свечой в руке.

— Мы не желаем вам зла, — сказал он Мишю. — Мы могли бы схватить ваших «бывших» дворян еще на прошлой неделе. Но уже тогда было известно, что их репатриировали. Вы — крепкий орешек, Мишю, и порядочно попортили полиции кровь, так что мы решили удовлетворить напоследок свое любопытство.

— Я много бы дал, чтобы узнать, кто нас выдал! — вскричал Мишю.

— Ну, если уж вас так это интересует, милейший, — с улыбкой сказал Пейрад, — рассмотрите как следует подковы своих коней, и вы поймете, что предали себя сами!

— Что ж, не поминайте лихом!

С этими словами Корантен знаком подозвал капитана жандармов, удерживавшего лошадей.

— Этот убогий работяга из Парижа, который так сноровисто подковывал лошадей на английский манер и недавно ушел из Сен-Синя, был соглядатаем! — вскричал Мишю. — А потом они

нарядили своего человека вязальщиком хвороста или браконьером, и тот по особому рисунку подков в дождливую погоду проследил за нами! Что ж, теперь мы и правда квиты.

Скоро Мишю утешился: в том, что полиция обнаружила тайник, опасности не было, ведь молодые дворяне снова обрели гражданские права и свободу. И все же его предчувствиям суждено было сбыться: особенность полицейских и иезуитов в том, что они не забывают ни друзей, ни врагов.

Глава 12
Любовь не выбирает

По возвращении из столицы д'Отсер-старший очень удивился тому, что добрые вести его опередили. Дюрье был занят приготовлением вкуснейшего ужина, прислуга принарядилась в лучшее платье, и все с нетерпением ожидали изгнанников, которые приехали около четырех пополудни, радостные и смущенные: в течение двух лет им предстояло жить под надзором полиции и ежемесячно наведываться в префектуру; покидать пределы коммуны Сен-Синь было запрещено. «Я пришлю вам явочный лист на подпись, — сказал молодым людям префект. — А через несколько месяцев вы сможете подать прошение о смягчении условий. Они, кстати, одинаковы для всех соучастников Пишегрю. Я за вас похлопочу». Эти ограничения, пусть и заслуженные, слегка омрачили радость молодых людей. Лоранс же, узнав, в чем дело, рассмеялась.

— Император французов не очень хорошо воспитан, и миловать ему пока что в новинку! — сказала она.

Обитатели замка вышли к воротам встречать гостей, а вдоль дороги выстроилась целая толпа селян; люди пришли поглазеть на молодых дворян, прославившихся благодаря своим приключениям на весь департамент. Г-жа д'Отсер долго обнимала сыновей, заливаясь слезами и не в силах вымолвить ни слова; в этом состоянии безмолвного счастья она пребывала до самого вечера. Когда близнецы де Симёз спрыгнули с лошадей, многие вскрикнули от изумления — их сходство было поразительным. Взгляд, голос, манеры… Намереваясь спешиться, они одинаково привстали в седле, одинаково перебросили ногу через лошадиный круп и одинаковым жестом отпустили поводья. Одежда на них тоже была одинаковая — ни дать ни взять Менехмы[56]! На них были облегающие ногу в подъеме суворовские сапоги, белые лосины[57], зеленые охотничьи куртки с металлическими пуговицами, черные галстуки и замшевые перчатки. Близнецам исполнился тридцать один год, и

[56] Примечания: 56

Менехмы — герои одноименной комедии Плавта, братья-близнецы, похожие друг на друга как две капли воды.

[57] Примечания: 57

В некоторых армиях: плотно облегающие штаны из лосиной или оленьей кожи как часть военной формы.

к ним вполне можно было применить модное нынче выражение «очаровательный кавалер». Роста они были среднего, но отлично сложены, с выразительными, влажными и блестящими, как у детей, глазами в обрамлении длинных ресниц, черными волосами, красивым высоким лбом и очень светлой, с оливковым оттенком кожей. Их речи, по-женски мягкие, изящно слетали с красивых ярких губ; манеры, более элегантные и лощеные, нежели у провинциального дворянства, свидетельствовали о том, что, помимо традиционного образования, они также прошли школу жизни с ее обязательным изучением человеческой природы и мира — науки куда более важной, ибо она приближает нас к совершенству. Благодаря Мишю нехватки в средствах братья никогда не испытывали и, находясь в эмиграции, могли путешествовать и были тепло приняты при иностранных монарших дворах. Добрейшему г-ну д'Отсеру и аббату они показались несколько высокомерными, но в сложившейся ситуации это свидетельствовало скорее о благородстве характера. Прекрасное воспитание братьев проявлялось даже в мелочах, и ловкость во всех видах физических упражнений наилучшим образом его дополняла. Единственное различие, которое

можно было заметить между близнецами, заключалось в их умонастроении: младший был столь же обаятелен в своем веселье, сколь старший — в своей меланхолии. Но этот контраст, исключительно на уровне духа, открывался наблюдателю лишь после длительного и близкого знакомства.

— Ах, моя девочка! Ради таких господ не жаль и умереть! — шепнул Мишю на ушко жене.

Марта, взиравшая на молодых де Симёзов не только с женским, но и с материнским восхищением, очаровательно кивнула и еще крепче сжала его руку.

Слугам позволено было поцеловать своих новых господ.

За семь месяцев заточения, на которое четверо молодых людей сами себя обрекли, им пришлось не единожды совершить пусть опасные, но необходимые вылазки под присмотром Мишю, маленького Франсуа и Готара. Во время этих прогулок ясными ночами Лоранс, в чьей душе настоящее переплелось с воспоминаниями об их общем прошлом, поняла, что не может предпочесть одного из братьев другому. В душе она любила их одинаково, чистой любовью. Девушке даже казалось временами, будто у нее два сердца. Со своей стороны, Поль-Мари и Мари-Поль не

осмеливались заговорить о своем неизбежном соперничестве. А может, все трое попросту положились на Случай? Душевное состояние Лоранс, вне всякого сомнения, сказалось на ее настроении: после секундного и все же очевидного замешательства она подала руки обоим братьям, приглашая их в гостиную, куда за ними последовали г-н и г-жа д'Отсер, не отпускавшие сыновей и засыпáвшие их вопросами. Раздались возгласы: «Да здравствуют Сен-Сини и Симёзы!» Лоранс, которая по-прежнему стояла между близнецами, обернулась и очаровательным жестом поблагодарила слуг. Когда настал удобный момент присмотреться друг к другу — а без него не обходится ни одно собрание, даже в семейном кругу, когда люди встречаются после долгой разлуки, — по первому же взгляду, брошенному Адрианом д'Отсером на Лоранс и перехваченному его матерью и аббатом Гуже, последние заподозрили, что юноша влюблен в графиню. Душа у Адриана, младшего из д'Отсеров, была нежная и ласковая, а сердце осталось юным, несмотря на тяжелые испытания, которые довелось пережить этому молодому человеку. Похожий в этом отношении на многих военных, чьи души, несмотря на непрестанные опасности, остаются непорочными, он

стеснялся своей прекрасной юношеской робости. Они с братом были совершенно разными. Робер, молодой человек с грубоватой внешностью, заядлый охотник и бесстрашный солдат, решительный и приземленный, не отличался живостью ума и деликатностью чувств. Один был как бы весь душа, другой — весь действие; и в то же время оба были в равной мере наделены благородством — в той степени, которой достаточно для жизни дворянина. Смуглый, невысокий, худощавый и жилистый, Адриан д'Отсер тем не менее производил впечатление сильной личности, в то время как его брат — высокий, белокожий и светловолосый — казался слабым. Адриан имел темперамент нервический и был силен душой; Робер был флегматик и черпал удовольствие в демонстрации силы исключительно телесной. В семьях часто случаются подобные странности, и разобраться в их причинах было бы любопытно, но здесь мы упоминаем об этом только для того, чтобы читатель понял, почему Адриан с братом не могли стать соперниками. Робер относился к Лоранс с нежностью родственника и уважением, какое дворянин питает к девушке своего круга. В делах сердечных старший из д'Отсеров принадлежал к тому типу мужчин, которые считают

женщину зависимым существом, чьи материнские права ограничиваются самим фактом деторождения; они желают видеть ее кладезем всевозможных достоинств, ценить которые не умеют и не желают. Для них доверить женщине заметную роль в обществе, политике и даже в семье — уже потрясение социальных устоев. Сегодня мы настолько далеки от этих устаревших, свойственных примитивным народам представлений, что почти все дамы, даже те, кто не желает пагубной свободы, предлагаемой новыми философскими школами, были бы шокированы одним упоминанием об этом; но Робер д'Отсер, к несчастью, рассуждал именно так. Он был человеком Средневековья, а его младший брат — человеком Современности, но различия между ними не только не мешали братской любви, но, наоборот, еще больше их сблизили. В первый же вечер все эти нюансы были подмечены кюре, мадемуазель Гуже и г-жой д'Отсер, которые, не отрываясь от своего бостона, уже представляли грядущие трудности.

После размышлений об одиночестве и тревог, связанных с грандиозным и неудавшимся замыслом, двадцатитрехлетняя Лоранс вновь почувствовала себя женщиной и жаждала любви;

ее изысканный ум предстал во всем блеске; она была прелестна. В проявлениях нежности она была столь же непосредственна, как пятнадцатилетнее дитя. Последние тринадцать лет только страдания напоминали графине о том, что она — женщина, и теперь она желала себя за это вознаградить; Лоранс стала столь же ласковой и кокетливой, сколь раньше была решительной и сильной. Чета д'Отсер и аббат с сестрой, которые задержались в гостиной дольше всех, были смущены этой переменой в поведении прелестной графини. На какие крайности может толкнуть страсть девицу с нравом пылким и благородным, как у Лоранс? Близнецы де Симёз были влюблены в одну и ту же женщину, и их чувство было слепо. Кого изберет Лоранс? И, предпочтя одного, не погубит ли она другого? Последняя в роду, Лоранс принесет мужу титул, завидные привилегии и славное имя; что, если, приняв в расчет все эти преимущества, маркиз де Симёз пожертвует собой и устроит так, чтобы она вышла замуж за его брата, который по давно установленному закону не получает ни наследства, ни титула? Но захочет ли младший брат лишить старшего столь огромного счастья — быть мужем Лоранс? Со стороны могло показаться, что эта любовная

драма не таит в себе угрозы. Пока жизнь братьев была полна опасностей, все могла решить случайная пуля. Но что будет теперь, когда Лоранс рядом? Мари-Поль и Поль-Мари как раз достигли возраста, когда страсть властвует над мужчиной безраздельно; как будут они делить между собой взгляды, улыбки, знаки внимания и речи кузины, не проснется ли в них ревность, последствия которой могут быть ужасны? Смогут ли они, две половинки одного целого, по-прежнему любить и понимать друг друга? На все эти предположения, высказанные собеседниками во время последней карточной партии, мадам д'Отсер отвечала, что Лоранс, вероятно, не выйдет замуж ни за старшего кузена, ни за младшего. То было одно из необъяснимых предчувствий, которые составляют тайну между матерями и Господом. Лоранс трепетала, оказавшись с кузенами тет-а-тет. На смену связанным с заговором треволнениям, опасностям, которым подвергались братья, несчастьям, преследовавшим их в эмиграции, пришла беда, о которой она прежде не могла и помыслить. Эта благородная девушка не могла отказать обоим де Симёзам — это было бы слишком жестоко — и была слишком честна, чтобы пойти к алтарю с одним из них, тая в груди непре-

одолимую страсть к другому. Не выходить ни за того, ни за другого, утомить кузенов собственной нерешительностью и наконец взять в мужья того, кто останется верен ей, несмотря на все ее капризы, — такое решение напрашивалось само собой. Засыпая, Лоранс сказала себе, что разумнее будет отдаться на волю Случая: в любви он часто становится для женщины добрым гением…

На следующее утро Мишю уехал в Париж и через пару дней вернулся с четверкой великолепных лошадей, купленной для его новых хозяев. Через шесть недель начинался сезон охоты, и молодая графиня благоразумно рассудила, что столь активное и приятное времяпрепровождение отвлечет всех от мучительных тет-а-тетов в шато. Однако случилось нечто, изумившее и восхитившее свидетелей этой необычной любви. Ни о чем заранее не сговариваясь, близнецы состязались друг с другом в расточаемых кузине заботах и нежности и черпали в этом столько сердечной радости, что к большему, казалось, и не стремились. Их отношения с Лоранс были скорее родственными, как это бывает между близкими людьми. Но что может быть естественнее? После столь долгой разлуки они испытывали потребность лучше узнать кузину и позволить ей узнать

их самих, оставляя за ней право выбора; в этом испытании братьев должна была поддержать взаимная привязанность, благодаря которой они существовали как единое целое. Дама сердца де Симёзов, как некогда и их собственная матушка, не видела между ними отличий; чтобы не ошибаться и различать братьев, Лоранс пришлось подарить им галстуки разных цветов: белый — старшему, черный — младшему. Если бы не это совершеннейшее сходство, не эта тождественность жизней, вводившая всех в заблуждение, происходящее вообще показалось бы немыслимым. Однако объяснение было — из разряда тех, в которые поверить невозможно, пока не увидишь его воочию; зато, когда это наконец происходит, разуму бывает еще труднее объяснить происходящее, нежели когда-то в него поверить. Стоило Лоранс заговорить, и ее голос одинаково отзывался в двух сердцах, любящих и верных. Стоило пошутить или же высказать благородное суждение — и удовольствие отражалось в глазах обоих братьев; их взгляды следовали за ней неотрывно, улавливали малейшие ее желания и улыбались ей всегда с новым выражением — жизнерадостным у одного, нежным и грустным — у другого. Во всем, что касалось хозяйки дома, сердечные

порывы братьев, пребывавшие в гармонии с действием, были прекрасны; аббат Гуже, к примеру, полагал, что лучше ничего и быть не может. Так, если нужно было что-то принести или оказать маленькую услугу из разряда тех, которые мужчины обожают оказывать любимой женщине, старший предоставлял это удовольствие младшему, и его взгляд, обращенный к кузине, в такие моменты был растроганным и горделивым. Для младшего было делом чести возвращать такого рода «долги». Словом, соперничество двух благородных характеров в чувстве, которое зачастую низводит человека до ожесточенной, звериной ревности, сбивало с толку стариков, со вниманием следивших за происходящим.

Эти мелочи нередко доводили графиню до слез. Одно, ни с чем не сравнимое впечатление, которое обладает огромной властью над иными исключительными натурами, может дать читателю представление о чувствах Лоранс; понять ее будет легче, вспомнив совершенное единение двух прекрасных голосов Зонтаг и Малибран[58] или полнейшее слияние звучания двух инструментов в руках гениальных музы-

[58] Примечания: 58

Генриетта Зонтаг (1806–1854) и Мария Малибран (1808–1836) — известные оперные певицы. (*Примеч. ред.*)

кантов, мелодичные звуки, проникающие в душу подобно вздохам единой сущности, охваченной страстью. Иногда, перехватив глубокий и грустный взгляд сидящего в кресле маркиза де Симёза, обращенный к брату, беседовавшему с Лоранс и смеявшемуся вместе с ней, кюре склонялся к мысли, что он способен на огромную жертву. И почти тут же глаза старшего брата озаряла вспышка непобедимого влечения… Каждый раз, когда один из близнецов оставался наедине с Лоранс, он мог не без основания полагать, что именно ему она отдает предпочтение. «В такие моменты мне кажется, что братьев не двое, а всего один», — сказала как-то графиня аббату Гуже, спросившему о ее чувствах. Тогда же кюре заключил, что Лоранс не лукавит. Она еще не осознала, что любима двумя мужчинами.

— Но девочка моя, — сказала ей однажды г-жа д'Отсер, чей сын безмолвно умирал от любви к Лоранс, — вам все-таки придется кого-то выбрать!

— Позвольте нам жить счастливо, — отвечала графиня. — Господь убережет нас от нас самих!

Адриан д'Отсер глубоко в сердце таил пожиравшую его ревность, понимая, насколько призрачны его надежды; и его страданий тоже никто не замечал. Он довольствовался счастьем

лицезреть это очаровательное создание, которое за те несколько месяцев, пока продолжалась эта борьба, проявило себя во всем блеске. К Лоранс вернулось кокетство, и она стала прибегать к тем чисто женским уловкам, которые так украшают представительницу прекрасного пола, уверенную в том, что она любима. Графиня начала следить за модой и время от времени наведывалась в столицу, чтобы купить новый наряд или какую-нибудь модную безделушку. Желая окружить кузенов всеми возможными удобствами, которых они так долго были лишены, она, невзирая на протесты опекуна, приложила максимум усилий, чтобы сделать шато самым уютным жилищем во всей Шампани.

Робер д'Отсер не замечал этих любовных перипетий. Не подозревал он и о чувствах своего младшего брата к Лоранс. Что же касается его собственного отношения к графине, то ему нравилось подтрунивать над ее кокетством, ибо он не делал различия между этим досадным недостатком и желанием нравиться. Такими же ошибочными были его представления обо всем, что касалось чувств, хорошего вкуса и изысканного воспитания! Стоило этому «человеку Средневековья» появиться на сцене, как

Лоранс, сама того не замечая, отводила ему роль простака; она забавляла своих кузенов, дискутируя с Робером и шаг за шагом заманивая его в дебри рассуждений, откуда было не выбраться глупости и невежеству. Остроумные розыгрыши и шутки, в которых главным правилом было доставить жертве удовольствие, удавались ей как нельзя лучше. И все же, несмотря на грубость нрава, Робер в эти прекрасные месяцы — ставшие счастливыми для братьев де Симёз и Лоранс — не обронил ни единого резкого слова, которое, возможно, помогло бы решить сердечную дилемму. Он был поражен искренностью обоих братьев. Вне всяких сомнений, Робер понимал, как это невыносимо трудно для женщины — удостоить своим расположением одного, в то время как другой будет лишен его и, конечно же, огорчится; и как каждый из близнецов радуется всему хорошему, что случается с его братом, хотя для другого это хорошее может стать поводом для душевных терзаний. Пиетет Робера великолепно характеризует эту ситуацию, которая, несомненно, решилась бы куда проще в эпоху, когда миром правила вера и понтифик мог вмешаться и своим вердиктом разрубить гордиев узел этого редчайшего феномена, граничащего с самыми

непостижимыми тайнами. Революция заставила эти юные сердца с новым пылом обратиться к католической вере, и религиозные убеждения лишь обострили кризис: величие характеров сказывалось на всех решениях и поступках. Стоит добавить, что никаких недостойных поступков со стороны двух братьев и Лоранс ни г-н и г-жа д'Отсер, ни кюре с сестрой не ожидали.

Драма эта, не выходя за пределы семейного круга, где каждый безмолвно наблюдал за ее развитием, разворачивалась так стремительно и в то же время так медленно, таила в себе столько неожиданных удовольствий, неприметных баталий, неоцененных преимуществ, обманутых надежд, мучительного ожидания, отложенных на потом объяснений и безмолвных признаний, что коронация Наполеона прошла для обитателей шато-де-Сен-Синь незамеченной. Отрадой и поводом отвлечься была для них охота: утомляя тело, она лишает душу возможности плутать по опасным просторам грез. Лоранс с кузенами совершенно забросили дела, ведь каждый день теперь был полон волнующих событий.

— Откровенно говоря, не представляю, кто из этих влюбленных любит сильнее, — сказала однажды вечером мадемуазель Гуже.

Адриан, который в это время находился в гостиной вместе с четверкой игроков в бостон, побледнел и бросил взгляд в их сторону. С некоторых пор он жил только ради удовольствия видеть Лоранс и слышать ее голос.

— Думаю, графиня, — отвечал кюре. — Она — женщина и отдается любви всей душой.

Вскоре в зал вернулись Лоранс, близнецы и Робер. Принесли свежие газеты. Убедившись в неэффективности заговоров, организуемых на территории противника, Англия вооружала Европу против французов. Поражение у мыса Трафальгар[59] расстроило один из самых виртуозных планов, рожденных человеческим гением: разгромив Британию, император рассчитывал отблагодарить Францию за избрание на престол. Военный лагерь в Булони только-только свернули, и Наполеон, численность войск которого, как обычно, уступала противнику, намеревался дать сражение на тех европейских землях, где он еще ни разу не был. Весь мир следил за развязкой этой кампании.

— О, на этот раз он падет! — сказал Робер, дочитав статью до конца.

---

[59] Примечания: 59

Имеется в виду Трафальгарская битва (1805), во время которой английский адмирал Нельсон разгромил французский флот.

— Против него брошены все силы Австрии и России, — подхватил Мари-Поль.

— И он никогда не воевал в Германии, — добавил Поль-Мари.

— О чем идет речь? — спросила Лоранс.

— Об императоре, — отвечали все трое.

Графиня бросила на своих почитателей пренебрежительный взгляд, который заставил их смутиться и обрадовал Адриана. Не избалованный вниманием обожатель жестом выразил восхищение; в его глазах читалась гордость — уж его-то мысли занимала только Лоранс.

— Ну, что я говорил? Любовь заставила ее забыть о ненависти, — шепотом произнес аббат Гуже.

То был единственный, первый и последний, упрек, заслуженный братьями; но в этот момент их чувства действительно уступали по своей силе чувствам кузины, которая два месяца спустя из беседы г-на д'Отсера с сыновьями узнала о поразительной победе Наполеона при Аустерлице. Верный своим замыслам, г-н Отсер, этот достойнейший дворянин, желал, чтобы его сыновья поступили в армию; служить они, разумеется, будут в своих офицерских чинах и еще смогут сделать блестящую карьеру. Однако в шато-де-

Сен-Синь в большей чести были роялистские убеждения: молодые дворяне и Лоранс лишь посмеялись над предусмотрительным стариком, который словно предвидел грядущие несчастья. Осторожность, быть может, не столько добродетель, сколько своеобразная рассудочность (если только можно объединить эти два понятия); но, бесспорно, наступит день, когда физиологи и философы призна́ют, что наши чувства являют собой своеобразную оболочку живого и всепроникающего действия, порожденного разумом.

Глава 13
Добрый совет

В конце февраля 1806 года, когда мир между Францией и Австрией был уже заключен, пожилой родственник, который ходатайствовал об исключении господ де Симёз из эмигрантских списков и которому впоследствии еще не раз предстояло на деле доказать свое доброе к ним отношение, бывший маркиз де Шаржбёф, чьи владения простирались от департамента Сена-и-Марна до Оба, приехал в Сен-Синь в коляске с кожаным откидным верхом и без переднего сиденья, которая в те времена уже считалась старомодной и насмешливо именовалась «полуберлиной»[60]. Когда эта жалкая колымага свернула на ведущую к шато мощеную дорогу, его обитатели, которые в это время как раз обедали, не смогли сдержать улыбок; но, узнав старика, чья лысая голова показалась в окошке, г-н д'Отсер назвал его по имени, и все встали, чтобы приличествующим образом поприветствовать главу

[60] Примечания: 60

Берлина — старинная четырехместная дорожная карета с откидным верхом.

рода де Шаржбёф.

— Нехорошо, что он нас опередил, — сказал маркиз де Симёз брату и д'Отсерам. — Нам самим следовало съездить и поблагодарить его.

Одетый на крестьянский манер слуга, сидевший на высоких козлах, прилаженных к кузову кареты спереди, сунул хлыст в чехол из грубой кожи и спешился, чтобы помочь маркизу выйти; но Адриан и младший из близнецов сделали это раньше: расстегнули медные застежки, скреплявшие полог фартука, и извлекли почтенного старца из экипажа, несмотря на его возражения. Сам маркиз считал свою желтую полуберлину удобнейшим и прекрасным во всех отношениях средством передвижения. Его слуга, которому взялся помочь Готар, уже расседлывал пару крепких лошадей с блестящими крупами, привычных, вне всякого сомнения, к полевым работам так же, как и к хождению в упряжке.

— И вы не испугались холода? Вы — герой, мсье, каких сейчас не встретишь, — сказала Лоранс, беря пожилого родственника под руку и провожая его в гостиную.

— Ну не вам же, молодым, навещать скучных стариков, — не без лукавства отвечал гость, и это был упрек юным родственникам.

«Зачем он приехал?» — недоумевал д'Отсер-старший.

Г-н де Шаржбёф, красивый старик шестидесяти семи лет, носил пудреную прическу под названием «крыло голубя» — с буклями и косицей, убранной в специальный «кошель для волос», — и светлые кюлоты. Его маленькие тонкие ножки были обтянуты узорчатыми чулками, зеленую суконную охотничью куртку украшали золоченые пуговицы и брандебуры. Белый жилет слепил глаза густым золотым шитьем. Вся эта пышность, до сих пор пользующаяся популярностью у многих стариков, была ему к лицу (которым он, кстати, походил на Фридриха Великого). Де Шаржбёф никогда не надевал треуголку, чтобы не стереть слой пудры, нанесенный в форме полумесяца на лысину. Гость опирался на тросточку с набалдашником в виде вороньего клюва, которую вместе со шляпой удерживал в правой руке с изяществом, достойным Людовика XIV. Сбросив шелковую душегрейку, этот почтенный старец устроился в кресле, поместив тросточку и треуголку между колен, — это была поза, секретом которой владели лишь самые искушенные царедворцы времен Людовика XV; она оставляла свободными руки, чтобы поигрывать табакер-

кой — безделушкой, ценной во все времена. И действительно — маркиз извлек из жилетного кармашка, прикрытого клапаном с вышитыми на нем золотыми арабесками, богатую табакерку. Взяв понюшку, он не менее очаровательным жестом пустил табакерку по кругу, ласково взирая на присутствующих и убеждаясь в том, что ему в этом доме рады. Догадался старик и о том, почему молодые эмигранты не спешили засвидетельствовать ему свое почтение. Всем своим видом он словно бы говорил: «Что ж, когда у молодежи на уме любовь, ей не до визитов!»

— В ближайшие несколько дней мы вас не отпустим! — сказала ему Лоранс.

— И хотел бы остаться, да не могу, — отвечал маркиз. — Если бы события не отдалили нас друг от друга — вам случалось преодолевать куда большие расстояния, нежели то, что разделяет наши дома, — вы, мое дорогое дитя, знали бы, что у меня есть дочки, невестки, внучки и внуки и все мое семейство переполошится, если я не вернусь сегодня же вечером. А это значит, что мне предстоит проехать еще восемнадцать лье.

— У вас неплохие лошади, — заметил маркиз де Симёз.

— Да, но я уже успел побывать в Труа: ездил

туда вчера по делу.

После неизбежных расспросов о семье, о супруге маркиза и обо всех тех мелочах, справляться о которых велит этикет, хотя в действительности они никого не волнуют, г-н д'Отсер утвердился во мнении, что г-н Шаржбёф приехал, чтобы призвать своих молодых родственников к осторожности. Со слов маркиза, времена изменились и никто не может предсказать, какая участь уготована императору.

— Он станет богом! — воскликнула Лоранс.

Благообразный старик заговорил о том, что нужно мириться и уступать. Услышав, что эти соображения высказываются куда более настойчиво и уверенно, нежели он когда-либо позволял себе, излагая свои доктрины, г-н д'Отсер чуть ли не с мольбой воззрился на сыновей.

— И вы согласны служить этому человеку? — спросил у маркиза де Шаржбёфа маркиз де Симёз.

— Согласен, если этого потребуют интересы моей семьи.

Наконец старик в весьма туманных выражениях намекнул на грядущие опасности; когда же Лоранс попросила его говорить яснее, маркиз предложил молодым людям забыть об охоте и

поменьше выезжать из дома.

— Вы по-прежнему считаете Гондревилль своим, — сказал он де Симёзам, — и тем самым разжигаете в некоторых ненависть. Вы удивлены? Что ж, значит, вам неизвестно, что у вас есть злопыхатели в Труа, где ваше мужество не забыто. В городе только и разговоров, что о том, как вы скрывались от имперской полиции, причем одни считают это подвигом, а другие думают, что вы чуть ли не враги императора! Некоторые сеиды[61] удивляются, что Наполеон проявил к вам снисхождение. Но главное не это. Вы оставили с носом людей, полагавших, что они хитрее вас, а эти выходцы из социальных низов никого не прощают! Рано или поздно слуги Правосудия, которое в этом департаменте вершится по прихоти вашего врага, сенатора Малена, расставившего своих прихвостней всюду, даже в министерских кабинетах, с радостью обнаружат, что вы замешаны в каком-нибудь очень неприглядном деле. К примеру, крестьянин затеет с вами ссору, застав на своем поле, а нрав у вас горячий, и дело кончится несчастьем. На вашем месте лучше сто раз подумать, чем совершить опрометчивый

[61] Примечания: 61

Сеид — *здесь*: фанатический приверженец какого-либо учения.

поступок. И у меня есть основания так говорить! Полиция до сих пор тщательно наблюдает за округой и в такой захудалой дыре, как Арси, держит специального комиссара, чтобы вы, не приведи господь, не замыслили чего-нибудь против сенатора Империи. Мален боится вас и не скрывает этого.

— Он делает все, чтобы нас очернить! — вскричал младший из де Симёзов.

— Он на вас клевещет, и я это понимаю. Но чему поверит толпа? Вот что важно! Мишю намеревался застрелить сенатора, и тот об этом не забыл. После вашего возвращения графиня взяла Мишю к себе, и многие — да что там, большинство! — решили, что Мален прав. Вы не представляете, насколько шатки позиции эмигрантов, если дело доходит до противостояния тем, кто ныне владеет их имуществом. Префект, разумный человек, вчера упомянул о вас в разговоре — всего пара фраз, но меня они встревожили. Словом, я бы предпочел, чтобы вы уехали…

Эта тирада вызвала глубочайшее изумление. Мари-Поль поспешил позвонить, вызывая слугу.

— Готар, — сказал он прибежавшему юноше, — приведи к нам Мишю.

Бывший управляющий Гондревилля не заста-

вил себя ждать.

— Мишю, друг мой, — начал маркиз де Симёз, — это правда, что ты собирался убить Малена?

— Да, господин маркиз. И когда он снова приедет сюда, я его подстерегу.

— А знаешь ли ты, что, по слухам, ты действовал по нашей указке? И наша кузина, отдав тебе ферму, тем самым навлекла на себя подозрение, что и она в этом замешана?

— Святые небеса! — вскричал Мишю. — Неужели я и правда проклят? Неужели я не смогу малой кровью избавить вас от Малена?

— Нет, славный мой Мишю, не сможешь, — сказал Поль-Мари. — Тебе придется оставить службу и уехать из департамента. Мы о тебе позаботимся, подыщем тебе место с хорошим жалованьем. Продай все, чем владеешь, продай землю, и мы отправим тебя в Триест к нашему другу. У него большие связи, и он найдет чем тебя занять до тех пор, пока обстоятельства не изменятся к лучшему для всех нас.

Слезы навернулись на глаза Мишю, который стоял будто пригвожденный к месту.

— Кто-нибудь еще видел, как ты целишься в Малена? — спросил маркиз де Шаржбёф.

— Нотариус Гревен. Они были заняты разгово-

ром. Это-то и помешало мне убить сенатора — к счастью! Госпожа графиня понимает, что я имею в виду, — сказал Мишю, глядя на свою хозяйку.

— А еще кто-нибудь, помимо Гревена, об этом знает? — спросил пожилой маркиз, которому совершенно не нравился этот допрос, хоть и проводимый в семейном кругу.

— Да, шпион, который приехал арестовать моих господ. Он тоже был в курсе, — отвечал Мишю.

Г-н де Шаржбёф встал — будто бы для того, чтобы полюбоваться садом.

— Полагаю, Сен-Синь приносит вам неплохой доход.

С этими словами он вышел. Братья де Симёз и Лоранс, которые догадались, к чему это было произнесено, последовали за стариком.

— Вы благородны и щедры, но по-прежнему слишком беспечны, — сказал им старый маркиз. — Если бы дело ограничилось досужими сплетнями, к тому же лживыми, — бог с ним. Но вы своими поступками даете людям слабым, таким как д'Отсеры с сыновьями, основания считать, что все это — правда! О юность, юность! Вам придется оставить Мишю здесь и уехать самим. Самим! Или же, если вы все-таки решите остаться, напишите сенатору: мол, только что из

моих уст вы узнали, как о вашем фермере Мишю отзываются в окру́ге, и отослали его с глаз долой!

— Нам писать Малену? — вскричали братья. — Убийце наших отца и матери, человеку, отнявшему у нас состояние?

— Все, что вы говорите, правда. Но теперь Мален — один из виднейших деятелей имперского двора, полновластный правитель департамента Об…

— Который в свое время проголосовал за умерщвление Людовика XVI в случае, если армия Конде ступит на французскую землю, или по меньшей мере за его пожизненное заключение! — сказала графиня де Сен-Синь.

— …и, возможно, выступал за то, чтобы казнить герцога Энгиенского! — добавил Поль-Мари.

— Что ж, если вы настаиваете на перечислении его заслуг, — вскричал маркиз, — стоит добавить: «тот, кто дергал Робеспьера за полу редингота, чтобы тот поскорее пал, когда выяснилось, что противников у него гораздо больше, чем сторонников»; «тот, кто отдал бы Бонапарта под расстрел, если бы переворот 18 брюмера не удался»; «тот, кто вернет в страну Бурбонов, если позиции Наполеона ослабнут»; «тот, кто всегда окажется рядом с сильнейшим, чтобы по его

распоряжению схватить шпагу или пистолет и прикончить соперника, которого стоит опасаться»! И все же… есть еще один довод.

— Как низко мы пали, — проговорила Лоранс.

— Дети, — сказал пожилой маркиз, беря всех троих за руки и уводя в сторонку, к слегка припорошенной снегом лужайке, — вы сердитесь, слушая умудренного опытом старика, но защищать вас — мой долг; и вот что я бы сделал на вашем месте: я бы позвал в посредники какого-нибудь старика, к примеру меня, и поручил бы ему стребовать с Малена миллион за ратификацию продажи Гондревилля. О, он наверняка согласится, и об этом никто не узнает. Принимая во внимание нынешнюю доходность вкладов, это даст вам сто тысяч ливров ренты. Вы уедете и на другом конце страны купите отличную усадьбу, в Сен-Сине оставите управляющего — г-на д'Отсера, а потом тяните жребий — да хоть на соломинках! — чтобы решить, кто из вас станет мужем этой прекрасной наследницы. Жаль только, что речи стариков в ушах молодых звучат так же, как и речи молодых — в ушах стариков: будто бы и слова, а смысла в них нет…

Маркиз зна́ком дал трем своим родственникам понять, что не желает слышать ответ, и вернулся

в гостиную, где во время их беседы появились аббат Гуже с сестрой. Предложение прибегнуть к жребию, чтобы решить, кому достанется рука их кузины, возмутило де Симёзов, и Лоранс внутренне содрогалась, думая о горечи рекомендованного пожилым маркизом «лекарства». Их обращение со стариком оставалось любезным, но без прежней сердечности. Г-н де Шаржбёф, ощущая эту холодность, то и дело сочувствующе посматривал на трех своих очаровательных родственников. И хотя разговор шел на общие темы, он еще раз упомянул о том, что нужно покоряться обстоятельствам, и похвалил настойчивое стремление г-на д'Отсера устроить сыновей на военную службу.

— Бонапарт раздает герцогские титулы. Он создает новые, имперские фьефы, он создает графов. Мален хочет стать графом де Гондревиллем, и эта идея может принести вам некоторую выгоду, — добавил старик, глядя на господ де Симёз.

— Или погибель, — проговорила Лоранс.

Как только подали лошадей, маркиз засобирался домой. Все вышли его проводить. Уже сидя в экипаже, он подозвал Лоранс, которая легко, как птичка, вспорхнула на подножку.

— Вы — женщина незаурядная и должны

меня понять, — шепнул старик ей на ухо. — Малену есть в чем себя упрекнуть, и в покое он вас не оставит — обязательно устроит вам какую-нибудь ловушку. По крайней мере, будьте осмотрительны в своих поступках, даже самых незначительных. И заключите с ним мировую — вот мой последний совет!

Стоя рядом с кузиной посреди лужайки, близнецы долго смотрели вслед старенькой коляске, которая, выехав через ворота, свернула и унеслась по дороге в Труа. Лоранс передала кузенам последние слова маркиза. Что ж, жизненный опыт часто имеет неосторожность являться перед молодежью в старомодной полуберлине, в узорчатых чулках и с глупым мешочком для косы на затылке… Ни одно из этих юных сердец не могло составить представление о том, какие перемены происходят во Франции; их души будоражило негодование, благородная кровь закипала в жилах.

— И это — глава рода де Шаржбёф! Дворянин, чей девиз: «Пусть явится тот, кто сильнее!», «Adsit fortior!» — прекрасный боевой клич!

— Он был боевым быком, а стал обычным[62], —

[62] Примечания: 62

Игра слов: родовое имя маркиза де Шаржбёфа (de Chargebeuf) досл. можно перевести как «атакующий бык».

с горечью усмехнулась Лоранс.

— Времена Людовика Святого давно миновали, — сказал младший де Симёз.

— «Умрем с песней на устах!» — воскликнула графиня. — Этот девиз пяти девиц, основавших наш род, будет и моим тоже!

— А наш девиз разве не «Умру, не отступив!»? Значит, никакой пощады врагам! — подхватил старший де Симёз. — Напрашивается вывод: наш родственник Бык, пережевывая жвачку, долго обдумывал свои слова, прежде чем приехать к нам. Гондревилль станет родовым именем какого-то Малена! Это не укладывается в голове!

— Наше поместье! — крикнул младший.

— Мансар спроектировал его для аристократов, и что же? Теперь там будут плодиться плебеи! — сказал старший.

— Если так, я бы предпочла, чтобы Гондревилль сгорел у меня на глазах! — воскликнула мадемуазель де Сен-Синь.

Деревенский житель, явившийся посмотреть на бычка, которого продавал г-н д'Отсер, выходя из хлева, услышал ее слова.

— Вернемся в дом, — с улыбкой предложила Лоранс. — Мы едва не допустили оплошность, от которой нас и предостерегал маркиз, — у покупа-

телей телят тоже есть уши.

— Мой бедный Мишю, — сказала она, входя в гостиную, — я совсем позабыла о твоих шалостях! В окру́ге мы не в чести, так что не будем себя компрометировать. Есть у тебя на совести еще какие-то грехи?

— Еще бы! Я грешен в том, что не застрелил убийцу своих старых господ, прежде чем поспешить на помощь нынешним!

— Мишю! — вскричал аббат Гуже.

— Но я не уеду из этих краев, — продолжал бывший управляющий, словно не заметив восклицания кюре, — пока не удостоверюсь в том, что вам здесь больше ничто не угрожает. Неподалеку я встречал парней, которые мне совершенно не понравились. А последний раз, когда мы охотились в лесу, меня догнал новый управляющий Гондревилля и спросил, уж не наши ли это владения. «Милейший, — ответил я, — трудно за пару месяцев отвыкнуть от того, к чему привыкал два столетия!»

— Тебя никто не тянул за язык, Мишю! — с довольной улыбкой заметил маркиз де Симёз.

— Он ответил, что уведомит сенатора о наших притязаниях.

— Граф де Гондревилль! — проговорил Робер

д’Отсер. — Маскарад да и только! Называют же Бонапарта «ваше величество»!

— И «ваше королевское высочество» — великого герцога Бергского, — сказал кюре.

— А кто это? — спросил г-н де Симёз.

— Мюрат, зять Наполеона, — отвечал пожилой г-н д’Отсер.

— Прекрасно! — сказала Лоранс. — А вдову маркиза де Богарнэ величают «ваше величество»?

— Да, мадемуазель, — сказал кюре.

— Стоит съездить в Париж, чтобы на это посмотреть! — вскричала Лоранс.

— Увы, мадемуазель! — сказал Мишю. — Я был там, устраивал сына в лицей и могу поклясться, что с так называемой имперской гвардией шутки плохи. Если и в армии такие же порядки, нынешний режим переживет нас с вами!

— Говорят, многие дворяне поступают к нему на службу, — сказал г-н д’Отсер.

— По современным правилам ваши дети, — продолжал кюре, — обязаны будут служить. Закон не признает различия в фамилиях и рангах.

— Этот человек со своими придворными причиняет нам больше горя, нежели Революция со своей гильотиной! — воскликнула Лоранс.

— Церковь молится за него, — заметил кюре.

Эти ремарки, последовавшие одна за другой, подтверждали благоразумные рассуждения старого маркиза де Шаржбёфа. И все-таки вера молодых людей была слишком крепка, а сердца — слишком благородны, чтобы согласиться на мировую. Они повторяли про себя слова, во все времена служившие утешением проигравшим: «Благополучие победителя когда-нибудь кончится! Императора поддерживает только армия! На смену управлению по принципу “де факто” снова придет верховенство права…» — и еще многое другое. Как бы то ни было, они все-таки угодили в ловушку, которую сумели бы обойти люди более осмотрительные и покорные, — такие, как г-н д’Отсер. Положив руку на сердце, каждый из нас вынужден будет признать, что несчастье не обрушивается на голову без предупреждения — очевидного или мистического, тайного. Сокровенный смысл этих предостережений, явных или скрытых, многим становится понятен, когда беда уже случилась.

— Что ж, в любом случае госпожа графиня знает, что я не могу покинуть эти края, не рассчитавшись со старыми долгами, — тихо проговорил Мишю, обращаясь к мадемуазель де Сен-Синь.

Она кивнула фермеру, после чего тот удалился.

Глава 14
Обстоятельства дела

Мишю не откладывая продал свой участок Бовизажу, арендатору фермы Беллаш, но деньги ему обещали отдать дней через двадцать, не раньше. И вот спустя месяц после приезда старого маркиза Лоранс, которая уже рассказала кузенам о том, что их состояние уцелело, предложила отправиться на Среднепостье[63]. Земля в лесу была укрыта толстым слоем снега, что помешало Мишю выкопать господские сокровища раньше; он даже обрадовался, что молодые де Симёзы смогут при этом присутствовать. Бывший управляющий торопился с отъездом, страшась самого себя.

— Мален неожиданно приехал в Гондревилль, и никто не знает зачем, — сказал он своей госпоже. — У меня руки чешутся поспособствовать тому, чтобы Гондревилль выставили на продажу по причине смерти прежнего владельца! Я виноват, нужно было сделать это раньше, как я

---

[63] Примечания: 63

Религиозное празднование, устраиваемое в середине пасхального поста. Во Франции традиционно сопровождалось карнавалами и народными гуляньями.

и собирался.

— Но ради чего ему приезжать из Парижа, да еще посреди зимы?

— В Арси только и разговоров, что об этом, — отвечал Мишю. — Семью Мален оставил в столице, а с собой взял только камердинера. Компанию ему составляют г-н Гревен, нотариус из Арси, мадам Марьон, супруга генерального сборщика налогов в Обе, и еще одна дама, невестка того самого Марьона, которого Мален использовал в качестве подставного лица при покупке усадьбы.

Лоранс рассудила, что Среднепостье — подходящий день для того, чтобы под благовидным предлогом отослать из дома слуг. Селяне, как обычно, ушли в город поглазеть на маскарад, и в полях не осталось ни души. И все же это решение графини оказалось для обитателей шато де Сен-Синь фатальным, как это нередко случается в уголовных делах: Рок произвел свои подсчеты с не меньшим тщанием, нежели мадемуазель де Сен-Синь. Г-н и г-жа д'Отсер места себе не находили бы от беспокойства, узнай они о том, что в их шато, на краю леса, хранится миллион сто тысяч франков золотом; поэтому младшие д'Отсеры сами предложили ничего родителям не

рассказывать. О планируемой тайной вылазке в лес знали лишь Готар, Мишю, четыре молодых дворянина и Лоранс. Поразмыслив хорошенько, «кладоискатели» решили увозить золото по частям — благо в большой мешок, который можно уложить на круп лошади, должно было поместиться порядка сорока восьми тысяч франков. Трех поездок должно было быть достаточно. Предосторожности ради всех обитателей шато, чье любопытство могло оказаться опасным, решено было отправить на народные гулянья в Труа, а Катрин, Марту и Дюрье, пользовавшихся доверием хозяйки, — напротив, оставить присматривать за домом. Остальные слуги обрадовались предоставленной им свободе и еще до рассвета отправились в город. Ранним утром Готар с Мишю почистили и оседлали лошадей, и кавалькада, состоявшая из господ и слуг, через сады поместья Сен-Синь выехала к лесу. Когда настало время садиться в седло (парковые ворота были настолько низкие, что лошадь через них приходилось вести в поводу), на дороге показался старик Бовизаж с фермы Беллаш.

— Надо же! Кто-то идет! — воскликнул Готар.

— Это всего лишь я, — откликнулся честный фермер, подходя ближе. — Доброго вам утра, гос-

пода! На охоту едете, несмотря на постановления префектуры? Что ж, меня это не касается, но на вашем месте я бы поостерегся! У вас есть друзья, но и неприятелей немало.

— Если, с позволения Господа, охота наша удастся, — усмехнулся старший из д'Отсеров, — у тебя будут прежние хозяева!

В ответ на эти слова, которым последующие события придали совершенно иной смысл, Лоранс бросила на Робера гневный взгляд. А дело было вот в чем: старший де Симёз тешил себя мыслью, что Мален согласится вернуть Гондревилль в обмен на денежную компенсацию. Малоопытные в житейских делах, молодые дворяне, выслушав советы маркиза де Шаржбёфа, решили поступить наоборот, и Робер, разделявший их уверенность, имел в виду именно эту перспективу.

— А пока, старина, никому ни слова! — сказал Бовизажу Мишю, который вышел последним и теперь запирал замóк.

Был конец марта, и погода стояла прекрасная. Земля подсохла, и воздух был прозрачный и чистый, причем было настолько тепло, что голые деревья вызывали недоумение, особенно на фоне зеленеющих вдали крестьянских полей.

— Мы едем за сокровищами; впрочем, истинное

сокровище нашего рода — это вы, кузина! — улыбнулся старший из де Симёзов, Поль-Мари.

Лошадь Лоранс шла впереди, между лошадьми кузенов. Д'Отсеры ехали следом, а замыкал кавалькаду Мишю. Готара услали вперед — дозорным.

— Раз уж наше состояние вернется в семью, по крайней мере частично, выходи́те за моего брата, — негромко проговорил младший, Мари-Поль. — Он боготворит вас, и вы будете достаточно богаты, как это пристало современным аристократам.

— Нет, оставьте все деньги ему, и я выйду за вас! У меня хватит средств и на себя, и на супруга, — отвечала Лоранс.

— Да будет так! — воскликнул маркиз де Симёз. — А я — я уеду на поиски женщины, которая будет достойна стать вашей сестрой!

— Вы любите меня меньше, чем я полагала, — проговорила Лоранс ревниво.

— О нет! Я люблю вас обоих сильнее, нежели вы — меня, — ответил ей маркиз.

— Значит, вы жертвуете собой? — спросила графиня, бросая в сторону старшего брата взгляд, в котором промелькнуло сиюминутное предпочтение.

Маркиз промолчал.

— Но как же быть со мной? Я буду думать только о вас, и для моего супруга это будет невыносимо, — продолжала Лоранс, жестом выражая досаду по поводу молчания собеседника.

— И как я буду жить без тебя? — глядя на брата, спросил младший из де Симёзов.

— Как бы то ни было, вы не можете выйти замуж за нас обоих, — сказал маркиз и тут же добавил тоном человека, уязвленного в самое сердце: — Пришло время решать!

И он пустил лошадь вперед, чтобы д'Отсеры ничего не услышали. Графиня с младшим кузеном сделали то же самое. Отъехав на порядочное расстояние от остальных спутников, Лоранс хотела заговорить, но заплакала, лишившись дара речи.

— Я уйду в монастырь, — произнесла она наконец.

— И тем самым прервете род Сен-Синей? — спросил младший де Симёз. — Вместо одного несчастного, который готов принять свой удел, вы сделаете несчастными двоих. Нет, тот из нас, кому будет отведена роль вашего брата, смирится! Узнав, что мы не так бедны, как полагали, мы все решили между собой. — Мари-Поль посмот-

рел на старшего брата. — Если вы предпочтете меня, все состояние отойдет к моему брату. Если несчастным суждено быть мне, он отдаст мне и состояние, и родовой титул, поскольку сам станет Сен-Синем. Таким образом, тот, кому не суждено обрести счастье, получит шанс устроить свою жизнь. И, если не сумеет совладать с тоской, отправится в армию, дабы не удручать счастливую чету.

— Мы — настоящие рыцари Средневековья и достойны наших предков! — вскричал старший. — Говорите же, Лоранс!

— Больше никаких проволочек, — сказал младший.

— И не думай, что в самоотречении нет услады, — добавил, обращаясь к графине, Поль-Мари.

— Милые избранники моего сердца, — отвечала Лоранс, — выбрать одного из вас не в моей власти. Я люблю вас обоих, словно вы одно существо, как вас любила ваша матушка. Господь нам поможет. Я не стану выбирать. Пусть это сделает Случай, но при одном условии.

— Каком же?

— Тот, кто станет мне братом, не покинет меня до тех пор, пока я ему этого не позволю. Я хочу сама решать, когда он сможет уехать.

— Хорошо, — сказали братья, не задумываясь.

— Первый из вас, с кем сегодня за ужином, после благодарственной молитвы, заговорит г-жа д'Отсер, и станет моим супругом. И, разумеется, никто не будет плутовать и устраивать так, чтобы она его о чем-нибудь спросила.

— Мы за честную игру, — сказал младший.

Молодые люди по очереди поцеловали Лоранс руку. Уверенность в том, что развязка близка и она может оказаться для него благоприятной, привела каждого из братьев в прекрасное расположение духа.

— При любом исходе, дорогая Лоранс, ты сделаешь своего супруга графом де Сен-Синем, — сказал старший.

— И мы сыграем в игру «Кому больше не быть де Симёзом», — подхватил младший.

— Думаю, если так пойдет и дальше, мадемуазель Лоранс в девицах не засидится, — сказал Мишю за спинами двух д'Отсеров. — Мои господа веселы как никогда! Если хозяйка решится, я отложу отъезд. Я хочу увидеть эту свадьбу!

Никто из д'Отсеров ему не ответил. Неожиданно между братьями и Мишю вспорхнула сорока, сидевшая на земле, и бывший управляющий, суеверный, как все простолюдины, будто наяву

услышал погребальный звон. День начался радостью для влюбленных, которые редко замечают сорок, особенно когда вместе прогуливаются по лесу. Мишю, вооружившись картой, нашел нужное место. Молодые люди взяли заступы, и скоро все деньги были найдены. Уголок леса, где был закопан клад, находился вдалеке от жилья и дорог, в месте достаточно пустынном, поэтому маленький караван, груженный золотом, не встретил никого на своем пути — как выяснилось позднее, к несчастью… Возвращаясь в лес из усадьбы Сен-Синь за последними двумястами тысячами франков, молодые люди, воодушевленные удачей, выбрали дорогу более прямую, нежели та, по которой они ездили прежде. Эта дорога проходила через пригорок, с которого был виден гондревилльский парк.

— Огни! — воскликнула Лоранс при виде вереницы голубоватых сполохов.

— Наверное, праздничная иллюминация, — ответил Мишю.

Графиня, знавшая в лесу каждую тропинку, пришпорила коня и вскоре выехала к павильону Сен-Синь, бывшему обиталищу Мишю. Дом пустовал, двери и окна были заколочены, но калитка почему-то была открыта. Лоранс обратила

внимание на следы лошадиных копыт на дороге. С лужайки в английском парке поднимался столб дыма, и графиня подумала, что там, должно быть, жгут сорную траву.

— А, стало быть, и вы, мадемуазель, с ними заодно! — вскричал Виолетт, галопом выехавший из парка на своей кляче и остановившийся перед Лоранс. — Это же всего лишь розыгрыш, дурацкий маскарад, верно? Они не убьют его…

— Кого?

— Ваши кузены не желают ему смерти.

— Чьей смерти?

— Сенатора!

— Ты спятил, Виолетт!

— А зачем же вы тогда тут? — спросил фермер.

При мысли о том, что ее кузенам грозит опасность, бесстрашная всадница пришпорила коня. Она появилась на поляне в тот момент, когда остальные складывали золото в мешки.

— Тревога! Не знаю, что именно произошло, но нам нужно поскорее возвращаться!

Пока молодые люди перевозили в шато-де-Сен-Синь золото, спрятанное старым маркизом, в шато Гондревилль происходило нечто странное.

В два часа пополудни сенатор со своим другом Гревеном играли в шахматы у камина в боль-

шой гостиной на первом этаже. Мадам Гревен и мадам Марьон сидели тут же, на канапе, и развлекались беседой. Слуги отправились поглазеть на причудливый маскарад, о котором было загодя объявлено по всей округе Арси. Семейство управляющего, поселившегося вместо Мишю в павильоне Сен-Синь, тоже отправилось на гулянье. В шато остались только хозяйский камердинер да Виолетт. Привратник и пара садовников с женами также были на месте, но их дом находился с краю, возле подсобных помещений, где начиналась дорога на Арси, и отсюда до шато было так далеко, что они и не услышали бы выстрела. Все эти люди столпились на пороге своего павильона и смотрели в сторону Арси, до которого было пол-лье, в надежде разглядеть праздничное шествие. Виолетт в просторной приемной дожидался, когда господин сенатор его примет; речь шла о продлении аренды. И вдруг откуда ни возьмись пятеро мужчин в масках и перчатках, ростом, манерами и внешним видом похожие на господ д'Отсер, де Симёз и Мишю, напали на камердинера и Виолетта, заткнули им рот свернутыми носовыми платками, привязали к стульям и оставили в буфетной. Несмотря на быстроту, с какой все это было проделано,

камердинер с фермером успели крикнуть. Их услышали в гостиной, и женщинам показалось, будто кто-то зовет на помощь.

— Вы слышите? — сказала г-жа Гревен. — На нас напали воры!

— Ба! Это ряженые веселятся, — сказал Гревен. — Думаю, они заглянут и к нам в шато!

Пока они разговаривали, пятеро незнакомцев успели запереть парадную дверь и спрятать в буфетной камердинера с Виолеттом.

Г-жа Гревен, женщина упрямая, решила во что бы то ни стало узнать, что там за шум. Она вышла в коридор и наткнулась на людей в масках, которые поступили с ней так же, как и с первыми двумя. Затем они ворвались в гостиную, и пара тех, что покрепче, схватили графа де Гондревилля, вставили ему кляп и уволокли в парк, пока оставшиеся трое затыкали рты и привязывали к креслам нотариуса и г-жу Марьон. В целом нападение заняло не больше получаса. Вскоре к трем незнакомцам присоединились два их товарища, и они вместе обыскали дом от погреба до чердака. Они открыли все шкафы, не взломав при этом ни единого замка, простучали стены, отыскивая тайники; до пяти вечера злоумышленники чувствовали себя в шато полноправными хозяевами.

К этому времени камердинер Малена зубами развязал путы, стягивавшие запястья Виолетта, и тот, освободившись от кляпа, принялся звать на помощь. Услышав эти вопли, незнакомцы вышли в сад, вскочили на коней, похожих на тех, что стояли в конюшнях шато-де-Сен-Синь, и ускакали. Правда, не настолько быстро, чтобы Виолетт не успел их рассмотреть. Развязав слугу, который оказал ту же услугу обеим женщинам и нотариусу, Виолетт на лошади припустил вслед за лиходеями. Каково же было его изумление, когда он увидел распахнутые ворота павильона и стоящую тут же, будто бы в карауле, мадемуазель де Сен-Синь.

Стоило молодой графине ускакать, как Виолетта догнал Гревен. Он был на лошади, и сопровождал его полицейский гондревилльской коммуны, которому привратник дал лошадь из господской конюшни. Жена привратника побежала за подмогой в жандармерию Арси.

Глава 15
Правосудие согласно Кодексу от 3 брюмера IV года

Виолетт незамедлительно рассказал Гревену о встрече с Лоранс и о поспешном отъезде этой смелой девушки, чей решительный характер был им известен.

— Она стояла на часах! — сказал Виолетт.

— Возможно ли, что похищение это организовали дворяне из шато-де-Сен-Синь? — вскричал Гревен.

— А кто же еще? — отвечал Виолетт. — Вы разве не узнали толстяка Мишю? Это он на меня набросился, я узнал его хватку! Да и лошади точно из Сен-Синьских конюшен!

Осмотрев следы подков на песке возле рон-пуэна и в парке, нотариус оставил сельского полицейского у ворот павильона охранять эти ценные улики, а Виолетта отправил за мировым судьей в Арси, дабы тот их засвидетельствовал. Покончив с этим, он поспешил возвратиться в гостиную шато де Гондревилль, куда только что прибыли офицер и унтер-офицер имперской

жандармерии в сопровождении четырех подручных. Этим офицером, разумеется, оказался тот самый человек по фамилии Жиге, который два года назад по милости Франсуа Мишю свалился с лошади и разбил себе голову; Корантен рассказал ему впоследствии, кто подстроил эту ловкую западню. Брат Жиге служил в армии и стал одним из выдающихся артиллерийских полковых командиров, а Жиге был на хорошем счету в жандармерии. Позже под его команду отдали эскадрон департамента Об. Помощник Жиге по фамилии Вельф в свое время провожал Корантена из деревни Сен-Синь к павильону, а от павильона — в Труа. По дороге парижанин немало рассказал своему спутнику о том, что сам он именовал «беспринципностью Лоранс и Мишю». Поэтому оба были настроены против обитателей шато-де-Сен-Синь, что и не замедлили показать на деле. Мален и Гревен (нотариус готовил материалы для своего друга) приложили руку к написанию Кодекса от 3 брюмера IV года — законодательного творения так называемого Национального конвента, которое ратифицировала Директория. Гревен, знавший его досконально, сумел организовать расследование этого дела с потрясающей скоростью, тем более что его предположения от-

носительно виновности Мишю и господ д'Отсер и де Симёз вскоре переросли в уверенность. В наши дни лишь старые чиновники помнят, как была устроена тогда система правосудия, которую Наполеон вскоре упразднил, обнародовав свои Кодексы и учредив ведомство, которое и поныне вершит суд во Франции.

Согласно Кодексу IV года председателю департаментской коллегии присяжных надлежало немедленно привлечь к ответственности лиц, совершивших правонарушение в Гондревилле. Заметим мимоходом, что решением Конвента слово «преступление» было изъято из юридической терминологии. На смену ему пришли «правонарушения», наказуемые штрафом, лишением свободы, бесчестием либо телесным наказанием. Предполагалось, что после восстановления мира в стране смертная казнь будет заменена двадцатью четырьмя годами каторги. То есть, по мнению Конвента, двадцать четыре года принудительных работ были равноценной заменой смертной казни. Что же тогда говорить об Уголовном кодексе, предусматривающем пожизненную каторгу? Новый Кодекс, разрабатываемый в то время Государственным советом Наполеона, упразднял судейское звание «пред-

седателя суда присяжных», обладавших на деле огромными полномочиями. В том, что касается преследования правонарушений и предания суду, старшина коллегии присяжных исполнял функции агента судебной полиции, королевского прокурора, следственного судьи и королевского суда. С тем отличием, что его производство по делу и обвинительный акт подлежали визированию специальным уполномоченным от исполнительной власти (представителем департамента) и восемью присяжными заседателями, которым он предоставлял материалы расследования и которые заслушивали показания свидетелей и обвиняемых и выносили первичный, или обвинительный, вердикт. Однако влияние, оказываемое председателем на коллегию присяжных, собравшихся в его кабинете, было так велико, что они попросту не могли поступить вопреки его предпочтениям. Эти восемь человек и составляли обвинительное жюри присяжных. Были и другие присяжные, входившие в жюри при криминальном суде, которому надлежало рассматривать дела обвиняемых. В отличие от обвинительного жюри, это жюри называлось судебным. Уголовный трибунал, который Наполеон недавно переименовал в Уголовный суд, состо-

ял из председателя, четырех судей, публичного обвинителя и чиновника, специально делегируемого для этих целей правительством. В то же самое время с 1799 по 1806 год существовали так называемые чрезвычайные суды, в некоторых департаментах рассматривающие без участия присяжных преступления против личности или нравственности и набиравшиеся из судей гражданских судов. Этот конфликт между чрезвычайным и уголовным правосудием порождал вопросы относительно юрисдикции, которые и рассматривались кассационным судом. Так что если бы в департаменте Об был чрезвычайный суд, то дело о покушении на сенатора Империи, вне всяких сомнений, передали бы туда; но в этих мирных краях необходимости в чрезвычайном правосудии не возникало. Поэтому Гревен отправил офицера Жиге к председателю коллегии присяжных в Труа. Тот сломя голову бросился исполнять приказ и вскоре привез этого едва ли не всемогущего блюстителя закона в Гондревилль в почтовой карете.

Должность председателя коллегии присяжных в Труа занимал человек, некогда служивший судебным чиновником, а впоследствии — оплачиваемым секретарем одного из комитетов

Национального конвента. Это был друг Малена, обязанный ему нынешним назначением. Этот судейский по фамилии Лешено был подлинным знатоком старого уголовного права и, так же как и Гревен, существенно поспособствовал Малену в его юридических изысканиях для Конвента. Мален порекомендовал его Камбасересу, и Лешено получил место генерального прокурора в Италии. Но, повредив своей карьере, он закрутил там интрижку с одной знатной дамой из Турина, и Наполеону пришлось снять его с должности: муж этой дамы пригрозил, что подаст иск в исправительный суд о признании ее ребенка незаконнорожденным. Лешено, который был обязан Малену всем, что имел, понял, насколько важное дело ему предстоит рассматривать, и привез с собой отряд — дюжину жандармов с командиром.

Перед отъездом Лешено, разумеется, поговорил с префектом, который по причине быстрого наступления темноты не смог воспользоваться телеграфом. В Париж по эстафете отправили послание министру полиции, главному судье и самому императору, уведомлявшее об этом неслыханном преступлении. В гостиной Гондревилля Лешено застал г-жу Марьон, г-жу Гревен,

Виолетта, сенаторского камердинера и мирового судью с судейским секретарем. Шато к этому времени обыскали, и мировой судья при содействии Гревена скрупулезно собирал первые материалы следствия. Первое, что его поразило, — это день и час, избранные для нападения; все свидетельствовало о злом умысле. Время было слишком позднее для того, чтобы немедленно заняться поиском улик и следов.

В это время года в половине шестого — а Виолетт поспешил вдогонку за злоумышленниками именно в этот час — на дворе уже темно, как ночью, а для преступников ночь часто означает безнаказанность. Не по этой ли причине они выбрали праздничный день, когда вся округа отправится поглазеть на карнавальное шествие в Арси и сенатор, предположительно, будет дома один? Таким образом лиходеям удалось бы избежать свидетелей…

— Нужно отдать должное прозорливости агентов полицейской префектуры, — сказал Лешено. — Они неоднократно предостерегали нас по поводу дворян, живущих в Сен-Сине, говорили, что рано или поздно они совершат какое-нибудь противоправное деяние!

Лешено не сомневался в том, что префект Оба,

человек деятельный, уже разослал по эстафете во все префектуры, расположенные по соседству с Труа, приказ искать группу из пяти человек в масках и сенатора, поэтому сам приступил к расследованию происшествия на месте. С поднаторевшими в юриспруденции помощниками — Гревеном и мировым судьей — дело пошло быстро. Судья по фамилии Пигу некогда работал старшим клерком в парижской конторе, где Мален с Гревеном постигали азы судебного крючкотворства; через три месяца после описываемых событий он получил пост председателя суда в Арси. Что касается Мишю, Лешено был осведомлен о том, что он когда-то угрожал г-ну Марьону и однажды чуть было не подстрелил сенатора в его же парке. Эти два факта, один из которых являлся следствием другого, можно было рассматривать как предпосылки сегодняшнего нападения; они с такой очевидностью указывали на бывшего управляющего (который наверняка и был предводителем банды), что Гревен, его жена, Виолетт и г-жа Мина Марьон заявили: среди пятерых злоумышленников в масках был человек, очень похожий на Мишю. Цвет волос и бакенбард, плотное телосложение… Его легко было узнать, даже несмотря на то что он был переодет. Да и

кто, кроме Мишю, мог открыть ворота павильона Сен-Синь ключом? Нынешний управляющий с женой по возвращении из Арси с уверенностью утверждали, что заперли и те, и другие ворота на ключ. Судья Пигу с судейским секретарем и сельским полицейским никаких следов взлома на воротах не обнаружили.

— Когда мы выставили Мишю за порог, у него, вероятно, остались дубликаты от замкóв шато, — сказал Гревен. — Наверняка он уже тогда решился на отчаянный шаг, иначе зачем бы ему было спешить с продажей земли? Мишю управился за двадцать дней и позавчера получил деньги в моем кабинете.

— Они свалят всю вину на него! — вскричал пораженный этим обстоятельством Лешено. — Вот уж поистине собачья преданность!

Кому как не господам де Симёз и д'Отсер знать все входы и выходы в шато Гондревилль? Нападавшие, все до единого, перемещались по дому с уверенностью, доказывавшей, что им известно не только, что именно они ищут, но и где это взять. Ни один из них не выказал признаков растерянности. Шкафы были открыты, но замки остались неповрежденными. Это означало, что у бандитов имелись ключи. И поразительно, но

факт — они ничего не забрали! Выходит, это не было ограблением. И разве Виолетт, опознавший лошадей из Сен-Синьских конюшен, не застал графиню де Сен-Синь на страже возле заколоченного павильона в парке? Эта совокупность фактов и свидетельских показаний даже самого непредубежденного дознавателя убедила бы в виновности господ де Симёз, д'Отсер и Мишю, что уж говорить о председателе коллегии присяжных? Но какую участь уготовили злоумышленники будущему графу де Гондревиллю? Хотели заставить его возвратить им усадьбу, на покупку которой у бывшего управляющего были деньги еще в 1799 году?

Но был в этом деле еще один аспект, который непременно заинтересовал бы любого опытного следователя. Он спросил бы себя: что так настойчиво искали бандиты в доме? Если речь шла о мести, они могли бы убить Малена. И, возможно, уже сейчас сенатор мертв и погребен. Однако похищение Малена указывало скорее на то, что его намерены удерживать в заточении. Для чего это нужно, особенно если учесть, что шато тщательно обыскали? Было бы безумием предположить, что похищение видного деятеля Империи будет долго оставаться незамеченным! Стремительная

огласка, которую неизбежно получит это дело, сводило на нет возможные выгоды.

На все эти возражения Пигу отвечал, что правосудие никогда не сможет постичь мотивы преступника. В любом уголовном деле есть аспекты, которые судья скрывает от обвиняемого, а обвиняемый — от судьи; тайники человеческой совести глубоки и черны, и осветить их способно только покаяние.

Гревен с Лешено согласно закивали, однако их мысли настойчиво возвращались к этому мраку, который им так хотелось развеять.

— А ведь император их помиловал, — сказал Пигу, обращаясь к Гревену и г-же Марьон. — Приказал исключить их из эмиграционных списков, несмотря на тот факт, что они участвовали в недавнем заговоре против него же!

Лешено немедленно отправил жандармов в лес и в долину Сен-Синь, дав в сопровождение офицеру Жиге мирового судью, который согласно нормам Кодекса должен был помогать в данном деле ему самому как чиновник вспомогательной судебной полиции. Он поручил г-ну Пигу собрать на территории коммуны Сен-Синь свидетельства по делу и при необходимости всех допросить. Чтобы ускорить дело, он наспех продиктовал и

подписал ордер на арест Мишю по обвинениям, казавшимся очевидными.

Когда жандармы и мировой судья уехали, Лешено вернулся к ответственному занятию — стал писать постановления об аресте господ де Симёз и д'Отсер. Согласно Кодексу эти документы должны были содержать все обвинения, предъявляемые правонарушителям. Жиге и мировой судья так спешили в Сен-Синь, что на дороге, ведущей к шато, встретили графских слуг, возвращавшихся из Труа. Всех под арестом препроводили в дом к мэру и допросили, и каждый слуга, не подозревая о том, насколько важен его ответ, наивно сообщил, что еще накануне получил от госпожи графини позволение провести целый день в Труа. На вопрос мирового судьи все ответили, что мадемуазель сама предложила им посетить празднество, о чем они сначала и не помышляли. Результаты допроса судья Пигу счел настолько важными, что тут же отправил офицера в Гондревилль с просьбой к г-ну Лешено немедленно арестовать дворян из Сен-Синя. В таких обстоятельствах лучше было действовать синхронно: сам Пигу направлялся на ферму к Мишю, чтобы задержать предполагаемого злодея на месте. Эти новые сведения оказались решающими; Лешено безотлагательно

выехал в шато-де-Сен-Синь, поручив Гревену распорядиться насчет охраны следов, оставленных лошадьми в парке. Старшина присяжных знал, с каким воодушевлением жители Труа воспримут процесс по делу бывших аристократов, врагов народа, а ныне — и врагов императора. В подобных обстоятельствах суд легко принимает предположения за бесспорные доказательства. И все же, уже сидя в экипаже сенатора и направляясь из Гондревилля в Сен-Синь, г-н Лешено, который, если бы не интрига с замужней дамой, навлекшая на него немилость (с некоторых пор император стал блюстителем нравов), достиг бы в судействе больших высот, размышлял о том, не слишком ли безумной выглядит эта затея, чтобы приписывать ее молодым дворянам и Мишю, тем более что она совершенно не вяжется с характером мадемуазель де Сен-Синь. Для себя он решил, что у похищения сенатора должны быть иные мотивы, нежели желание вернуть Гондревилль. У всех, даже у судейских, есть такое понятие, как профессиональная совесть. Она-то и порождала сомнения Лешено, ибо совестью этой человек руководствуется в деле, к которому чувствует призвание: ученые — в своих исследованиях, художники — при написании картин, судьи — в

момент осуществления правосудия. Быть может, поэтому судьи бывают более снисходительны к обвиняемым, нежели присяжные. Судья полагается лишь на законы разума, в то время как присяжный заседатель позволяет увлечь себя потоку эмоций. Старшина коллегии присяжных задавал себе множество вопросов, предлагая себе же найти на них удовлетворительный ответ при аресте правонарушителей. Новость о похищении Малена взволновала городок Труа, но в Арси об этом стало известно только в восемь часов; когда явились за жандармом и мировым судьей, все они мирно ужинали. В Сен-Сине никто ничего не знал. Долину и шато снова оцепили жандармы, но на этот раз по распоряжению юстиции, а не полиции; и если с одной иногда удавалось достичь компромисса, то с другой это зачастую было невозможно.

Глава 16
Аресты

Лоранс достаточно было сказать Марте, Катрин и чете Дюрье, чтобы не выходили за порог и не смотрели в окно, и они повиновались без рассуждений. Во время каждой поездки всадники останавливали лошадей на дороге под орешником, которая брала начало от насыпи, и уже оттуда Робер с Мишю, как самые крепкие, тайком переносили мешки в подвал под лестницей в башне, именуемой Девичьей. К половине шестого вечера четыре дворянина и Мишю вернулись в шато и тотчас же отправились закапывать золото. Лоранс и д'Отсеры сочли необходимым заложить этот подвал каменной кладкой, и Мишю принялся за работу, взяв в помощники Готара. Тот вскоре убежал на ферму за мешками гипса, оставшимися после строительных работ, и Марта отправилась домой, чтобы выдать их ему. Построенная Мишю ферма располагалась на холме — том самом, с которого некогда он заметил жандармов. От шато-де-Сен-Синь к ней можно было проехать по дороге, обсаженной

ореховыми деревьями. Мишю сильно проголодался и поэтому работал очень споро, так что к половине восьмого стена была готова. Он торопливым шагом направился на ферму, чтобы Готару не пришлось тащить последний мешок с гипсом, который, как думал Мишю сначала, мог ему понадобиться. К этому времени ферма была уже под надзором: Сен-Синьский полицейский, мировой судья со своим секретарем и тройка жандармов, заслышав шаги Мишю, спрятались и позволили ему войти.

В отдалении Мишю увидел Готара с мешком на плече и крикнул ему:

— Я управился, мой мальчик. Отнеси мешок на место, и идем ужинать!

Мишю, чей лоб блестел от пота, а одежда была перепачкана гипсом, известняковой крошкой и щебнем, налипшими во время перетаскивания мешков по насыпи, вошел в кухню, где теща и Марта, поджидая его, наливали суп.

Стоило Мишю открыть кран с водой, чтобы помыть руки, как вошли мировой судья с помощником и сельский полицейский.

— Что вам от нас нужно, г-н Пигу? — спросил Мишю.

— Именем императора и закона вы арестова-

ны, — сказал мировой судья.

Следом жандармы привели Готара. Увидев людей в форме, Марта с матерью испуганно переглянулись.

— Вот новость! За что же? — спросил Мишю, садясь за стол. — Подавай ужин, жена, я умираю от голода!

— Вы не хуже нашего знаете, за что, — отвечал судья Пигу, показывая фермеру ордер.

Судейский секретарь по его знаку приступил к составлению протокола.

— Ты-то что стоишь, Готар? Будешь ужинать или нет? — проговорил Мишю. — Пускай пишут, если им так хочется.

— Так вы не отрицаете, что ваша одежда испачкана? — спросил мировой судья. — И свои слова, сказанные только что, во дворе этой фермы, Готару вы тоже согласны подтвердить?

Удивляясь хладнокровию мужа, Марта подала ему тарелку, и он стал есть с жадностью голодного человека. Вопрос судьи Мишю оставил без ответа — у него был занят рот, да и никаких грехов за собой он не знал. Готар же так испугался, что у него пропал аппетит.

— Признайтесь, — зашептал сельский полицейский на ухо Мишю, — что вы сделали с

сенатором? Послушать этих судейских, так для вас это может кончиться смертной казнью!

— Господи боже! — вскричала Марта, услышав последние слова полицейского, и упала замертво.

— Значит, Виолетт все-таки подстроил нам какую-то пакость! — воскликнул Мишю, вспоминая слова Лоранс.

— А! Выходит, вам известно, что Виолетт вас видел, — сказал мировой судья.

Мишю закусил губу и решил ничего больше не говорить. Готар тоже отмалчивался. Убедившись в том, что вызвать на откровенность их не удастся, мировой судья, который к тому же был наслышан о «порочности» Мишю, приказал связать им с Готаром руки и отвести в шато-де-Сен-Синь и сам отправился следом за ними, чтобы поговорить с председателем коллегии присяжных.

У молодых дворян и Лоранс разыгрался аппетит; к тому же они возлагали на этот ужин слишком большие надежды и поэтому решили не тратить времени на переодевание. Как были — она в амазонке, а молодые люди в белых лосинах, ботфортах и зеленых полотняных куртках, — они вошли в гостиную, где их с беспокойством поджи-

дали г-н и г-жа д'Отсер. Пожилой опекун видел, как молодежь уезжала в лес, а потом несколько раз возвращалась к шато. От него причину этих передвижений предпочли скрыть, но не могла же Лоранс запретить ему выходить или смотреть в окно или услать его из дома, как остальных слуг! И вот, когда его сын вместо того, чтобы ответить на вопрос, попросту убежал, г-н д'Отсер вернулся в дом и сказал жене: «Боюсь, Лоранс снова навлечет на нас неприятности!»

— На кого вы охотились сегодня? — спросила г-жа д'Отсер у графини.

— Ах, однажды вы узнаете о темном деле, в котором участвовали ваши дети! — смеясь, отвечала Лоранс.

Сказанные в шутку, эти слова заставили пожилую даму вздрогнуть. Катрин пришла сообщить, что кушать подано. Лоранс протянула руку г-ну д'Отсеру и лукаво улыбнулась кузенам, довольная своим маневром, заставившим одного из них подать руку даме, которой сегодня по уговору отведена была роль оракула.

Маркиз де Симёз проводил г-жу д'Отсер к столу. Ожидание было настолько напряженным, что, когда слова благодарственной молитвы были произнесены, сердца у Лоранс и ее кузенов заби-

лись чаще. Г-жа д'Отсер, которая раскладывала кушанья по тарелкам, была поражена тревогой обоих Симёзов и тем, как переменилось личико Лоранс.

— Случилось что-то важное? — воскликнула она, оглядывая всех по очереди.

— К кому обращен ваш вопрос? — уточнила Лоранс.

— Ко всем вам! — отвечала дама.

— Что до меня, матушка, я голоден как волк! — сказал Робер.

Г-жа д'Отсер так разволновалась, что протянула маркизу тарелку, которая предназначалась младшему де Симёзу.

— Я, как и ваша мать, постоянно ошибаюсь, хоть вы и носите разные галстуки! Я хотела подать тарелку вашему брату, — сказала она старшему.

— Что ж, вы услужили ему больше, чем можете предположить, — сказал младший, бледнея. — Теперь он — граф де Сен-Синь!

Бедный юноша, обычно такой жизнерадостный, погрустнел, но все же нашел в себе силы посмотреть на Лоранс и улыбнулся ей, подавляя мучительные сожаления. В одно мгновение она потеряла возлюбленного и обрела брата.

— Неужели графиня сделала свой выбор? —

вскричала г-жа д'Отсер.

— Нет, — отвечала Лоранс. — Мы положились на судьбу, и вы стали ее орудием.

И она рассказала об утреннем уговоре. Старший де Симёз, чей брат бледнел на глазах, не единожды сдерживал восклицание: «Стань ее мужем, а я пойду умирать!»

Когда слуги подавали десерт, обитатели шато услышали, что кто-то стучит в окно столовой со стороны сада. Робер д'Отсер побежал открывать. Он впустил в дом кюре, который порвал брюки, перелезая через кованую ограду парка.

— Уезжайте немедленно! Вас хотят арестовать!

— Почему?

— Пока не знаю. Но судейские уже выехали.

Эти слова были встречены дружным смехом.

— Мы ни в чем не виноваты! — заявили молодые дворяне.

— Виноваты или нет, садитесь на лошадей и скачите к границе, — продолжал кюре. — Там и докажете свою невиновность. Можно обжаловать вынесенный заочно обвинительный приговор, но не тот противоречивый, который вынесут вам люди, руководствуясь страстями и предрассудками. Вспомните слова президента парижского парламента г-на д'Арле: «Если меня обвинят в

похищении башен собора Нотр-Дам, первое, что я сделаю, — убегу!»

— Но разве убежать не значит признать себя виновным? — сказал маркиз де Симёз.

— Не нужно убегать! — сказала Лоранс.

— Снова ваши благородные глупости! — в отчаянии вскричал кюре. — Был бы я всемогущ, как Господь, я бы вас похитил. И если меня найдут здесь в таком виде, этот неожиданный визит обернется и против меня, и против вас, поэтому я возвращаюсь тем же путем, что и пришел. Задумайтесь! У вас еще есть время. Вы окружены со всех сторон, и только возле ограды, между садом и моим пресбитерием, пока что нет никого из служителей фемиды.

Послышались шаги большого количества людей; звон жандармских сабель раздался в столовой через минуту после ухода кюре, который в своих рекомендациях преуспел не больше, нежели маркиз де Шаржбёф до него.

— Наша жизнь как будто одна на двоих, — противоестественна, — грустно проговорил младший из де Симёзов, обращаясь к Лоранс, — и любовь наша тоже противоестественна. Но именно поэтому она завоевала ваше сердце. Наверное, из-за попрания законов природы и были

несчастливы все близнецы, о которых говорит нам история. Взять хотя бы нас с братом: смотрите, с каким упорством преследует нас судьба! Вы приняли решение, но исполнение его, увы, снова откладывается!

Лоранс была ошеломлена настолько, что слова председателя коллегии присяжных, наделенные ужасным для нее смыслом, расслышала с трудом.

— Именем императора и закона я беру под арест господ Поля-Мари и Мари-Поля де Симёзов и Адриана и Робера д'Отсеров. Полагаю, они не станут отрицать, — продолжал председатель, обращаясь к своим спутникам и указывая на забрызганную грязью одежду молодых дворян, — что провели сегодня какое-то время в седле?

— В чем вы их обвиняете? — надменно поинтересовалась мадемуазель де Сен-Синь.

— Вы не берете под арест мадемуазель? — спросил Жиге.

— Я оставляю ее на свободе, но под поручительство, пока не будут детальнее изучены предъявленные ей обвинения.

Гулар предложил в поручители себя, обратившись к графине с просьбой дать ему слово чести, что она никуда не уедет. Лоранс метнула в сторо-

ну бывшего каменотеса де Симёзов исполненный высокомерия взгляд, нажив себе тем самым в лице мэра смертельного врага. По ее щеке скатилась слеза — из тех слез ярости, которые знаменуют собой поистине адские душевные терзания. Четыре дворянина в смятении переглянулись и не двинулись с места.

Г-н и г-жа д'Отсер пребывали в крайнем замешательстве, опасаясь, что молодые люди и Лоранс скрыли от них что-то важное. Старики замерли в креслах в ожидании, что их дорогих сыновей вот-вот у них отнимут — и это после стольких страхов, после счастливого воссоединения семьи! Несчастные родители, они смотрели — и не видели, слушали — и не понимали ни слова.

— Надо ли мне просить, чтобы вы стали моим поручителем, г-н д'Отсер? — воскликнула Лоранс.

Этот звонкий, душераздирающий возглас, похожий на звук трубы, призывающей к Страшному суду, словно разбудил ее бывшего опекуна.

Старик смахнул навернувшиеся на глаза слезы, все понял и слабым голосом проговорил, обращаясь к молодой родственнице:

— Простите меня, графиня. Вы же знаете, я принадлежу вам душой и телом.

Лешено, которого с самого начала поразило царящее за столом спокойствие, снова усомнился в виновности дворян, когда увидел изумление четы д'Отсер и задумчивость Лоранс, пытавшейся разгадать, в какую ловушку их пытаются заманить.

— Господа, — вежливо начал он, — вы слишком хорошо воспитаны, чтобы оказывать бесполезное сопротивление. Пройдемте со мной на конюшню. Ваше присутствие необходимо, чтобы расковать ваших лошадей. Подковы станут важной уликой на суде и, возможно, докажут вашу невиновность или же вину. Прошу вас, мадемуазель, идемте с нами!

Лешено привез с собой Сен-Синьского кузнеца с помощником, на которых были возложены обязанности экспертов. Пока они занимались лошадьми, мировой судья привел Готара и Мишю. Времени на то, чтобы снять подковы со всех лошадей и описать каждую из них, чтобы впоследствии сравнить их со следами, оставленными на снегу злоумышленниками, ушло немало. Лешено, которого уведомили о прибытии г-на Пигу, оставил арестованных под охраной жандармов и направился в столовую, чтобы продиктовать протокол. Мировой судья обратил его внимание

на состояние одежды Мишю и рассказал о том, как прошел арест.

— Они, наверное, убили сенатора и замуровали труп в стену, — заключил судья Пигу.

— Теперь и я этого опасаюсь, — отвечал старшина присяжных.

— Куда ты носил гипс? — спросил он у Готара.

Юноша заплакал.

— Он боится судейских, — сказал Мишю. Его глаза метали молнии; он был похож на льва, угодившего в западню.

К этому времени в шато вернулись слуги, которых допросили в доме мэра. Они столпились в прихожей, где плакали Катрин и супруги Дюрье, и рассказали последним, насколько важными оказались их показания. На все расспросы старшины присяжных и мирового судьи Готар отвечал рыданиями, а потом с ним случился припадок с судорогами, напугавший дознавателей, и они оставили его в покое. Дождавшись момента, когда на него никто не смотрел, юный хитрец улыбнулся Мишю, и тот взглядом выразил ему одобрение. Лешено оставил судью на некоторое время одного: нужно было поторопить экспертов.

— Мсье, не могли бы вы объяснить нам при-

чину ареста? — спросила наконец г-жа д'Отсер, обращаясь к г-ну Пигу.

— Этих господ обвиняют в том, что они похитили сенатора, угрожая ему оружием, и насильственным образом удерживают его в заточении. Предположение о его убийстве мы пока не рассматриваем, хотя вероятность этого велика.

— И какое же наказание предусмотрено за подобное преступление? — спросил г-н д'Отсер-отец.

— Поскольку прежние законы, поправки к которым не предусмотрены новым Кодексом, считаются действующими — смертная казнь, — ответил мировой судья.

— Смертная казнь! — вскричала г-жа д'Отсер и лишилась чувств.

В этот миг в комнату вошли кюре с сестрой, которая тут же позвала Катрин и мадам Дюрье.

— Но мы даже не видели его, этого вашего треклятого сенатора! — вскричал Мишю.

— Г-жа Марьон, г-жа Гревен, камердинер Малена и Виолетт не могут сказать то же самое о вас! — парировал Пигу с едкой усмешкой судьи, убежденного в своей правоте.

— Ничего не понимаю, — проговорил Мишю, которого этот ответ обескуражил.

Он начал подозревать, что и он сам, и молодые господа стали жертвой чьего-то злого умысла.

Из конюшни вернулись судейские с жандармами и Лоранс. Девушка подбежала к г-же д'Отсер, и та, едва очнувшись, сказала ей:

— Им грозит смертная казнь!

— Смертная казнь? — повторила Лоранс, глядя на четырех дворян.

Эти слова посеяли среди присутствующих смятение, которым и воспользовался Жиге, проинструктированный Корантеном.

— Все еще может кончиться миром, — сказал он, уводя маркиза де Симёза в угол столовой. — Возможно, это был всего лишь розыгрыш? Черт возьми, вы же бывший военный! Мы оба солдаты и сможем договориться. Что вы сделали с сенатором? Если убили, этим все сказано. Если же где-то спрятали — то отпусти́те, вы же видите, что ваша затея провалилась! Уверен, старшина присяжных с согласия сенатора замнет это дело.

— Мы не понимаем, о чем вы нас спрашиваете, — сказал маркиз де Симёз.

— Что ж, если вы намерены продолжать в том же духе, берегитесь! — воскликнул офицер.

— Милая кузина, — сказал маркиз де Симёз, — мы отправляемся в тюрьму, но волноваться не

нужно: через несколько часов мы вернемся. Это какое-то недоразумение, которое скоро прояснится.

— Чего я вам и желаю, господа! — С этими словами судья знаком приказал Жиге увести дворян, Готара и Мишю. — Не нужно отвозить их в Труа, — сказал он офицеру, — оставьте их под стражей в полицейском участке в Арси. Завтра утром они должны присутствовать при сличении подков, снятых с их лошадей, со следами, которые мы обнаружили в парке.

Прежде чем уехать, Лешено и Пигу допросили Катрин, чету д'Отсер и Лоранс. Муж и жена Дюрье, Катрин и Марта заявили, что видели своих господ только за завтраком. Г-н д'Отсер — что видел их в три пополудни.

Когда часы пробили полночь, Лоранс осознала, что осталась одна с четырьмя стариками — г-ном и г-жой д'Отсер и аббатом Гуже с сестрой, без своих молодых спутников, которые на протяжении последних полутора лет были душой этого дома, а для нее — предметом любви и радости. Она долго хранила молчание, которое никто не смел нарушить. Никогда еще скорбь не была столь глубокой. Наконец послышался вздох, и присутствующие осмелились поднять глаза.

Марта, которая, всеми забытая, сидела в уголке, встала со словами:

— Смерть… Госпожа, их убьют, хоть они и не виноваты!

— Что вы натворили? — спросил кюре.

Лоранс вышла, так ничего и не ответив. Ей необходимо было побыть в одиночестве, дабы собраться с силами перед лицом этой непредвиденной катастрофы.

Глава 17
Сомнения адвокатов

С тех пор прошло тридцать четыре года, во время которых произошли три большие революции, и, должно быть, только старики помнят сегодня, какой невообразимый переполох поднялся, когда Европа узнала о похищении сенатора Французской империи. Пожалуй, лишь дело Трюмо, бакалейщика с улицы Сен-Мишель, и вдовы Морен — в период Империи, дела Фюальдеса и Кастена — при Реставрации и, наконец, дела мадам Лафарж и Фиески при нынешних властях могут сравниться по степени любопытства и интереса, вызванного в обществе, с процессом по делу молодых дворян, обвиненных в похищении Малена. Столь циничное покушение на члена сената разгневало императора, которого уведомили об обстоятельствах дела и о том, что поиски пока что не дали результата, а затем, почти сразу же, о том, что преступники задержаны. Нодемский лес прочесали вдоль и поперек, задействовали полицию в Обе и смежных департаментах, однако никаких сведений о том, что кто-то видел графа

Гондревилля или же знает, где его удерживают, так и не поступило. Наполеон вызвал к себе верховного судью, и тот, проконсультировавшись предварительно с министром полиции, объяснил монарху суть конфликта между Маленом и де Симёзами. Мысли императора в то время были заняты весьма важными вопросами, поэтому разгадку он увидел в событиях прошлого.

— Эти молодые дворяне — безумцы, — сказал Наполеон. — Такой опытный юрист, как Мален, сумеет доказать незаконность документа, подписанного под угрозой физической расправы! Держите их под надзором и выясните, как они собираются освободить графа де Гондревилля.

Император также распорядился уделить этому делу особое внимание, поскольку увидел в нем покушение на институты власти и фатальный пример неприятия революционных перемен, а еще — нарушение законов о национализации имущества и препятствие к слиянию партий, которое он считал важной задачей своей внешней политики. Помимо прочего, он чувствовал себя обманутым людьми, которые некогда пообещали ему вести себя мирно.

— Предсказание Фуше сбылось! — воскликнул Наполеон, вспомнив фразу, два года назад сорвав-

шуюся с губ человека, который ныне занимал пост министра полиции (хотя высказывание это было сделано под воздействием рассказа Корантена о характере и поступках Лоранс).

Пребывая под властью конституционного правительства, когда такое понятие, как государственная власть — слепая и немая, неблагодарная и холодная, — абсолютно никого не волнует, невозможно представить, какое усердие порождает одно слово, сказанное императором, в чиновниках, ответственных за функционирование политической и административной машины. Можно подумать, что его могучая воля воздействовала не только на процессы, но и на людей. Единожды высказавшись об этом деле, Наполеон забыл о нем — ему нужно было думать об антифранцузской коалиции 1806 года, о новых битвах и собирать войска, чтобы нанести решительный удар в самое сердце Прусской монархии. Однако его желание ускорить разбирательство упало на благодатную почву, поскольку положение судей империи в ту эпоху было крайне шатким. Камбасерес, занимавший пост главного канцлера, и верховный судья Ренье как раз трудились над созданием судов первой инстанции, имперских судов и кассационного суда; они затронули во-

прос о служебных мундирах (Наполеон вообще придавал большое значение мундиру — и вполне оправданно!); также они пересматривали судейский состав и разыскивали членов упраздненных ранее парламентов[64]. Само собой разумеется, судейские чиновники департамента Об сочли, что явить служебное рвение при рассмотрении дела о похищении графа де Гондревилля — отличный способ себя зарекомендовать. Вот почему предположения, высказанные Наполеоном, стали несомненными фактами для его придворных и для народных масс.

В Европе все еще царил мир, и французы единодушно восхищались своим императором. Он льстил интересам, тщеславию, персонам, понятиям — словом, всему, вплоть до воспоминаний. Поэтому дело о похищении Малена публика восприняла чуть ли не как покушение на всеобщее благополучие: несчастных дворян, не совершивших ничего предосудительного, не осуждал только ленивый. Остатки старой аристократии, укрывшись в своих поместьях, сочувствовали арестантам, но публично высказываться остерегались. Да и что можно было противопоставить

[64] Примечания: 64
Высшие суды во Франции XV–XVIII веков (период Старого порядка).

неистовствующему общественному мнению? Жители департамента Об тут же припомнили гибель одиннадцати человек, застреленных через решетчатые ставни отеля-де-Сен-Синь в 1792 году, и эти смерти так же «повесили» на обвиняемых. Некоторые опасались, как бы другие эмигранты, воодушевившись примером де Симёзов, не стали применять насилие к нынешним владельцам национализированного имущества — в знак протеста против его незаконного отъема и чтобы тем самым подвигнуть власть к его реституции. Как следствие, благородных де Симёзов и д'Отсеров всюду поносили, словно грабителей, воров и убийц; содействие со стороны Мишю оказалось для них фатальным. Этот человек, причастный — сам или через тестя — к казням, совершенным в эпоху Террора, стал героем совсем уж невероятных измышлений. Озлобление чиновников департамента было тем острее, чем больше они были обязаны своими должностями Малену. Не нашлось ни единой благородной души, готовой опровергнуть общественное мнение. У несчастных же арестантов не было законных средств для борьбы с предубеждением, поскольку, отдавая в руки присяжных и рассмотрение дела, и приговор, Кодекс от 3 брюмера IV года

лишал подсудимых важнейшего преимущества — права обжаловать в Кассационном суде необъективность судей. На третий день после ареста обитателям шато-де-Сен-Синь велено было явиться с прислугой на заседание коллегии присяжных, которая должна была рассмотреть обвинения. Присматривать за домом поручили соседу-фермеру и аббату Гуже с сестрой, которые временно туда перебрались. Мадемуазель де Сен-Синь и чета д'Отсер остановились в маленьком доме, принадлежавшем Дюрье и располагавшемся на одной из многочисленных длинных и широких улиц, раскинувшихся в предместье Труа. Сердце Лоранс сжалось, когда она воочию увидела озлобленность толпы, злорадство буржуазии и враждебность властей, выражавшиеся посредством множества мелких происшествий, которые всегда случаются с родственниками людей, замешанных в уголовных преступлениях, в провинциальных городках, где слушается дело. Вместо слов сочувствия и ободрения слышишь лишь мстительное злорадство; в обстоятельствах, когда самоё правила приличия диктуют вежливое обращение или хотя бы сдержанность, сталкиваешься с проявлениями ненависти; и особенно остро это ощущается в изоляции, которую

человек принимает к сердцу ближе и болезненнее, чем когда-либо, ведь несчастье делает его еще и подозрительным. Лоранс, вновь обретшая всю свою силу, верила, что невиновность ее кузенов вот-вот станет для всех очевидной, и слишком презирала толпу, чтобы расстраиваться из-за осуждающего молчания, которым ее повсюду встречали. Она поддерживала надежду в сердцах г-на и г-жи д'Отсер, но сама не могла думать ни о чем, кроме юридических баталий, которые, судя по поспешности, с какой велось следствие, должны были вскоре разыграться в уголовном суде. Однако графине предстояло принять еще один, неожиданный удар судьбы, который поколебал ее мужество. В то время, когда беды сыпались со всех сторон, когда неистовствовала ненависть и несчастное семейство ощущало себя одиноким, как в пустыне, нашелся человек, который внезапно вырос во мнении Лоранс и показал красоту и силу своего характера. На следующий день после того, как коллегия присяжных подтвердила обвинение (старшина присяжных сделал внизу пометку: «Да, преступление имело место»[65]) и документ был передан государственному обви-

[65] Примечания: 65

Стандартная формулировка в случае, когда присяжные подавляющим большинством подтверждают правомерность обвинения.

нителю, а приказ об аресте[66] обвиняемых был заменен на постановление о содержании под стражей, маркиз де Шаржбёф в своей старенькой полуберлине отважно явился на помощь своей молодой родственнице. Предвидя скоропалительность правосудия, глава этого многочисленного семейства поспешил в Париж и привез оттуда одного из самых хитроумных и в то же время самых честных прокуроров старого времени — г-на Бордена, который последние десять лет являлся поверенным многих аристократических семейств, живущих в столице, и чьим преемником стал прославленный Дервилль. Когда речь зашла об адвокате, этот достойнейший прокурор сразу же указал на Гранвилля — внука бывшего председателя парламента Нормандии[67], который готовился к судейской карьере и к чьему обучению он сам приложил руку. Этот молодой адвокат — воспользуемся упраздненным термином, который впоследствии был снова введен императором в употребление, — после дела о похищении Малена был назначен заместителем

[66] Примечания: 66

Подразумевающий розыск обвиняемого, препровождение его в арестный дом и содержание в нем.

[67] Примечания: 67

Т.е. председателя высшего суда Нормандии.

генерального прокурора в Париже и стал одним из самых выдающихся судей своего времени. Г-н де Гранвилль согласился выступить защитником, рассчитывая, что этот процесс позволит ему дебютировать с блеском. В те времена адвокатов заменили так называемыми неофициальными защитниками: право на защиту в суде никак не ограничивалось, и любой гражданин мог на правах защитника отстаивать невиновность подсудимого, однако это не мешало последнему нанимать бывших адвокатов. Пожилой маркиз, растроганный глубиной горя Лоранс, повел себя с ней очень вежливо и деликатно. Он не напоминал о советах, пропавших втуне, и представил Бордена как оракула, чьи указания нужно исполнять беспрекословно, а молодого де Гранвилля — как защитника, которому можно полностью доверять.

Лоранс подала старику де Шаржбёфу руку и с очаровательным радушием сжала его пальцы.

— Вы были правы тогда, — сказала она.

— Но теперь-то вы готовы слушать мои советы? — спросил маркиз.

Молодая графиня и пожилые д'Отсеры кивнули в знак согласия.

— Для начала позвольте пригласить вас ко

мне. Мой дом расположен в центре, возле здания суда. Вам и вашим адвокатам там будет намного удобнее, нежели тут, где приходится ютиться всем вместе и вы слишком далеко от поля битвы. Каждый день вы вынуждены проезжать через весь город…

Лоранс согласилась, и старик отвез их с г-жой д'Отсер к себе в особняк, где обитатели шато-де-Сен-Синь и их юристы и жили до окончания процесса. После ужина за закрытыми дверями Борден попросил Лоранс изложить ему подробности дела, не упуская ничего, несмотря на то что маркиз де Шаржбёф во время переезда из Парижа в Труа уже успел в общих чертах описать Бордену и молодому адвокату предысторию конфликта. Прокурор слушал, грея ноги у огня, и ничем не выказывал своих чувств. В отличие от него, молодой де Гранвилль активно сопереживал рассказчице, и восхищение мадемуазель де Сен-Синь порождало в его душе такой же живой отклик, как и обстоятельства дела.

— Это всё? — спросил старый прокурор, когда Лоранс изложила подробности драмы так, как они описаны в этой повести.

— Да, — последовал ответ.

Глубокое молчание царило несколько минут в

гостиной отеля-де-Шаржбёф, где и происходила эта сцена — одна из важнейших, которые могут случиться в жизни, и одна из редчайших. Адвокат всегда составляет представление о деле, прежде чем оно бывает передано судьям, так же как доктора предвидят смерть больного еще до начала борьбы, которую им приходится вести с природой. Лоранс, г-н и г-жа д'Отсер и маркиз не спускали глаз с морщинистого, темного, изъеденного ветряной оспой лица старого прокурора, который вот-вот должен был вынести вердикт: жизнь или смерть. Г-н д'Отсер смахнул со лба капли пота. Лоранс посмотрела на молодого адвоката. Вид у него был удрученный.

— Что скажете, дорогой мой Борден? — спросил маркиз, протягивая прокурору табакерку, откуда тот с рассеянным видом взял щепотку.

Борден потер икры, обтянутые плотными черными чулками из шелка-сырца, — он был в черных полотняных кюлотах и во фраке так называемого французского покроя — и обвел клиентов проницательным взглядом, которому придал выражение едва заметной боязливой неуверенности. У присутствующих кровь застыла в жилах.

— Желаете ли вы, чтобы я разобрал дело по

пунктам? Могу я говорить открыто? — спросил он.

— Разумеется, можете, мсье! — сказала Лоранс.

— Все ваши действия, невинные по сути, свидетельствуют против вас, — сказал ей старый законник. — Ваших родственников не спасти, но можно попытаться смягчить наказание. Вы приказали Мишю продать имущество, и на суде это станет очевидным доказательством ваших преступных намерений против сенатора. Вы нарочно отослали прислугу в Труа, чтобы иметь свободу действий, — и это тоже сыграет на руку обвинению, тем паче что это правда. Слова, ужасные слова, сказанные Робером д'Отсером Бовизажу, делают вашу виновность очевидной. В собственном дворе вы обронили еще одну опрометчивую фразу, доказывающую, что ваша враждебность по отношению к графу де Гондревиллю существует уже давно. Что касается лично вас, мадемуазель, в момент преступления вас видели возле ворот — вы кого-то или что-то высматривали; вы на свободе только потому, что судьи не хотят придавать этому делу оттенок сентиментальности.

— Защита ничего не сможет сделать, — сказал г-н де Гранвилль.

— Дело осложняется еще и тем, что мы не можем открыть правду. Мишю, как и господам де Симёз и д'Отсер, лучше стоять на том, что они несколько часов провели в лесу и вернулись обедать в Сен-Синь и вы все это время были с ними. Но даже если бы мы попытались доказать, что вы были дома в три часа, когда случилось нападение, кто будет нашими свидетелями? Марта, жена одного из обвиняемых, супруги Дюрье и Катрин — ваши слуги, а еще мсье и мадам д'Отсер, родители еще двух обвиняемых. Их показания не имеют ценности. Закон не позволит им свидетельствовать против вас, и никто, будучи в здравом уме, им не поверит, если они выскажутся в вашу пользу. Если же на свою беду вы расскажете, что ездили в лес за одиннадцатью сотнями тысяч франков, то этим вы отправите обвиняемых прямиком на галеры, как воров. Государственный обвинитель, присяжные, судья, публика, Франция — все решат, что вы взяли это золото в Гондревилле, а сенатора устранили, чтобы развязать себе руки. В нынешней формулировке обвинение выглядит туманным; но если откроется правда, оно станет неопровержимым. Детали, которые пока остаются неясными, присяжные соотнесут с ограблением — сейчас всех

роялистов приравняли к разбойникам. В нынешнем виде преступление представляется местью, вполне вероятной при текущей политической ситуации. Обвиняемым грозит смертная казнь, но не каждый сочтет ее позором; однако, если среди обстоятельств дела всплывет ограбление, снисхождения не будет: вы лишитесь сочувствия, которое испытывают люди к осужденным на смерть, когда их мотивы понятны, а потому — простительны.

Сразу после ареста, когда вы еще могли продемонстрировать место, где были спрятаны деньги, карта, жестяные цилиндры и само золото, и объяснить, чем занимались в тот день, у вас был шанс доказать свою непричастность, и то лишь беспристрастным судьям. Но при нынешнем положении дел лучше молчать. Дай господь, чтобы никто из шестерых подозреваемых не проговорился. Но, как бы то ни было, мы постараемся использовать их показания с выгодой для себя.

Лоранс в отчаянии заломила руки и обратила скорбный взгляд к небу — только теперь перед ней открылась глубина пропасти, в которую угодили ее кузены. Маркиз и молодой защитник согласились с рассуждениями Бордена. Старик д'Отсер заплакал.

— Ну почему бы вам не послушаться аббата Гуже, который просил вас бежать? — в отчаянии произнесла г-жа д'Отсер.

— Ах, если вы могли заставить их тотчас же уехать, но не сделали этого, считайте, что вы убили их своими руками! — воскликнул Борден. — Неявка в суд дает обвиняемым время. Когда есть время, невиновные могут добиться прояснения обстоятельств дела. А это дело представляется мне самым темным из всех, с которыми я сталкивался, хотя, надо признать, в жизни я распутал их немало.

— Это дело остается необъяснимым для всех, даже для нас, — сказал г-н де Гранвилль. — Если обвиняемые не виноваты, нападение совершил кто-то другой. Нельзя допустить, что пять человек появились в деревушке словно по волшебству, нашли лошадей, подкованных так же, как лошади обвиняемых, попытались надеть чужую личину и посадить Малена в яму только для того, чтобы погубить Мишю и господ де Симёз и д'Отсер. У этих неизвестных, настоящих преступников, были свои мотивы замаскироваться под пятерых невинных, и чтобы отыскать этих людей и их следы, нам, как и властям, пришлось бы прибегнуть к услугам всех агентов и соглядатаев, сколько их

есть в коммунах на расстоянии двадцати лье от Гондревилля!

— Это непосильная задача, — сказал Борден. — Не стоит даже думать об этом. С тех пор как общество изобрело правосудие, ему еще не удалось предоставить несправедливо обвиняемому человеку те же правомочия, какими располагает судья, стремящийся покарать преступника. Правосудие не является двусторонним: защита не имеет ни шпионов, ни полиции и не располагает социальными рычагами, которые можно было бы задействовать в пользу своего клиента. Единственное, что невинность может призвать в свою защиту, — это доводы, понятные здравомыслящему человеку; но довод, который может убедить судей, зачастую не производит должного впечатления на предубежденных против подсудимого присяжных. Против вас же — вся страна. Восемь присяжных, утвердивших обвинение, — владельцы национализированного имущества. Коллегия присяжных, которая будет судить ваших родственников, так же как и первая, будет состоять из приобретателей или продавцов такого имущества или же из чиновников, каким-то образом к этому причастных. Словом, это будет коллегия маленов. Остается лишь выработать

крепкую позицию защиты, придерживаться ее — и погибнуть, будучи ни в чем не повинным. Вам вынесут обвинительный приговор, но мы обратимся в Кассационный суд и попытаемся затянуть слушания. Если за это время мне удастся собрать доказательства в нашу пользу, мы сможем просить о помиловании. Таковы «анатомия» этого дела и мое мнение. Если мы восторжествуем (в юриспруденции все возможно), это будет чудо. И ваш адвокат скорее, чем все, кого я знаю, способен это чудо совершить; я ему в этом помогу.

— Сенатор должен знать разгадку этой тайны, — сказал г-н де Гранвилль. — Нам всегда известно, кто затаил против нас злобу и почему. Даже странно, что в конце зимы он уехал из Парижа в Гондревилль — один, без свиты, чтобы уединиться там с нотариусом и, фигурально выражаясь, позволить похитить себя пяти неизвестным!

— Что ж, его поведение представляется столь же странным, как и поступки наших подсудимых. Но как из обвиняемых стать обвинителями, в то время как вся страна настроена против нас? Для этого потребовались бы снисходительность и содействие правительства и в тысячу раз больше доказательств, чем в любом, более заурядном де-

ле. Я вижу во всем этом умысел и тонкий расчет; наш тайный противник прекрасно осведомлен о том, что связывает Малена с Мишю и господами де Симёз. Грабители, которые не проронили ни слова и ничего не взяли! Предусмотрено все до мелочей. Сдается мне, что под масками скрывались злоумышленники совершенно особого рода. Но попробуйте сказать это присяжным, которые будут вас судить!

Эта проницательность в приватных делах, которая и составляет величие некоторых адвокатов и судей, удивила и обескуражила Лоранс. Неумолимая логика г-на Бордена заставила ее сердце сжаться.

— На сотню уголовных дел, — сказал он, — приходится всего десять, которые полностью раскрыты правосудием, а добрая треть так и остается тайной за семью печатями. Ваше дело я причисляю к тем, которые совершенно непонятны ни для предполагаемых преступников, ни для обвинителей, ни для судей и публики. Что касается императора, то он сейчас слишком занят другими делами, чтобы спасать господ де Симёз, даже если бы те никогда и не замышляли его свергнуть. Но кто, черт побери, точит зуб на Малена? И чего от него хотят добиться?

Борден и г-н де Гранвилль переглянулись с таким видом, словно сомневались в искренности Лоранс. Эти сомнения были для девушки едва ли не самым мучительным среди множества несчастий, выпавших на ее долю. Ее взгляд, брошенный на защитников, положил конец их колебаниям.

На следующий день защитники получили обвинительный акт и смогли поговорить с обвиняемыми. Борден сообщил семье, что, выражаясь профессиональным языком, «все шестеро держатся прекрасно, как и подобает порядочным людям».

— Г-н де Гранвилль будет защищать Мишю, — добавил Борден.

— Мишю? — вскричал г-н де Шаржбёф, изумленный этой переменой.

— Он — основной фигурант дела, и в этом — главная опасность, — отвечал старый прокурор.

— Если наибольшая опасность грозит ему, ваше решение представляется мне правильным! — воскликнула Лоранс.

— Мы видим несколько направлений защиты, — продолжал г-н де Гранвилль, — и намереваемся тщательно их изучить. Если мы и сможем их спасти, то только благодаря тому, что г-н д'От-

сер поручил Мишю поправить одну из опор на дороге, проходящей по дну оврага, и что в лесу видели волка — все зависит от дебатов перед криминальным судом. Обсуждаться будут незначительные детали, но вы сами увидите, какое колоссальное значение они обретут.

Лоранс впала в состояние душевного смятения, которое особенно тяжело для людей думающих и активных, когда они понимают, насколько и мысли, и действия бесполезны. Речь больше не шла ни о свержении человека или правительства при помощи преданных людей, ни о фанатической приверженности своим идеалам, скрытым под покровом тайны: она видела перед собой общество, ополчившееся против нее самой и ее кузенов. Невозможно в одиночку взять тюрьму штурмом, невозможно освободить узников, когда ты окружен враждебным населением и находишься под неусыпным надзором полиции, наслышанной о дерзости арестантов, истинной или мнимой… Поэтому, когда молодой защитник, испуганный растерянностью этой благородной и мужественной девушки, выражение лица которой свидетельствовало о душевном оцепенении, попытался ободрить ее, Лоранс ответила так:

— Я молчу, страдаю и жду.

Ее тон, жесты и взгляд придали этой фразе величие, которому не доставало лишь театральной сцены, чтобы войти в историю. Но прошло несколько минут, и добрейший г-н д'Отсер обратился к маркизу де Шаржбёфу со словами:

— А ведь я столько сделал ради моих несчастных сыновей! Я покупал государственные ценные бумаги, и теперь они могли бы получать порядка восьми тысяч ливров ренты! Пожелай они служить, их звания были бы выше прежних, и уже сегодня они могли бы выгодно жениться. Но теперь все мои планы пойдут прахом!

— Как ты можешь думать о выгоде наших сыновей, — сказала ему жена, — когда на кону их честь и жизнь?

— Господин д'Отсер думает обо всем, — сказал маркиз.

Глава 18
Марту вводят в заблуждение

Пока обитатели Сен-Синя ожидали начала дебатов в уголовном суде и тщетно добивались позволения увидеть арестантов, в шато в обстановке полнейшей секретности произошло событие исключительной важности. Марта вернулась в Сен-Синь сразу же после того, как дала показания коллегии присяжных, рассматривавшей обвинение. Оно было признано столь несущественным, что государственный обвинитель даже не стал вызывать ее на заседание уголовного суда. Как все излишне чувствительные люди, бедная женщина целые дни просиживала в гостиной в компании мадемуазель Гуже, своим потерянным видом внушая сочувствие. Для нее — так же, кстати, как для кюре и всех, кто понятия не имел, как провели арестанты тот роковой день, — их невиновность представлялась сомнительной. Временами Марта уже готова была поверить в то, что Мишю, его хозяева и Лоранс таким образом отомстили сенатору. Несчастная слишком хорошо знала, как предан ее муж своим господам,

чтобы понять, что из всех обвиняемых именно ему грозит наибольшая опасность — то ли по причине более ранних деяний, то ли из-за роли, которую он мог сыграть в расправе. Аббат Гуже, его сестра и сама Марта терялись в догадках, к которым приводила такая уверенность; но после долгих размышлений разум поневоле приходит к определенному заключению. Абсолютное сомнение, какого требует Декарт, так же чуждо для людского ума, как пустота — для природы, и душевное усилие, благодаря которому оно наконец реализуется, будет сродни действию пневматического насоса — таким же незаурядным и чудовищным. О каком бы предмете ни шла речь, мы всегда во что-то верим. Вот и Марта так боялась, что молодые дворяне и ее супруг все-таки виноваты, что ее страх перерос в уверенность, и это состояние ума стало для нее фатальным. Арестанты пребывали под стражей уже пять дней; около десяти вечера, когда молодая женщина собиралась ложиться в постель, с фермы прибежала ее мать.

— Рабочий из Труа принес тебе весточку от Мишю! Он ждет тебя на дороге, обсаженной орешником! — сказала она Марте.

Женщины выбрали самый короткий путь — по

насыпи спустились в ров, а уже оттуда вышли на дорогу, тянувшуюся по дну оврага. Было очень темно, и единственное, что смогла рассмотреть Марта, — это черный силуэт мужчины, выделявшийся на фоне сумерек.

— Скажите что-нибудь, чтобы я мог убедиться, что вы правда мадам Мишю, — встревоженным голосом заговорил незнакомец.

— Конечно, это я, — произнесла Марта. — Что вам от меня нужно?

— Тогда дайте мне свою руку, — сказал незнакомец. — И не бойтесь. Меня прислал Мишю, — продолжал он, наклоняясь к уху Марты. — Я должен кое-что вам передать. Я служу в тюрьме, и если начальство заметит, что меня нет на месте, мы все пропали! Доверьтесь мне, мадам! В свое время я получил это место благодаря вашему отцу. Мишю тоже мне доверяет.

Вложив в руку Марты записку, он, не дожидаясь ответа, исчез в лесу. Марта внутренне содрогнулась, ожидая, что вот-вот ей откроется правда об этом деле. Они с матерью прибежали на ферму, заперлись и стали читать.

Моя милая Марта,

не бойся, податель этого письма нас не выдаст. Он не умеет ни читать, ни писать да к тому же

ярый республиканец, участник заговора Бабёфа. Твой отец поручал ему кое-какие дела, и сенатора он считает предателем.

Знай, моя женушка, что сенатора мы заперли в пещере, где когда-то скрывались молодые господа. Мы оставили этому негодяю провизии на пять дней, но раз уж в наших интересах, чтобы он жил, тебе придется, как только получишь это письмо, отнести ему еще — столько, чтобы хватило еще на пять дней, не меньше. Лес наверняка охраняют, так что будь осторожна, как раньше, когда мы носили еду нашим молодым хозяевам. С Маленом не разговаривай, не отвечай на вопросы и надень маску, которую найдешь на ступеньках в подземелье. Если не хочешь нас погубить, ни словом не проболтайся об этой просьбе. Никто не должен об этом знать, даже мадемуазель де Сен-Синь — она может струсить. За меня не бойся. Мы уверены, что дело кончится благополучно. Когда придет время, сам Мален нас и спасет. И последнее: прочитав письмо, обязательно сожги его, ты и сама понимаешь почему — оно будет стоить мне головы, если кто-то чужой прочтет хоть строчку. Целую. Люблю тебя.

МИШЮ

О существовании пещеры под холмом, посреди

леса, знали только Марта, Мишю, их сын, четыре дворянина и Лоранс — по крайней мере, Марта, которой ее муж так и не рассказал о встрече с Пейрадом и Корантеном, так думала. И в том, что письмо написано им и подпись — его, молодая женщина не усомнилась ни на мгновение. Разумеется, если бы Марта сразу же все рассказала своей госпоже и ее советникам, которые были уверены в невиновности своих подопечных, многоопытный прокурор мог бы составить неплохое представление о хитроумной интриге, в которую некто вовлек его клиентов. Но Марта, поддавшись первому порыву, как это свойственно большинству женщин, и пребывая во власти убеждений, которые ей представлялись неопровержимыми, бросила письмо в камин. И сразу же, движимая редчайшим озарением, продиктованным осторожностью, выхватила из огня то, что осталось от письма — обрывок с пятью первыми строчками, которые никого не могли скомпрометировать, и зашила его в подол платья. С ужасом думая о том, что узник постится уже целые сутки, она решила этой же ночью отнести ему хлеба, мяса и вина. Любопытство, равно как и добросердечие, не позволяло ей отложить это на завтра. Марта развела огонь в печи и с помощью матери приготовила

паштет из зайчатины и утятины, рисовый пирог, зажарила двух цыплят, взяла три бутылки вина и испекла два круглых хлеба. Ближе к половине третьего ночи мадам Мишю сложила провизию в заплечную корзину и отправилась в лес в сопровождении Куро, который, куда бы его хозяева ни направлялись, бежал впереди, разведывая путь и выказывая при этом исключительную сметливость. Пес чуял чужаков на огромном расстоянии, и стоило им появиться, как он возвращался к хозяйке, тихонько рыча и поворачивая морду в ту сторону, откуда надвигалась опасность.

Около трех часов утра Марта пришла к болотцу и оставила Куро сторожить. Полчаса она разбирала кладку, а затем с потайным фонарем спустилась к двери подземной камеры. Лицо женщина закрыла маской, которая, как и было обещано в письме, лежала на ступеньках. Судя по всему, место для заточения сенатора приготовили загодя. В металлической двери, запиравшей вход в подземелье, было пробито отверстие размером примерно фут на фут, которого Марта прежде не видела. Чтобы Мален, подобно всем пленникам располагающий временем и терпением, не смог сдвинуть металлическую задвижку, ее укрепили с помощью навесного замка. Сенатор, который

встал с устеленного мхом ложа, при виде фигуры в маске вздохнул: он понял, что час избавления еще не настал. Некоторое время он разглядывал Марту, освещенную неверным светом потайного фонаря, и наконец узнал ее — по одежде, телосложению и манере двигаться. Когда она протянула ему через отверстие паштет, Мален позволил ему упасть, а сам схватил женщину за руки и попытался сорвать с ее пальца колечки — обручальное и еще одно, подаренное мадемуазель де Сен-Синь.

— Вы, милейшая, — мадам Мишю! Не станете же вы это отрицать! — воскликнул он.

Пальцы Марты сжались в кулак, едва она почувствовала его прикосновение. Женщина с силой толкнула Малена в грудь, после чего, не промолвив ни слова, принесла крепкую ветку и с помощью этого нехитрого приспособления передала сенатору остатки провизии.

— Что вам от меня нужно? — спросил он.

Марта убежала, так ничего ему и не ответив. Было около пяти часов, и она уже успела дойти до опушки, когда Куро дал знать, что рядом чужой. Молодая женщина повернулась и зашагала к павильону, в котором прожила много лет. Но стоило ей выйти на дорогу, ведущую к нему, как

впереди показался сельский полицейский из Гондревилля. Марта пошла ему навстречу.

— А вы ранняя пташка, мадам Мишю! — заговорил с ней полицейский.

— Столько горя на нас свалилось; я вынуждена исполнять работу служанки, — отвечала Марта. — Вот, иду на ферму Беллаш за семенами.

— Неужели в Сен-Сине не осталось семян? — спросил тот.

Не отвечая, Марта пошла своей дорогой. Придя на ферму, она попросила Бовизажа дать ей побольше семян — якобы г-н д'Отсер посоветовал ей обратиться с этой просьбой к соседу, чтобы обновить посевы. Когда молодая женщина ушла, к Бовизажу явился местный полицейский — спросить, зачем приходила мадам Мишю. Через шесть дней Марта, соблюдая бóльшую осторожность, отправилась к подземелью в полночь, чтобы не наткнуться снова на сторожей, которые, судя по всему, были приставлены следить за лесом. Она в третий раз отнесла сенатору провизию, и в тот же день, услышав, как кюре читает опубликованные протоколы допроса обвиняемых (в суде как раз начались слушания по их делу), испытала приступ безотчетного страха. Отведя аббата Гуже в сторонку и взяв с него клятву сохранить в секрете

все, что она собирается ему рассказать, как если бы это была исповедь, женщина показала ему обрывок письма, полученного от Мишю, пересказала его содержание слово в слово и объяснила, где находится тайник, в котором прячут сенатора. Первое, о чем кюре спросил Марту, — нет ли у нее других писем от мужа, чтобы они смогли сравнить почерк. Марта убежала на ферму и там нашла повестку, в которой ее вызывали в суд в качестве свидетеля. Когда она вернулась в шато, оказалось, что аббат с сестрой также получили повестки — как свидетели защиты. Все трое немедленно отправились в Труа. Пришла пора всем участникам этой драмы, включая даже тех, кто имел к ней весьма опосредованное отношение, оказаться на одной сцене, где вскорости должна была решиться судьба двух семейств.

Глава 19
Слушания в суде

Во Франции найдется очень мало населенных пунктов, где правосудие вершится в по-настоящему торжественной и внушающей почтение обстановке, которая должна бы ему сопутствовать. После религии и королевской власти разве не правосудие является главным двигателем общественной жизни? Всюду, даже в Париже, суды сегодня ютятся в помещениях убогих, дурно расположенных и скудно украшенных, что принижает их огромную власть — и это у самой тщеславной и склонной к театральным эффектам нации в мире! Почти во всех городах они обустроены одинаково: в глубине просторной прямоугольной комнаты, на помосте, стоит письменный стол, покрытый зеленой саржевой скатертью, за ним — кресла самого заурядного вида, предназначенные для судей. Слева — место государственного обвинителя, и с той же стороны, вдоль стены, располагается длинный, огражденный перилами помост со стульями для коллегии присяжных. Напротив — еще один по-

мост, со скамьей для подсудимых и жандармского конвоя. Секретарь суда сидит у подножия судейского помоста за столом, на котором разложены вещественные доказательства. (До учреждения имперского суда правительственного комиссара и старшину присяжных усаживали за отдельными столами: одного — справа, а другого — слева от судей.) Два судебных исполнителя вольтижируют на небольшом пространстве перед судейским помостом, оставленном для допроса свидетелей. Защитники сидят непосредственно перед помостом подсудимых. От обоих помостов в противоположный конец зала тянутся перила, образуя барьер, за которым располагаются скамьи для свидетелей, чьи показания уже заслушаны судом, и привилегированной любопытствующей публики. И, наконец, напротив судейского помоста, над входной дверью, до сих пор имеется захудалого вида балкон, зарезервированный для представителей власти и женщин, которых отбирает председатель суда, в чьи функции входит поддержание порядка в зале. Непривилегированной публике приходится внимать происходящему стоя, расположившись между входной дверью и барьером. Эта мизансцена, характерная для французских судов в

целом и уголовных в частности, имела место и в уголовном суде городка Труа.

В апреле 1806 года ни четверо судей, ни председатель суда, ни государственный обвинитель, ни старшина присяжных, ни правительственный комиссар, ни судебные исполнители, ни защитники — словом, никто, за исключением жандармов, не был облачен в форменную одежду и не имел никаких знаков отличия, которые хоть немного скрасили бы убогую обстановку и довольно-таки постное выражение физиономий присутствующих. Распятия, которое могло бы послужить примером как слугам фемиды, так и подсудимым, в зале не было. Все было грустно и обыденно. Торжественность обстановки, столь необходимая для поддержания общественного интереса, возможно, является утешением и для преступника… Дело вызвало у публики большой интерес — как бывало и как будет во всех подобных случаях, пока не изменятся наши нравы и пока Франция не призна́ет: присутствие зрителей на процессе влечет за собой широкую огласку, и эта огласка являет собой наказание столь непомерное, что, если бы законодатели могли вообразить всю его тяжесть, они не стали бы никого им обременять. Что ж, нравы зачастую

еще более жестоки, нежели законы. Нравы — это люди; закон — это показатель здравомыслия отдельно взятой страны. Нравы, которые зачастую напрочь лишены здравомыслия, торжествуют над законом… Вокруг здания суда собралась огромная толпа. Как всегда бывает во время слушания громких дел, председателю суда пришлось расставить у дверей солдатские пикеты. Зрителей за барьером столпилось так много, что иные уже начали задыхаться. Г-н де Гранвилль, который защищал Мишю, Борден, защитник господ де Симёз, и адвокат из Труа, взявший на себя защиту молодых господ д'Отсер и Готара — наименее скомпрометированных из шести подсудимых, заняли свои места еще до начала заседания. Их лица выражали уверенность. Подобно доктору, который делает все, чтобы пациент не прознал о его опасениях, адвокат, обращая лицо к подзащитному, притворяется, будто исполнен самых радужных надежд. Это один из редких случаев, когда ложь становится добродетелью. Ввели подсудимых. В толпе одобрительно зашептались при виде четырех молодых людей, несколько побледневших после двадцати дней заключения, проведенных в тревоге. Абсолютное внешнее сходство близнецов вызвало огромный интерес.

Возможно, каждый думал о том, что природа должна была бы предусмотреть для такого редчайшего феномена какую-то особую защиту; все эти люди готовы были загладить несправедливость судьбы, о ней забывшей; их благородные, простые манеры, без намека на угрызения совести и без бравады, произвели благоприятное впечатление на многих женщин. Четыре дворянина и Готар предстали перед судом в одежде, которая была на них при аресте, — в отличие от Мишю, чье одеяние приобщили к вещественным доказательствам. Он надел лучшее из того, что имел: синий редингот, коричневый бархатный жилет а-ля Робеспьер и белый галстук. Однако непривлекательная внешность снова сыграла против него. Стоило Мишю бросить взгляд желтых глаз, ясных и глубоких, в сторону публики, которая при виде его невольно подалась вперед, как ответом ему становился боязливый шепот. Толпа предпочла увидеть перст Божий в его появлении на скамье подсудимых — той самой, на которую его тесть в свое время усадил столько жертв. Когда же этот человек, поистине великий, посмотрел на своих господ, на его губах играла едва заметная ироническая улыбка. Он всем своим видом говорил: «Вам от меня один лишь вред!»

Пятеро подсудимых тепло приветствовали своих защитников. Готар по-прежнему притворялся идиотом.

После того как требования об отводе некоторых присяжных, весьма прозорливо заявленные защитой (по совету маркиза де Шаржбёфа, который бесстрашно занял свое место рядом с господами Борденом и де Гранвиллем), были удовлетворены, составлен список коллегии присяжных и зачитан обвинительный акт, подсудимых разделили, дабы приступить наконец к допросам. Все были удивительно единодушны в своих показаниях: после утренней конной прогулки по лесу они вернулись в шато-де-Сен-Синь на обед; далее, с трех часов до половины шестого, снова гуляли по лесу. Различия во времяпрепровождении в указанные часы, конечно же, были, но незначительные, и объяснялись разницей в социальном положении подсудимых. Так, когда председатель суда спросил господ де Симёз о причине, заставившей их выехать на прогулку в такую рань, оба заявили, что, с тех пор как вернулись на родину, задумывались о покупке Гондревилля; узнав, что Мален накануне приехал в свою усадьбу, вместе с кузиной и Мишю они отправились осмотреть лес, дабы решить, какую цену предложить. Пока

они исполняли задуманное, господа д'Отсер, кузина и Готар выслеживали волка, замеченного крестьянами в тех краях; и если старшина присяжных отыскал и осмотрел следы, оставленные их лошадьми в лесу, с тем же тщанием, что и следы в гондревилльском парке, суд располагает доказательствами их передвижений и знает, что находились они очень далеко от шато Гондревилль.

Показания господ д'Отсер совпадали с показаниями близнецов и соответствовали их же свидетельствам, данным во время предварительного следствия. Необходимость объяснить цель прогулки подтолкнула каждого подсудимого к мысли об охоте. За несколько дней до того крестьяне видели в лесу волка — это был предлог, которым все они и воспользовались.

И все же государственный обвинитель выявил расхождения между протоколом первого допроса господ д'Отсер, где говорилось, что они охотились все вместе, и версией, озвученной на суде сегодня, согласно которой д'Отсеры и Лоранс охотились, в то время как господа де Симёз осматривали лес.

Г-н де Гранвилль заявил, что, поскольку правонарушение было совершено между двумя часами дня и половиной шестого, показания подсуди-

мых, объясняющие, как именно они провели утро, должны быть приняты на веру.

Обвинитель на это ответил, что подсудимые были заинтересованы в том, чтобы их приготовления к похищению сенатора остались незамеченными.

Далее защита проявила себя во всем блеске. Судьи, присяжные, публика — всем вскоре стало ясно, что ни одна из сторон, участвующих в процессе, не сдастся без боя. Казалось, Борден и г-н де Гранвилль предусмотрели всё. Человек, ни в чем не повинный, всегда может дать понятное и правдоподобное объяснение своим действиям; поэтому обязанность защиты — противопоставить свою, вероятную версию маловероятной, которую выдвинуло обвинение. Для защитника, считающего своего клиента невиновным, обвинение уподобляется вымыслу. Публичный допрос дал четырем дворянам возможность объяснить обстоятельства дела так, чтобы они говорили в их пользу. Все складывалось благоприятным образом до тех пор, пока не начался допрос Мишю. Он был более серьезным и вызвал прения. И только тогда все поняли, почему г-н де Гранвилль решил защищать бывшего управляющего, а не его господ.

Мишю признал, что угрозы в адрес Марьона действительно имели место, но они не были столь ожесточенными, как представляется суду. Что же касается обвинений в том, что он с карабином в руках подстерегал Малена в парке, бывший управляющий отвечал, что всего лишь прогуливался, а сенатор с г-ном Гревеном заметили ружейное дуло и испугались, приписав ему враждебные намерения, каковых он вовсе не имел. Мишю добавил, что в вечернее время человек, не привычный к охоте, может решить, что ружейное дуло смотрит на него, в то время как на самом деле охотник преспокойно держит карабин на плече. Состояние, в каком была его одежда во время ареста, он объяснил тем, что упал, когда через ров возвращался домой. «Я как раз взбирался по насыпи наверх, к дороге, но было темно, камни осыпáлись под ногами, я свалился и сильно испачкался». На вопрос, зачем ему понадобился гипс, который носил с фермы Готар, Мишю дал тот же ответ, что и во время предварительных допросов: что укреплял-де столбик заграждения на все той же дороге, проходящей по дну оврага и обсаженной орешником.

Государственный обвинитель и старшина присяжных попросили Мишю объяснить, как он

мог одновременно находиться на насыпи возле шато-де-Сен-Синь и в овраге, возле заграждения, в то время как мировой судья, жандармы и Сен-Синьский полицейский в один голос утверждают, что слышали, как он поднимается снизу, из долины. Мишю отвечал, что г-н д'Отсер так часто упрекал его в том, что он откладывает этот маленький ремонт, который между тем был очень важен, поскольку из-за этой дороги могли возникнуть споры с коммуной, что он, закончив работу, решил наведаться в шато — сказать, что заграждение готово.

Дело в том, что по распоряжению г-на д'Отсера в самом начале дороги, обсаженной орешником, действительно поставили заграждение, дабы помешать коммуне завладеть ею. Уразумев, насколько важно объяснить, почему его одежда испачкана гипсом (а сам факт его использования отрицать было невозможно), Мишю прибег к хитрости. На суде нередко так бывает: правду часто не отличить от небылицы, и небылица иногда очень похожа на правду. И защитник, и обвинитель понимали, как много зависит от этого обстоятельства, обретшего огромное значение благодаря усилиям адвоката и подозрениям прокурора.

Готар, вне всяких сомнений, проинструктированный г-ном де Гранвиллем, признался суду, что Мишю попросил его принести несколько мешков гипса, хотя до этих пор юноша отвечал на все вопросы рыданиями.

— Но почему же ни вы, ни Готар не отвели мирового судью и полицейского к этому заграждению сразу? — спросил государственный обвинитель.

— Мне и в голову не приходило, что нас могут заподозрить в столь серьезном преступлении, — сказал Мишю.

Подсудимых, за исключением Готара, вывели из зала. Когда юноша остался в одиночестве, председатель заявил, что в его интересах рассказать суду правду, тем более что его напускная придурковатость внезапно исчезла. Никто из судей не верит, что он глуп, и своим нежеланием свидетельствовать он может навлечь на себя тяжкую кару; зато, если расскажет, как все было, никто и не подумает в чем-то его обвинять. Готар заплакал и после недолгих колебаний сказал, что Мишю попросил его принести много мешков с гипсом, каждый раз встречал его возле фермы и забирал мешок. У юноши спросили, сколько же мешков он принес.

— Три, — отвечал Готар.

Между Мишю и Готаром завязался спор — было ли три мешка с учетом того, который юноша принес за минуту до ареста, и тогда получается, что на ремонт ушло два, или же три помимо этого последнего. Разрешился он в пользу Мишю. Присяжным было сказано, что мешков было два, однако они, похоже, в этом уже и не сомневались: Борден и г-н де Гранвилль постарались так заморочить им голову и так их утомить, что бедняги вообще перестали что-либо понимать.

Г-н де Гранвилль подвел итоги и настоятельно просил, чтобы суд назначил экспертов, дабы те могли заключить, в каком состоянии находится заграждение.

— Старшина присяжных, — сказал защитник, — ходил туда, но не за тем, чтобы провести экспертизу как должно, а чтобы уличить г-на Мишю во лжи. По нашему мнению, он не исполнил свой долг надлежащим образом, и эта оплошность лишь укрепляет наши позиции.

Суд назначил экспертов; им предстояло выяснить, действительно ли один из столбиков заграждения недавно был отремонтирован. Со своей стороны государственный обвинитель поспешил воспользоваться этим обстоятельством, прежде чем эксперты вынесут вердикт.

— Не странно ли, что вы выбрали для ремонта время, когда на улице уже ничего не видно — между половиной шестого и половиной седьмого? — спросил он у Мишю. — И никого не взяли в помощники…

— Г-н д'Отсер меня отругал.

— Но, — продолжал государственный обвинитель, — если вы работали с гипсом, то наверняка воспользовались при этом каким-нибудь корытом и мастерком? И если вы так спешили сообщить г-ну д'Отсеру о том, что управились с ремонтом, не потрудитесь ли вы объяснить, как вышло, что Готар нес вам еще один мешок гипса? Вам пришлось бы зайти на ферму, чтобы оставить там инструменты, и тогда же предупредить его.

Эти сокрушительные аргументы заставили зал в ужасе притихнуть.

— Ну же, признайтесь! — продолжал прокурор. — Вы вкапывали в землю вовсе не столб!

— Вы склоняетесь к тому, что это был сенатор? — спросил Мишю, не пытаясь скрыть иронию.

Г-н де Гранвилль потребовал от обвинителя изложить свою мысль яснее. Мишю были предъявлены обвинения в похищении и задержании сенатора, но не в убийстве. Это был очень важный

момент: Кодексом от 3 брюмера IV года государственному обвинителю запрещалось упоминать во время судебных слушаний какие-либо новые пункты обвинения; он обязан был придерживаться обвинительного акта, иначе приговор мог быть кассирован.

Обвинитель ответил на это, что Мишю, как главный организатор покушения, в интересах господ принявший ответственность на себя, мог из каких-то своих соображений замуровать вход в помещение — местонахождение которого до сих пор неизвестно, — где все еще томится сенатор.

Бесконечные вопросы, перекрестный допрос с Готаром, противоречия в собственных показаниях… В конце концов Мишю с силой стукнул кулаком по перилам, ограждающим скамью подсудимых, и сказал:

— Я не имею ни малейшего отношения к похищению сенатора; хочется верить, что его враги всего лишь держат его где-то под замком. Но если он найдется, вы увидите, что мои мешки с гипсом здесь совершенно ни при чем.

— Что ж, — обратился адвокат к государственному обвинителю, — вы сделали для защиты моего клиента больше, нежели я сам.

Первое заседание по делу завершилось этим

дерзким замечанием, удивившим судей и укрепившим позиции защиты. Местные адвокаты и Борден горячо поздравили молодого защитника. Государственный обвинитель, встревоженный последней репликой де Гранвилля, уже начал опасаться, что угодил в ловушку. Что ж, так оно и было: тонкий расчет защитников полностью оправдался, и Готар великолепно сыграл отведенную ему роль. Городские шутники пересмеивались, говоря, что своим гипсом Мишю укрепил не только столб, но и свои показания, государственный обвинитель плеснул в обвинительный раствор слишком много воды и де Симёзы теперь полностью обелены. Во Франции все становится поводом для шутки, она — полновластная царица: мы шутим на эшафоте, на Березине[68], на баррикадах, и наверняка найдется француз, который блеснет остроумием и на Страшном суде.

На следующий день были заслушаны свидетели обвинения — г-жа Марьон, г-жа Гревен, нотариус Гревен, камердинер сенатора и Виолетт.

---

[68] Примечания: 68

Березина (фр. *Bérézina*) — речь идет о сражении русской и французской армий на берегах реки Березина в ноябре 1812 года. Для французов по сей день выражения «Как на Березине» и «Это Березина!» означают полнейшую катастрофу и безнадежность.

Памятуя о предшествующих событиях, несложно представить, какие они дали показания. Если по поводу того, действительно ли среди нападавших были четыре дворянина, свидетели еще высказывали некоторые сомнения, то насчет Мишю все были уверены беспрекословно. Фермер Бовизаж повторил перед судом реплику Робера д'Отсера. Крестьянин, приходивший в Сен-Синь, чтобы купить теленка, пересказал слово в слово фразу мадемуазель Лоранс. Эксперты подтвердили, что следы, оставленные лошадьми похитителей, как и заявило обвинение, совпадают со следами коней, принадлежащих дворянам. Это обстоятельство, разумеется, породило горячую дискуссию между г-ном де Гранвиллем и прокурором. Защитник призвал к ответу Сен-Синьского кузнеца, и в ходе прений было установлено, что за несколько дней до означенного события такие же подковы были проданы проезжим, которых никто в окрестностях прежде не видел. Помимо прочего, кузнец показал, что таким образом лошадей подковывают не только в конюшне Сен-Синь, но и во многих других в кантоне. И, наконец, лошадь, на которой обычно ездит Мишю, — удивительно, но факт! — была подкована в Труа, и среди следов в парке ничего похожего

не нашлось.

— Это обстоятельство было неизвестно двойнику г-на Мишю, — сказал де Гранвилль, глядя на присяжных, — и обвинению не удалось установить, что подсудимый воспользовался лошадью из конюшни шато-де-Сен-Синь.

Де Гранвилль в пух и прах разнес показания Виолетта о сходстве лошадей, которых тот видел издалека и… сзади. И все же, несмотря на усилия защиты, огромное количество улик свидетельствовало против Мишю. Государственный обвинитель, публика, судьи и присяжные — все (как и предвидела защита) склонялись к мысли, что виновность слуги сделает неоспоримой виновность его господ. Борден заранее предугадал ключевой момент дела и предоставил де Гранвилля в защитники Мишю — к сожалению, выдав тем самым свои секреты. Все, что имело отношение к бывшему управляющему Гондревиллем, вызывало животрепещущий интерес. До сих пор Мишю держался превосходно. При перекрестных допросах он сполна проявил проницательность, какой наделила его природа, и публике при виде этого пришлось признать его превосходство; и удивительная вещь! — тем больше она укрепилась в уверенности, что именно он — главный

злоумышленник. Были заслушаны свидетели защиты, чьим показаниям присяжные и закон обычно придают меньше значения, чем словам свидетелей обвинения, но судьи внимали им скорее для очистки совести. Прежде всего, ни Марту, ни г-жу д'Отсер не привели к присяге, равно как Катрин и чету Дюрье, которые состояли у подсудимых в услужении. Г-н д'Отсер показал, что действительно распорядился, чтобы Мишю поправил повалившийся столбик. Эксперты, чьи свидетельства были тут же заслушаны, подтвердили слова пожилого дворянина; однако они выставили в благоприятном свете и старшину присяжных, заявив, что при осмотре заграждения так и не смогли установить, когда именно был произведен ремонт — три недели или пару месяцев назад. Появление в зале мадемуазель де Сен-Синь вызвало живейшее любопытство, но, увидев кузенов на скамье подсудимых после двадцатитрехдневной разлуки, она пришла в такое смятение, что ее тут же сочли виноватой. Графиня испытала столь острое желание оказаться рядом с близнецами, что, как она сама потом признавалась, ей пришлось призвать на помощь все свое самообладание, чтобы подавить гнев, который подталкивал ее к убийству проку-

рора, — тогда в глазах всего света она оказалась бы такой же преступницей, как и они.

Лоранс чистосердечно призналась: по дороге в Сен-Синь увидела в парке дым и подумала, что там что-то горит. Но волнения у графини это не вызвало — слуги вполне могли жечь сорные травы.

— Однако позже я вспомнила об одной детали, которую и хочу представить на рассмотрение суда, — сказала она. — Под брандебурами моей амазонки и в складках гофрированного воротника я нашла крошечные частички, похожие на жженую бумагу. Наверное, их принесло ветром.

— Дыма было много? — спросил Борден.

— Да, — отвечала мадемуазель де Сен-Синь. — Я даже подумала о пожаре.

— Это может полностью изменить ход дела, — заявил Борден. — Я требую немедленно обследовать место, где горел огонь.

Председатель суда отдал соответствующие распоряжения.

Защита вызвала в качестве свидетеля Гревена, но на вопрос, известно ли ему что-то о пожаре, нотариус ответил: «Ничего». Однако стоило им с Борденом обменяться взглядами, как обоим все стало ясно. «Так вот в чем разгадка дела!» — ска-

зал себе старый прокурор. «Они подобрались к правде!» — подумал нотариус.

Разумеется, оба этих тертых калача понимали, что расследование ни к чему не приведет. Борден думал о том, что Гревен будет нем как рыба, а нотариус в это время мысленно поздравлял себя с тем, что вовремя уничтожил следы костра. Чтобы прояснить этот момент, второстепенный для судий и многим представлявшийся несерьезным, но оказавшийся в перспективе решающим для оправдания молодых людей, эксперты и Пигу после посещения парка заявили, что не нашли следов костра или пожара. Борден вызвал в суд двух рабочих, которые показали, что по приказу управляющего вскопали часть лужайки, где трава была выжжена, но на золу особого внимания не обратили. Управляющий, снова вызванный по просьбе защиты, показал, что, направляясь на маскарад в Арси, он проходил мимо особняка и повстречал сенатора. Мален указал место, которое следует перекопать, — он приметил его еще утром, прогуливаясь.

— Что там сожгли — сорняки или бумаги?

— Я не видел ничего, что указывало бы на то, что это были бумаги, — ответил управляющий.

— Но ведь, — вмешались защитники, — если

на этом месте сожгли сорняки, кто-то же должен был принести их и развести костер?

Показания кюре Сен-Синьского прихода и мадемуазель Гуже произвели благоприятное впечатление. После вечерни они отправились на прогулку в сторону леса и видели, как молодые люди и Мишю едут на лошадях в ту же сторону. Сан и нравственный облик аббата Гуже не позволяли усомниться в его словах.

Речь прокурора, уверенного в том, что приговор будет обвинительным, вполне соответствовала законам жанра. Подсудимых он представил закоренелыми врагами Франции, ее институций и законов и тяготеющими к анархии. Несмотря на их причастность к покушениям на жизнь императора, на тот факт, что они служили в армии Конде, Наполеон, этот великодушный суверен, приказал вычеркнуть их из эмигрантских списков. И чем же они отплатили за милосердие?! Были произнесены велеречивые аргументы, которые в свое время приводились в пользу Бурбонов и в пику бонапартистам, а теперь применяются против республиканцев и легитимистов — для прославления младшей ветви. Эти затертые клише, которые еще могли бы иметь какой-то смысл при стабильном правительстве,

покажутся как минимум комичными, когда история докажет, что во все времена прокуроры говорят одно и то же. Здесь уместно будет вспомнить остроту, пришедшую из прежних, более смутных времен: «Вывеска поменялась, а вино все то же!» Государственный обвинитель, один из выдающихся генеральных прокуроров Империи, разгадал в этом правонарушении намерение вернувшихся на родину эмигрантов выразить протест против конфискации их имущества. Он заставил публику содрогнуться, когда стал описывать бедственное положение сенатора, а затем — искусно, с уверенностью, что его рвение принесет плоды, — собрал воедино улики, полуулики и предположения и преспокойно вернулся на место, ожидая атаки оппонентов.

Г-н де Гранвилль прежде не выступал на уголовном процессе, но это выступление его прославило. Во-первых, его защитительная речь отличалась живым красноречием, которым нас сегодня так восхищает Беррье. Во-вторых, он верил в невиновность подсудимых, а это — один из главных источников убедительной риторики. Приведем основные тезисы его речи, опубликованной в полном объеме в газетах того времени. Для начала г-н де Гранвилль представил историю жизни

Мишю в истинном свете. Это был прекрасный рассказ, ибо в нем говорилось о высоких чувствах; он нашел отклик во многих сердцах. Когда Мишю услышал, как этот выразительный голос говорит в его оправдание, слезы брызнули из его желтых глаз и потекли по страшному лицу. Он наконец предстал перед всеми таким, каким был на самом деле, — простым и лукавым, как дитя; человеком, чья жизнь подчинена единственной идее, единственной цели. В одно мгновение все стало понятно — в особенности благодаря его слезам, которые произвели большое впечатление на присяжных. Умелый защитник воспользовался этим, чтобы усомниться в словах обвинения.

— Где состав преступления? Где сенатор? — вопрошал он. — Вы обвиняете нас в том, что мы его замуровали, упрятали за стеной из камня и штукатурки! Но если так, только нам известно, где находится жертва, и за те двадцать три дня, что вы содержите нас под стражей, узник умер без воды и пищи! Если так, мы — убийцы, однако вы не обвиняете нас в убийстве. Однако если сенатор жив, у нас должны быть сообщники; а если они у нас есть и если сенатор жив, почему мы до сих пор не предъявили его суду? Намерения, которые вы нам приписываете, уже не могут

осуществиться; так к чему нам отягчать ситуацию? И если месть не удалась, разве не лучше покаяться и попросить о прощении? Но нет, мы стоим на своем, продолжая удерживать в заточении человека, от которого уже ничего не сможем получить! Разве это не абсурд? Можете забрать гипс себе, делу он не поможет, — сказал г-н де Гранвилль государственному обвинителю. — Мы же — либо преступные безумцы, чему вы сами не верите, либо невинные жертвы обстоятельств, в равной степени необъяснимых для нас и для вас! На вашем месте я бы заинтересовался документами, сожженными в шато Гондревилль; они могли бы поведать об интересах куда более животрепещущих, нежели наши, а также о том, кто и зачем похитил сенатора.

Эту гипотезу защитник развил с поразительным мастерством, а также в выгодном свете представил моральные качества свидетелей защиты — людей религиозных, верующих и в вечную жизнь, и в вечные муки. В этот момент г-н де Гранвилль был великолепен и сумел вызвать у аудитории глубокие эмоции.

— Но что же мы видим? — продолжал он. — Узнав от кузины о похищении сенатора, наши преступники преспокойно садятся ужинать! И

когда жандармский офицер предлагает им способ разом покончить со всеми затруднениями, они отказываются выдать сенатора; они не понимают, чего вообще от них хотят!

Тут защитник возвратился к мысли о том, что существуют какие-то таинственные обстоятельства, ключ к пониманию которых находится в руках Времени; они могли бы пролить свет на несправедливые обвинения. Следующий шаг его был гениален в своей дерзости: г-н де Гранвилль поставил себя на место присяжного и уже от его имени рассказал, о чем он говорит с другими членами коллегии и насколько несчастным он бы себя чувствовал, если бы проголосовал за жестокий приговор, а потом выяснилось бы, что это была ошибка. Г-н де Гранвилль так красочно описал угрызения совести, был так убедителен, упоминая о сомнениях, которые заронило в его сердце выступление защитника, что вызвал у присяжных чрезвычайное волнение.

Присяжные еще не пресытились такого рода речами; они поддались очарованию новизны; их уверенность пошатнулась. После вдохновляющей речи г-на де Гранвилля им предстояло еще услышать выступление хитроумного и убедительного в своих аргументах прокурора Бордена,

защитника господ де Симёз. Тот рассмотрел дело со всех сторон, подчеркнул сомнительные моменты и убедительно доказал, что здравомыслящему человеку объяснить их невозможно. Он так же эффективно взывал к разуму и логике, как г-н де Гранвилль — к сердцу и воображению присяжных. В итоге Борден смог так основательно запутать присяжных, призвав на помощь серьезные доводы, что нагромождение аргументов государственного обвинителя рухнуло. И это было настолько очевидно, что адвокат господ д'Отсер и Готара, положившись на благоразумие коллегии присяжных, решил, что обвинения в адрес его подзащитных рассматриваться не будут. Обвинитель попросил перенести ответную речь на завтра. Напрасно Борден (который видел, что присяжные готовы вынести оправдательный приговор, если только совещание коллегии состоится сейчас, после выступлений защиты) пытался возражать, основываясь на праве и на фактах и напоминая, что для их подзащитных это будет еще одна ночь, проведенная в тревоге, — суд, посовещавшись, вынес решение.

— Интересы общества представляются мне не менее важными, нежели интересы подсудимых, — сказал председатель. — Было бы

вопиющей несправедливостью отказать в подобной просьбе защите, поэтому и обвинение имеет на это право.

— К несчастью, фортуна переменчива, — сказал, глядя на своих клиентов, Борден. — Сегодня вас могли бы оправдать, но завтра могут и осудить.

— Как бы то ни было, — сказал старший из де Симёзов, — нам остается лишь восхищаться вами.

В глазах у мадемуазель де Сен-Синь стояли слезы. Она не забыла сомнений защитников и не надеялась на такой успех. Графиню поздравляли, в один голос уверяя, что ее кузенов оправдают. Кто же мог знать, что в деле назревает сенсационный поворот — самый ошеломляющий, самый ужасный и непредвиденный из всех, что когда-либо меняли ход судебного разбирательства.

Глава 20
Неожиданный поворот

На следующий день после защитительной речи г-на де Гранвилля, в пять утра, сенатора нашли на дороге, ведущей в Труа. Неизвестные избавители сняли с Малена оковы, пока он спал, и вот — сенатор направил свои стопы в Труа, ничего не зная ни о процессе, ни о резонансе, который его похищение вызвало в Европе; он был счастлив уже оттого, что дышит свежим воздухом. Человек, который был основным действующим лицом этой драмы, узнав о происходящем, удивился не меньше, нежели те, кто подобрал его на дороге. Малена снабдили фермерской повозкой, на которой он и отправился к префекту, в Труа. Префект моментально сообщил о случившемся старшине присяжных, правительственному комиссару и публичному обвинителю, и те, выслушав рассказ графа де Гондревилля, отправили наряд за Мартой, которую вытащили из постели в доме Дюрье, в то время как старшина присяжных составлял и обосновывал ордер на ее арест. Мадемуазель де Сен-Синь, которая была на поруках, то есть услов-

но свободна, также разбудили ото сна — то был один из тех редких моментов, когда она сумела забыться, отрешиться от бесконечных тревог, — и доставили в префектуру для допроса. Директор тюрьмы получил приказ ограничить общение обвиняемых с внешним миром, включая встречи с адвокатами. В десять утра публике объявили, что судебное заседание перенесено и начнется в час пополудни.

Эта перемена, а также новости об освобождении сенатора, аресте Марты и мадемуазель де Сен-Синь, запрет всяческих сношений с подсудимыми посеяли смятение в отель-де-Шаржбёф. Любопытные, собравшиеся в Труа, чтобы присутствовать на процессе, командированные газетами стенографы, простой люд — все были охвачены волнением, которое легко понять. Аббат Гуже около десяти утра пришел повидаться с г-ном и г-жой д'Отсер и защитниками. Они все вместе сели за стол, накрытый к завтраку, но разве можно в таких обстоятельствах думать о еде? Кюре отвел Бордена и г-на де Гранвилля в сторонку и передал им откровения Марты и обрывок полученного ею письма. Защитники переглянулись, после чего Борден сказал священнику:

— Ни слова об этом! Мы полагаем, что все

потеряно. Попытаемся хотя бы сохранить самообладание!

У Марты не хватило сил противиться давлению со стороны старшины присяжных и государственного обвинителя, объединивших усилия. Улик против нее действительно было много. По указке сенатора Лешено поручил своим людям привезти принесенную Мартой в последний ее визит корку хлеба, которую он оставил в подземелье вместе с бутылками из-под вина и еще некоторыми предметами. Сидя взаперти, Мален долгими часами размышлял над ситуацией и искал приметы, которые помогли бы ему опознать своих врагов; разумеется, он поделился с магистратом своими соображениями. Ферма Мишю была построена недавно, и печь в ней наверняка была новой; кирпич и гончарная плитка, которыми выложен под, имеют особый рисунок; он отпечатывается на донышке ковриг и может служить доказательством того, что их испекли именно в этой печи. Винные бутылки, запечатанные зеленым сургучом, наверняка окажутся сходными с теми, что хранятся в погребе Мишю. Эти изощренные рекомендации, переданные Маленом мировому судье, который, прихватив с собой Марту, отправился обыскивать ее дом, привели к

ожидаемым результатам. Поверив притворному добродушию, с каким Лешено, государственный обвинитель и правительственный комиссар стали убеждать ее в том, что лишь чистосердечное признание спасет жизнь ее мужа, в момент, когда ей были предъявлены улики, представлявшиеся неоспоримыми, Марта сдалась и созналась, что местонахождение подземелья, где удерживали сенатора, было известно только Мишю, господам де Симёз и д'Отсер и что она трижды, по ночам, приносила узнику еду. Лоранс, которую на допросе спросили о тайном укрытии под холмом, вынуждена была признать, что его в свое время обнаружил Мишю и показал ей, прежде чем они воспользовались им, чтобы спрятать кузенов от полиции.

Когда показания обеих женщин были получены, присяжных и адвокатов призвали в зал суда. В три пополудни председатель объявил заседание открытым и добавил, что в деле появились новые обстоятельства. Он продемонстрировал Мишю три винные бутылки и спросил, ему ли они принадлежат, а затем указал на сходство остатков воска на пустых бутылках с сургучом на непочатой — той, которую мировой судья утром взял на ферме в присутствии его супруги. Мишю

не захотел признать бутылки своими, но эти новые улики впечатлили присяжных: председатель объяснил, что пустые бутылки найдены в том месте, где удерживали сенатора. Всех подсудимых по очереди спросили о подземелье, расположенном под руинами монастыря. В ходе прений, последовавших за повторным допросом свидетелей обвинения и защиты, было установлено, что об убежище, найденном Мишю, знали только он, Лоранс и четыре молодых дворянина. Легко представить реакцию публики и присяжных, когда государственный обвинитель заявил, что это подземелье, известное лишь обвиняемым и паре свидетелей, и послужило сенатору тюрьмой! В зал ввели Марту. Ее появление до крайности взволновало как публику, так и подсудимых. Г-н де Гранвилль встал, чтобы выразить протест: жена не может свидетельствовать против мужа. На это государственный обвинитель возразил, что, по ее собственному признанию, Марта является соучастницей правонарушения. Ей не придется ни присягать, ни свидетельствовать; ей лишь нужно высказаться в интересах истины.

— Что ж, мы можем попросту зачитать протокол ее допроса, проведенного старшиной присяжных, — сказал председатель.

По его указанию секретарь суда прочел составленный утром документ.

— Вы подтверждаете свои показания? — спросил председатель.

Мишю посмотрел на жену, и Марта, осознав свою ошибку, упала без чувств. Не будет преувеличением сказать, что и подсудимые, и их защитники были так потрясены, словно посреди зала ударила молния.

— Я ни разу не писал жене из тюрьмы и не знаком ни с кем из ее работников, — сказал Мишю.

Борден передал ему фрагмент письма. Мишю хватило одного взгляда.

— Мой почерк подделали! — вскричал он.

— Вам больше ничего и не остается, как все отрицать, — сказал государственный обвинитель.

Со всеми приличествующими его рангу церемониями в зал ввели сенатора. Его появление произвело сенсацию. Мален, которого представители магистрата безо всякого снисхождения к бывшим владельцам этой прекрасной усадьбы именовали графом де Гондревиллем, по предложению председателя долго и с большим вниманием вглядывался в лица подсудимых. Он признал, что похитители были одеты точно так же, как эти господа на судебной скамье, но в мо-

мент похищения он был так изумлен и напуган, что не поручится, что это были именно они, а не кто-либо другой.

— Более того, — продолжал Мален, — я убежден, что господа дворяне не замешаны в этом деле. У человека, который завязывал мне глаза в лесу, были огрубевшие руки. Скорее я поверю, — он взглянул на Мишю, — что к похищению причастен мой бывший управляющий, однако попрошу господ судей как следует взвесить мои показания. Я далек от уверенности, и мои подозрения на этот счет — всего лишь подозрения, не более. И вот почему: мужчин, которые меня схватили, было двое; они посадили меня на лошадь позади того, кто завязывал мне глаза. Волосы у него были рыжие, как у обвиняемого — Мишю. Вы можете счесть мои дальнейшие соображения странными, но я обязан ими поделиться, поскольку в их основе лежит сомнение, благоприятное для обвиняемого. Прошу вас, не удивляйтесь. Меня привязали к спине незнакомца, и, пока мы ехали, я вынужден был вдыхать его запах. И это был не тот своеобразный запах, который присущ Мишю. Что же касается особы, трижды приносившей мне еду, я уверен — это была Марта, жена Мишю. Первый раз я узнал ее по кольцу, подарку

мадемуазель де Сен-Синь; она не позаботилась о том, чтобы его снять. Суд и господа присяжные учтут противоречия в приведенных мной фактах, которые я пока еще не могу для себя объяснить.

Показания Малена были встречены благосклонным шепотом и единодушным одобрением. Борден испросил у суда позволения задать этому ценному свидетелю несколько вопросов.

— Смею предположить, господин сенатор считает, что причиной его заточения послужили иные интересы — не те, которые суд приписывает обвиняемым?

— Разумеется! — сказал Мален. — Но мотивы похитителей мне неизвестны. Как я уже сказал, за двадцать дней, проведенных в подземелье, меня никто не посещал.

— По вашему мнению, — задал вопрос государственный обвинитель, — могут ли в Гондревилле сейчас находиться какие-то письма, ценные бумаги или документы иного рода, ради которых господам де Симёз понадобилось бы обыскивать дом?

— Не думаю, — сказал сенатор. — Я считаю, что, даже если бы какие-то документы и оставались в доме, эти господа не стали бы отнимать их силой. Им достаточно было бы их у меня попросить.

— А не приказывал ли господин сенатор сжечь некие бумаги в своем парке? — неожиданно спросил де Гранвилль.

Мален посмотрел на Гревена. После этого быстрого обмена взглядами, не укрывшегося от Бордена, сенатор ответил, что ничего подобного не делал. Государственный обвинитель попросил рассказать подробнее о засаде в парке Гондревилля, жертвой которой Мален едва не стал. Не привиделось ли ему дуло карабина? На это сенатор отвечал, что Мишю сидел на дереве и явно подстерегал кого-то. Этот ответ, совпадавший с показаниями нотариуса Гревена, вызвал живой отклик у публики. Молодые же де Симёзы слушали показания своего врага, проявившего по отношению к ним неожиданное благородство, с невозмутимым спокойствием. Лоранс испытывала ужаснейшие страдания, и маркизу де Шаржбёфу то и дело приходилось удерживать ее за руку. Кивнув четверым подсудимым, которые не ответили на его приветствие, граф де Гондревилль удалился. Казалось бы, мелочь, однако присяжные возмутились.

— Все пропало, — шепнул Борден на ухо маркизу.

— Увы! Их погубило собственное прекрасноду-

шие! — ответил г-н де Шаржбёф.

— Что ж, господа, принять решение нам будет проще, чем когда-либо, — сказал государственный обвинитель, вставая и глядя на присяжных.

По его мнению, два мешка гипса понадобились для того, чтобы вмуровать в стену металлическую петлю навесного замка, с помощью которого и запиралась дверь в подземелье; замок этот был подробно описан в протоколе, составленном утром г-ном Пигу. Он легко доказал, что только обвиняемые знали об этом подземелье; поставил на вид лживость линии защиты, стер в порошок все ее аргументы благодаря новым уликам, появившимся в деле столь чудесным образом. В 1806 году были еще очень свежи воспоминания о Верховном существе[69] 1793 года, чтобы говорить о божественной справедливости, поэтому он не стал упоминать перед присяжными о вмешательстве свыше. В завершение своей речи прокурор заявил, что Правосудие не обойдет своим вниманием неизвестных сообщников, освободивших сенатора, и занял свое место, с уверенностью ожидая вердикта.

---

[69] Примечания: 69

Культ Верховного существа — гражданская религия в деистическом духе, внедрявшаяся во время Великой французской революции в виде ряда официальных государственно-революционных празднеств.

Присяжные понимали, что за всем этим кроется какая-то тайна; при этом они, все до единого, были убеждены, что ключ к тайне — в руках у подсудимых, которые молчат в силу личных, весьма важных для них интересов.

Г-н де Гранвилль, который более не сомневался в том, что происходящее — одна сплошная фальсификация, встал. Он выглядел удрученным. Причем удручали его не столько новые, внезапно возникшие улики, сколько очевидная убежденность присяжных. Пожалуй, его новая речь превзошла вчерашнюю. Она была более логичной и сжатой. Однако г-н де Гранвилль чувствовал, что его горячность наталкивается на отчуждение присяжных; он говорил в пустоту и понимал это. Для адвоката — положение ужасное, леденящее кровь. Он обратил внимание присяжных на тот факт, что сенатора освободили словно по волшебству, — и это сделали уж точно не подсудимые и не Марта! — и это только подтверждает его первоначальные выводы. Вне всяких сомнений, вчера его клиенты еще рассчитывали на оправдательный приговор; и если, как предполагает обвинение, они вольны были удерживать сенатора или даровать ему свободу, они бы ни за что не отпустили его, прежде чем

вердикт присяжных был бы оглашен. Адвокат попытался донести до судей, что только тайный враг, и никто более, мог нанести этот удар.

И странная вещь! Если речь г-на де Гранвилля и заставила сомневаться государственного обвинителя и судей, присяжные выслушали ее исключительно из чувства долга. Даже публика в зале, прежде столь снисходительная к подсудимым, уверовала в их виновность. Воображение взяло верх над фактами. В ходе процесса измышления толпы довлеют над судьями, над присяжными — и наоборот. Уловив направление мысли присутствующих — трудно сказать, ощущается это на уровне разума или чувств, — защитник завершил речь страстным призывом, вложив в него всю силу убеждения.

— От имени подсудимых я прощаю ваше фатальное заблуждение, развеять которое не под силу ничему! — вскричал он. — Все мы стали игрушками в руках неведомой, макиавеллиевской силы, а Марта Мишю — еще и жертвой отвратительного вероломства, но общество поймет это только тогда, когда несчастье произойдет и его уже невозможно будет исправить!

Апеллируя к показаниям сенатора, г-н Борден потребовал для своих подзащитных оправдатель-

ного приговора.

Председатель объявил о прекращении прений с беспристрастием, какое давала ему очевидная убежденность присяжных: они уже все для себя решили. Он даже попытался склонить чашу весов в пользу подсудимых, упомянув о показаниях сенатора. Эта снисходительность нисколько не помешала обвинению восторжествовать. В одиннадцать вечера на основании ответов коллегии присяжных на все вопросы, которые были заданы им согласно процедуре, суд приговорил Мишю к смертной казни, господ де Симёз — к двадцати четырем годам принудительных работ, а господ д'Отсер — к десяти. Готара оправдали. Всем, кто находился в зале, не терпелось увидеть лица пяти осужденных в решающий момент судилища — когда они, представ перед судом свободными, услышат приговор. Четыре дворянина взглянули на Лоранс, которая ответила им воспаленным, лишенным слез взглядом святой мученицы.

— Она заплакала бы, если бы нас оправдали, — сказал брату младший из де Симёзов.

Никогда еще осужденные не выглядели такими безмятежными, не встречали с таким достоинством несправедливое обвинение, как эти пять жертв отвратительного заговора.

— Наш защитник простил вас, — сказал, обращаясь к суду, старший из близнецов де Симёз.

Г-жа д'Отсер слегла и в течение трех месяцев оставалась прикованной к постели в отель-де-Шаржбёф. Ее супруг мирно возвратился в Сен-Синь; но его точило горе, которое старики, которым отказано в развлечениях, переносят тяжелее, чем молодые; кюре, видя его задумчивость, склонялся к тому, что несчастный отец мыслями все еще находится в зале суда. Марту судить не довелось: она умерла в тюрьме через три недели после того, как Мишю вынесли приговор. Она угасла на руках у Лоранс, поручив сына ее заботам. Едва было обнародовано решение суда, как его настолько затмили политические события высочайшей важности, что о деле де Симёзов больше никто и не вспомнил. Общество, подобно океану, утихает и возвращается в привычные берега после бури, следы которой стирает постоянное волнение ненасытных страстей и устремлений…

Если бы не ее душевная сила и уверенность в невиновности кузенов, Лоранс сломалась бы; вместо этого она явила новые доказательства величия своего характера, удивив господ де Гранвилля и Бордена внешней безмятежностью, — это

был отпечаток, который накладывают на прекрасные души ужасные несчастья. Графиня трепетно ухаживала за г-жой д'Отсер и ежедневно два часа проводила в тюрьме. Она сказала, что выйдет замуж за одного из кузенов, когда их отправят на каторгу.

— На каторгу! — вскричал Борден. — Мадемуазель, прошу вас, не говорите так! Мы попросим милости у императора!

— Просить о помиловании у Бонапарта? — ужаснулась Лоранс.

Очки соскользнули с носа старого прокурора; он успел подхватить их, прежде чем они упали. Борден посмотрел на молодую особу, отметив про себя, что перед ним уже не девушка, а взрослая женщина. Только теперь он до конца постиг ее характер. Взяв старого маркиза де Шаржбёфа за руку, Борден сказал:

— Господин маркиз, едемте немедленно в Париж и спасем их — без ее участия!

Глава 21
В бивуаке императора

Ходатайство о помиловании господ де Симёз, д'Отсер и Мишю было первым делом, рассмотренным Кассационным судом. Церемонии, сопровождавшие его учреждение, к счастью, привели к тому, что постановление вышло с задержкой.

В конце сентября, после трех судебных заседаний, на которых были заслушаны речи защитников и генерального прокурора Мерлена, который сам взялся вести это дело, ходатайство было отвергнуто. Тогда же был создан Парижский имперский суд, и г-н де Гранвилль был назначен помощником генерального прокурора. Департамент Об находился в юрисдикции этого суда, и новая должность дала г-ну де Гранвиллю возможность предпринять кое-какие меры в пользу осужденных. Он обратился за содействием к своему покровителю Камбасересу. На следующий день после отклонения ходатайства Борден и г-н де Шаржбёф явились к нему домой, в особняк в парижском квартале Марэ, где г-н де Гранвилль

наслаждался медовым месяцем — между делом он успел жениться. Несмотря на множество событий, произошедших в жизни бывшего защитника Мишю, было видно, что он огорчен отказом Кассационного суда, и г-н де Шаржбёф пришел к выводу, что, даже став помощником генерального прокурора, де Гранвилль остается верен своим клиентам. Некоторые адвокаты, настоящие мастера своего дела, к процессам, которые ведут, относятся столь же трепетно, как и к любовницам. Однако это — редкий случай, и полагаться на него не стоит. Оставшись в кабинете наедине с бывшими клиентами, г-н де Гранвилль сказал маркизу:

— Не ожидал вашего визита. Я уже исчерпал все свои возможности. Даже не пытайтесь спасти Мишю, ибо тогда вы не добьетесь помилования для де Симёзов. Правосудию нужна жертва.

— Боже мой! — воскликнул Борден, показывая молодому юристу три ходатайства о помиловании. — Могу ли я самовольно изъять прошение вашего бывшего подзащитного? Бросить этот документ в огонь — все равно что отрезать ему голову!

Он указал на чистый лист с подписью Мишю. Г-н де Гранвилль взял его в руки и окинул взгля-

дом.

— Мы не можем его уничтожить. Но знайте! Попросив все, вы не получите ничего!

— У нас есть время на то, чтобы поговорить с Мишю? — спросил Борден.

— Да. Приказ об исполнении приговора издает генеральный прокурор, так что еще несколько дней мы можем вам дать. Закон убивает, — добавил он с горечью, — но с соблюдением всех формальностей, по крайней мере в Париже.

Г-н де Шаржбёф уже успел навести кое-какие справки у верховного судьи, а потому эти печальные слова де Гранвилля легли на его плечи тяжким бременем.

— Мишю невиновен, я это знаю, я это утверждаю, — продолжал юрист, — но что мы можем сделать — одни против всех? Подумайте и о том, что мне в моей нынешней должности полагается молчать. Я обязан возвести эшафот, на котором мой вчерашний подзащитный лишится головы!

Спасти де Симёзов ценой жизни Мишю… Г-н де Шаржбёф достаточно хорошо знал Лоранс, чтобы понимать, что она ни за что на это не согласится. Маркиз предпринял последнюю попытку. Он испросил аудиенции у министра иностранных дел, дабы узнать, возможно ли спасти осужден-

ных средствами высшей дипломатии. С собой он прихватил Бордена; тот был знаком с министром и оказал ему не одну услугу. Старики застали Талейрана глядящим на огонь. Он сидел у камина, вытянув ноги и опершись щекой на руку, а локтем — на стол. Рядом на полу лежала газета. Министр только что прочел постановление Кассационного суда.

— Прошу, садитесь, г-н маркиз, — сказал министр, — и вы, Борден, — добавил он, указывая последнему на стул, стоящий у стола напротив его собственного. — Пишите!

Сир,

четыре безвинных дворянина осуждены присяжными, и Ваш Кассационный суд оставил приговор без изменений.

Отныне помиловать их может только Ваше императорское величество, и они взывают к Вашему августейшему милосердию единственно для того, чтобы умереть, сражаясь у вас на глазах. С нижайшим почтением к Вашему императорскому величеству… и так далее.

— Только князья умеют просить так, чтобы им невозможно было отказать! — сказал маркиз де Шаржбёф, принимая из рук Бордена драгоцен-

ный набросок прошения, под которым четырем дворянам предстояло подписаться, и обещая себе раздобыть еще несколько подписей выдающихся персон — в их поддержку.

— Жизнь ваших родственников, г-н маркиз, — произнес министр, — сейчас зависит от военной удачи. Постарайтесь увидеться с императором на следующий день после победы, и они будут спасены!

Он взял перо и написал конфиденциальное письмо императору, а также еще десяток строк — маршалу Дюроку, затем позвонил в звонок, попросил секретаря принести дипломатический паспорт и спокойно сказал старому прокурору:

— Каково ваше истинное мнение по поводу этого процесса?

— Разве вы, мсье, не знаете, кто так ловко все подстроил?

— Догадываюсь, но хочу быть уверен, и на то есть свои причины, — отвечал князь де Талейран. — Возвращайтесь в Труа и привезите графиню де Сен-Синь — завтра же, в этот дом, примерно в это же время, но тайно. Вас проведут в покои мадам де Талейран, я ее предупрежу. Если мадемуазель де Сен-Синь узна́ет человека, который будет стоять передо мной, если окажет-

ся, что он приезжал к ней в тот период, когда расследовали заговор господ де Полиньяка и де Ривьера, что бы я ни говорил, что бы он ни отвечал — ни жеста, ни слова! Думайте только о спасении господ де Симёз и не заботьтесь больше о своем странном злодее-управляющем.

— О, это исключительный человек! — воскликнул Борден.

— Энтузиазм? Вот уж не ожидал от вас, Борден! Значит, в этом человеке действительно что-то есть. — Талейран тут же переменил тему. — Наш суверен чрезмерно самолюбив, господин маркиз, и намеревается отправить меня в отставку, дабы иметь возможность без помех совершать глупости. Он — великий солдат и умеет изменять законы пространства и времени; людей он изменить не сможет никогда, но будет стремиться переделать их по образцу, который сочтет для себя удобным. И прошу, помните одно: помилования для ваших родственников может добиться только одна-единственная особа… И это — мадемуазель де Сен-Синь!

Маркиз в одиночестве уехал в Труа и рассказал Лоранс, как обстоят дела. Графиня добилась позволения генерального прокурора повидать Мишю, и маркиз проводил ее до входа в тюрьму,

где и остался ее ждать. Лоранс вышла в слезах.

— Несчастный! — сказала она. — Он пытался встать на колени, прося меня больше о нем не заботиться, — забыл, что у него на ногах кандалы! Ах, маркиз, я буду просить, чтобы его помиловали! Да, я поеду и буду целовать императору ноги. И если мои усилия окажутся тщетными, сделаю все, чтобы память о нем вечно жила в нашей семье. Подайте новое ходатайство о его помиловании, чтобы выиграть время; я хочу заказать его портрет. Едемте!

На следующий день, увидев условный сигнал, означавший, что Лоранс заняла предназначенное ей место, министр внешних дел позвонил в звонок и приказал явившемуся на зов секретарю ввести г-на Корантена.

— Милейший, вы — человек весьма предприимчивый, — сказал ему Талейран. — Я хочу взять вас к себе на службу.

— Ваша светлость…

— Сперва выслушайте! Служа Фуше, вы заработаете состояние, но не получите ни почестей, ни завидной должности. Но с блеском исполняя мои поручения, как вы только что проделали это в Берлине, вы обретете значимость.

— Ваша светлость, вы очень добры…

— В последнем своем деле, в Гондревилле, вы продемонстрировали свой талант…

— О чем вы, ваша светлость? — спросил Корантен, не выказывая ни особой холодности, ни особого удивления.

— Мсье, вы ничего не добьетесь, — последовал сухой ответ. — Вы боитесь…

— Чего же, ваша светлость?

— Смерти! — произнес министр своим красивым, гулким и глубоким голосом. — Прощайте, милейший!

— Это он! — сказал маркиз де Шаржбёф, входя в кабинет. — Но мы едва не довели графиню до могилы. Она задыхается!

— Никто, кроме него, не способен на такие ухищрения, — отвечал министр. — Мсье, успех вашей миссии под угрозой, — продолжал он. — Поезжайте по дороге на Страсбург, я отправлю вслед за вами незаполненные бланки паспортов. Подыщите себе двойников, меняйте половчее маршрут и в особенности кареты. Устройте так, чтобы в Страсбург прибыли ваши двойники, а сами через Швейцарию и Баварию отправляйтесь в Пруссию! Никому ни слова, будьте крайне осмотрительны. Против вас — полиция, и вы не представляете, на что она способна…

Мадемуазель де Сен-Синь предложила Роберу Лефевру достаточное вознаграждение, дабы он приехал в Труа и написал портрет Мишю. Г-н де Гранвилль пообещал этому художнику, в то время находившемуся на пике славы, всячески облегчить его работу. Г-н де Шаржбёф и Лоранс выехали в его старенькой полуберлине, прихватив с собой слугу, говорящего по-немецки. В окрестностях Нанси они догнали Готара и мадемуазель Гуже, которые выехали чуть раньше в великолепном экипаже. Лоранс и маркиз пересели в этот экипаж, а им отдали свою полуберлину. Министр не ошибся: в Страсбурге главный комиссар полиции отказался завизировать паспорт путешественников, ссылаясь на строгость полученных им распоряжений. В то же самое время маркиз с Лоранс выезжали из Франции через Безансон с дипломатическими паспортами. Лоранс оказалась в Швейцарии в первые дни октября, однако ее совершенно не волновали мелькавшие за окном прекрасные пейзажи. Она забилась вглубь кареты, погруженная в оцепенение, подобное тому, в которое впадает преступник, когда узнает о времени казни. В такие моменты все вокруг словно заволакивает жарким паром и самые обыденные вещи приобретают фантастические

формы. Мысль: «Если у меня ничего не выйдет, они умрут!» — обрушивалась на душу Лоранс снова и снова, как некогда топор палача обрушивался на его жертв при четвертовании. Графиня чувствовала себя все более разбитой; она теряла жизненную силу в ожидании жестокой минуты, решающей и быстротечной, когда она окажется лицом к лицу с человеком, от которого зависит жизнь де Симёзов и д'Отсеров. Для себя она решила, что не станет даже пытаться побороть эту слабость, — чтобы не тратить силы попусту. Маркизу не дано было понять эту расчетливость сильных духом, который внешне проявляется по-разному (ибо в напряженном ожидании иные, наиболее утонченные умы предаются неожиданной веселости), и он испугался, что не довезет Лоранс живой на эту встречу, имеющую для них особое значение и, бесспорно, выходящую за рамки повседневной жизни. Для графини унизиться перед этим человеком, ненавидимым и презираемым ею, означало гибель ее благородных устремлений.

— Одна Лоранс вот-вот погибнет, другая — уцелеет. Но это будет уже не та Лоранс, — сказала она.

Оказавшись на территории Пруссии, путеше-

ственники, разумеется, не могли не заметить, что на дорогах стало гораздо больше солдат и повозок. Началась Прусская кампания Наполеона. Лоранс и старый маркиз наблюдали за тем, как великолепные дивизии французской армии выстраиваются и маршируют, словно на параде в Тюильри. В окружении этой военной мощи, описать которую можно лишь словами и картинами из Библии, человек, вдохновлявший всю эту массу, представлялся Лоранс исполином. Скоро ее ушей достигли вести о победе: армия Империи разгромила противника на двух ключевых направлениях. Накануне приезда путешественников в Заальфельд (они пытались настичь Наполеона, перемещавшегося с молниеносной быстротой) стало известно, что погиб принц Пруссии. Наконец 13 октября — дурное предзнаменование! — мадемуазель де Сен-Синь оказалась на дороге, проходящей вдоль реки, в окружении войск Великой армии. Лоранс уже устала видеть вокруг себя сумятицу, переезжать от деревни к деревне и от дивизии к дивизии, томиться в обществе старика и чувствовать себя потерянной в этом океане из ста пятидесяти тысяч штыков, наставленных на всё те же сто пятьдесят тысяч — но уже в руках противника.

Ей надоело смотреть на реку через изгородь, отделявшую ее от грязного тракта, поднимавшегося на вершину холма, и она спросила у встречного солдата, что это за река.

— Она называется Заале, — отвечал он, указывая на значительные силы пруссаков, расположившиеся на противоположном берегу.

Сгущались сумерки, и Лоранс видела, как вокруг зажигаются огни и поблескивает оружие. Престарелый маркиз, сидя рядом со своим новым слугой, с поистине рыцарской отвагой сам правил парой отменных лошадей, купленных накануне. Он прекрасно понимал, что на поле битвы не найдет ни форейторов, ни лошадей. Неожиданно лихой экипаж, при виде которого изумлялись все солдаты, был остановлен армейским жандармом, накинувшимся на маркиза с криком:

— Кто вы такие? Куда направляетесь? Что вам нужно?

— Мы ищем императора, — сказал маркиз де Шаржбёф. — У меня важная министерская депеша для гран-маршала Дюрока!

— Вам нельзя здесь оставаться, — сказал жандарм.

Однако мадемуазель де Сен-Синь и маркизу все же пришлось остаться — наступала ночь.

— Где мы? — спросила графиня, останавливая двух офицеров, чьи мундиры были прикрыты суконными сюртуками.

— Вы — в самом авангарде французской армии, мадам, — отвечал один из офицеров. — Но вам следует как можно скорее уехать: если враг перейдет в атаку или начнется артиллерийский обстрел, вы окажетесь меж двух огней.

— Ах, вот как… — с безразличным видом вздохнула Лоранс.

Услышав этот вздох, другой офицер сказал:

— Как эта женщина вообще тут оказалась?

— Мы дожидаемся жандарма, который ушел сообщить о нас г-ну Дюроку. Мы надеемся на его протекцию: нам нужно повидать императора.

— Повидать императора? — спросил первый офицер. — Вы хотите говорить с ним накануне решающей битвы?

— Вы правы, — ответила графиня, — мне следует подождать до завтра. После победы он будет добрее.

Офицеры отъехали на два десятка шагов и остановились. Экипаж же окружила целая толпа генералов, маршалов, офицеров — все в великолепных мундирах. Никто не задавал маркизу и Лоранс никаких вопросов — карету просто

объезжали.

— Бог мой! Боюсь, это и был император, — обратился маркиз к мадемуазель де Сен-Синь.

— Император? Так вот же он! — сказал стоящий поблизости генерал-полковник.

Лоранс посмотрела на человека, находившегося в нескольких футах от кареты — в одиночестве, чуть впереди остальных, — того самого, который спросил: «Как эта женщина вообще тут оказалась?» Этот офицер — будем теперь называть его императором — был в своем знаменитом рединготе, накинутом поверх зеленого мундира, и сидел верхом на белом коне с богатой сбруей. Через лорнет он оглядывал позиции прусской армии, расположившейся на противоположном берегу Заале. Теперь Лоранс стало ясно, почему их экипаж остановили именно тут и почему императорская свита не задавала вопросов. Молодая женщина конвульсивно содрогнулась: час настал. Вблизи глухо топали солдаты и перемещались орудия: армия в ускоренном темпе разворачивалась на плато — том самом, на котором они сейчас находились. Батареи, казалось, говорили на особом языке; лязгали зарядные ящики, сверкали бронзой пушки.

— Маршал Ланн со своим корпусом займут

передовые позиции, маршал Лефевр с гвардией переместятся на этот холм, — сказал второй офицер, оказавшийся генерал-майором Бертье.

Император спешился, и Рустан, его знаменитый мамелюк, тут же подбежал, чтобы придержать коня. Лоранс не могла опомниться от изумления; такая простота казалась ей невероятной.

— Я останусь ночью на плато, — сказал император.

В эту минуту к маркизу де Шаржбёфу приблизился гран-маршал Дюрок, которого разыскал наконец жандарм, и спросил о цели его приезда. Маркиз ответил, что письмо министра иностранных дел объяснит ему, насколько важно для них с мадемуазель де Сен-Синь получить аудиенцию у императора.

— Его величество наверняка будет ужинать в своем бивуаке, — произнес Дюрок, принимая письмо. — Сейчас я разберусь, в чем, собственно, дело, и дам вам знать, возможно ли то, о чем вы просите. Капрал — обратился он к жандарму, — прошу вас сопроводить этот экипаж в арьергард, к хижине.

Г-н де Шаржбёф поехал за жандармом. Карета остановилась за домиком самого скромного вида, построенным из дерева и глины и окруженным

десятком фруктовых деревьев. Он находился под постоянной охраной отряда пехотинцев и кавалерии.

Нужно сказать, что война представала здесь во всем своем величии и великолепии. С вершины холма обе армии, освещенные луной, были видны как на ладони. После часового ожидания, во время которого непрерывно сновали туда-сюда адъютанты, за мадемуазель де Сен-Синь и маркизом де Шаржбёфом явился Дюрок. Он провел их внутрь хижины с глинобитным полом, какой обычно бывает в крытых гумнах. Со стола к этому времени уже убрали, и Наполеон сидел на простом деревенском стуле у очага, в котором дымились сырые дрова. Судя по грязным сапогам, днем императору пришлось немало пройти пешком. Он снял свой знаменитый редингот, и его не менее знаменитый зеленый мундир с надетой через плечо красной орденской лентой, оттененной белыми казимировыми кюлотами и белым же жилетом, подчеркивал бледность грозного, царственного лица. Рукой император придерживал развернутую на коленях карту. Перед ним стоял Бертье в своем блистательном мундире вице-коннетабля Империи.

Камердинер Констан как раз подал Наполеону

на подносе кофе.

— Что вам угодно? — спросил император с напускной резкостью, пронизывая Лоранс взглядом, словно лучом. — Вы уже не боитесь говорить со мной перед битвой? В чем дело?

— Сир, — произнесла графиня, глядя на него не менее пристально, — я — мадемуазель де Сен-Синь.

— И что же? — последовал сердитый вопрос.

Наполеону показалось, что своим взглядом она бросает ему вызов.

— Неужели вы не понимаете? Я — графиня де Сен-Синь, и я молю вас о милосердии, — проговорила Лоранс, падая на колени и протягивая императору прошение, составленное Талейраном, на котором также поставили свои подписи императрица, Камбасерес и Мален.

Наполеон милостиво помог просительнице подняться и, смерив ее проницательным взглядом, сказал:

— Неужели вы все-таки одумались и понимаете, какой должна быть Французская империя?

— Ах, сейчас я понимаю только императора! — отвечала Лоранс, сраженная простотой, с которой этот баловень судьбы произнес слова, дающие надежду на снисхождение.

— Они невиновны? — спросил Наполеон.

— Все до единого, — сказала она с энтузиазмом.

— Все? Ну нет, управляющий — опасный человек, который убил бы моего сенатора, не спросясь у вас…

— О сир, — произнесла графиня, — если бы у вас был друг и он рискнул ради вас всем, разве вы бы покинули его? Прошу вас, не…

— Вы — женщина, — сказал Наполеон с ноткой насмешки в голосе.

— А вы — железный человек! — ответила ему Лоранс с запальчивой суровостью, которая понравилась императору.

— Этот человек приговорен к смерти судом своей страны, — сказал он.

— Но он невиновен.

— Дитя! — проговорил Наполеон.

Он встал, взял мадемуазель де Сен-Синь за руку и вывел на открытое место на вершине холма.

— Смотрите! — сказал император с особенным, присущим только ему красноречием, делавшим трусов храбрецами. — Перед вами — триста тысяч солдат, и они тоже ни в чем не повинны. И завтра тридцать тысяч из них погибнут, умрут за свою страну. А ведь в рядах прусской армии

вполне может оказаться талантливый механик, идеолог, гений — и он также лишится жизни. В числе наших погибших тоже будет много одаренных людей, пусть и никому не известных. Да что там, лучший друг может погибнуть у меня на глазах! И буду ли я кого-то в этом винить? Нет. Я промолчу. Знайте же, мадемуазель: ради законов своей страны надо умирать, как мы умираем здесь ради ее славы, — добавил он, провожая графиню обратно к хижине. — А теперь возвращайтесь во Францию, — сказал Наполеон, глядя на маркиза. — Мои распоряжения будут посланы следом за вами.

Лоранс поверила, что наказание для Мишю будет смягчено, и в порыве пылкой благодарности опустилась на одно колено перед императором и поцеловала ему руку.

— Вы — г-н де Шаржбёф? — спросил Наполеон, разглядывая маркиза.

— Да, сир.

— У вас есть дети?

— Да, и много.

— Так почему бы вам не прислать ко мне кого-то из своих внуков? Он мог бы стать моим пажом…

«Теперь в нем заговорил подпоручик! — подумала Лоранс. — Он желает платы за свое

милосердие».

Маркиз молча поклонился. К счастью, в этот момент в хижину стремительно вошел генерал Рапп.

— Сир, гвардейская кавалерия и кавалерия великого герцога Бергского прибудут сюда не раньше чем завтра пополудни.

— Ничего! — сказал Наполеон, оборачиваясь к Бертье. — Нам дана отсрочка. И нужно суметь ею воспользоваться.

По знаку императора маркиз и Лоранс вышли и сели в карету. Капрал указал им дорогу и проводил до деревни, где они и заночевали. На следующий день путешественники покинули поле битвы под аккомпанемент восьми сотен орудий, рокотавших в течение десяти часов, и уже в пути узнали об удивительной победе при Йене. Через неделю они въезжали в пригород Труа. Приказом верховного судьи, переданным имперскому прокурору суда первой инстанции в Труа, четырех дворян предписано было отпустить на поруки в ожидании решения императора и короля; что же касается Мишю, его приговор получил подтверждение, и прокуратура отдала распоряжения насчет казни. Оба этих документа прибыли в один и тот же день, утром. Около

двух пополудни Лоранс в дорожном платье отправилась в тюрьму. Она добилась позволения оставаться рядом с Мишю во время печальной церемонии, получившей название «предсмертное одевание». Его причастил добрейший аббат Гуже, вызвавшийся проводить Мишю к эшафоту. Сам Мишю сожалел лишь о том, что умирает, не узнав, какая участь уготована его господам. Поэтому при виде Лоранс он вскрикнул от радости.

— Теперь я могу умереть, — сказал он.

— Они помилованы, но я не знаю, на каких условиях, — отвечала она. — Помилованы… Я сделала для тебя все, что могла, друг мой, хоть меня и отговаривали! Я верила, что спасла тебя, а оказалось, что своей монаршей любезностью император ввел меня в заблуждение.

— Так было предначертано свыше, — сказал Мишю. — Сторожевой пес умрет на том же месте, где были убиты его старые хозяева.

Последний час пролетел быстро. Когда пришло время выходить, Мишю попросил о единственной милости — поцеловать руку мадемуазель де Сен-Синь, но Лоранс подставила ему щеку и приняла святой поцелуй этого благородного мученика. В повозку Мишю садиться не пожелал.

— Невинные должны идти пешком! — произ-

нес он.

Мишю отказался опереться на руку аббата Гуже и решительно, с достоинством прошел к эшафоту. Перед тем как положить голову на плаху, он попросил палача отвернуть ворот редингота, закрывавшего ему шею: «Моя одежда достанется вам, постарайтесь ее не испортить».

Едва четыре дворянина успели повидаться с мадемуазель де Сен-Синь, как посыльный дивизионного генерала привез им патенты младших лейтенантов одного из кавалерийских полков и приказ явиться на сборный пункт в Байонну. После душераздирающего прощания — а все они предчувствовали, что готовит им будущее, — мадемуазель де Сен-Синь вернулась в опустевшее шато.

Близнецы умерли вместе на глазах у императора, защищая друг друга, в сражении при Сомосьерре, оба — в чине командира эскадрона. Их последними словами были: «Лоранс, умираю, не отступив!»

Старший из д'Отсеров погиб полковником, атакуя редут под Москвой, и брат заступил на его место.

Адриан, получив в битве при Дрездене чин бригадного генерала, там же был серьезно ранен

и отправлен в Сен-Синь на поправку. Стремясь спасти последнего из четырех молодых людей, которые так недолго радовали ее своим обществом, графиня, которой к тому времени исполнилось тридцать два года, вышла за него замуж. Она предложила Адриану свое увядшее сердце; он принял его — тот, кто любит, либо не сомневается ни в чем, либо же ничего не принимает на веру.

К Реставрации Лоранс отнеслась без энтузиазма: Бурбоны пришли слишком поздно для нее. Тем не менее жаловаться ей не пришлось: ее супруг произведен был в пэры Франции, и ему был пожалован титул маркиза де Сен-Синя, а в 1816 году он стал генерал-лейтенантом и кавалером ордена Святого Духа — за выдающиеся заслуги, оказанные в то время.

Сын Мишю, о котором Лоранс заботилась как о родном, в 1817 году стал адвокатом. После двухлетней практики он был назначен заместителем судьи в трибунале Алансона, а оттуда в 1827 году перешел на должность королевского прокурора в трибунал Арси. Лоранс, которая распоряжалась капиталом Мишю, в день совершеннолетия юноши передала ему ценные бумаги, дающие двенадцать тысяч ливров годового дохода; позднее она поспособствовала его браку с богатой

мадемуазель Жирель из Труа. Маркиз де Сен-Синь скончался в 1829 году на руках у Лоранс в окружении отца, матери и детей, которых он обожал. Тогда тайны похищения сенатора еще не знал никто. Людовик XVIII постарался смягчить горе, причиненное этими событиями; но в присутствии маркизы де Сен-Синь он и словом не обмолвился о его причине, что навело ее на мысль о его причастности к трагедии.

Глава 22
Сумрак рассеивается

Покойный маркиз де Сен-Синь истратил свои сбережения, равно как и сбережения родителей, на покупку прекрасного особняка на улице Фобур-дю-Руль; этот дом стал частью установленного для поддержания пэрства майората, к которому относилось также значительное состояние. Чрезвычайная скаредность маркиза и его родителей, которая часто удручала Лоранс, наконец получила объяснение. Со времени этого приобретения маркиза, которая жила в загородном поместье и копила деньги для своих детей, стала охотнее проводить зимы в Париже: ее дочь Берта и сын Поль достигли возраста, когда нужно было позаботиться об их образовании. Мадам де Сен-Синь мало бывала в свете. Ее супруг не мог не знать о сожалениях, обитавших в сердце этой женщины, но это не помешало ему окружить ее нежнейшей заботой; он до самой смерти любил лишь ее одну. Это благородное сердце несколько лет оставалось не оцененным ею, но затем великодушная женщина из рода Сен-Синь подарила

ему столько же любви, сколько получала от него, и ее супруг стал наконец абсолютно счастлив. Лоранс жила преимущественно семейными радостями. Ни одна женщина в Париже не была так любима друзьями, ни одна не пользовалась бóльшим уважением. Побывать в доме Лоранс было большой честью. Нежная, снисходительная, остроумная и, главное, напрочь лишенная жеманства, она нравится душам утонченным, притягивает их, несмотря на то, что в ее облике и поведении угадывается скорбь; каждый по-своему пытается оберегать эту женщину, такую сильную; это ощущение тайного покровительства, возможно, и объясняет притягательность ее дружбы. Ее жизнь, печальная в молодости, ближе к закату стала прекрасной и безмятежной. Ее несчастья всем известны. Никто никогда не спрашивает, кто изображен на портрете кисти Робера Лефевра, который после смерти управляющего стал главным — и мрачным — украшением гостиной. Лицо Лоранс в зрелости носит отпечаток счастья, доставшегося дорогой ценой. Своеобразная религиозная гордость украшает сегодня ее исстрадавшееся чело. К тому моменту, как маркиза стала принимать гостей в своем новом доме, ее капитал, увеличившийся благодаря

закону о компенсациях, давал около двух сотен тысяч ливров ренты, не считая выплачиваемого ее мужу содержания. Лоранс унаследовала одиннадцать сотен тысяч франков, оставшихся после де Симёзов. С тех пор она тратила сто тысяч франков в год, а остальное откладывала на приданое своей дочери Берте.

Берта — живой портрет матери, но без ее воинственной отваги; это вторая Лоранс — изящная, остроумная и, как с грустью добавляет ее мать, «более женственная». Маркиза не хотела выдавать дочь замуж прежде, чем той исполнится двадцать лет. Семейные сбережения, которыми распоряжается старик д'Отсер, в 1830 году помещенные в ценные бумаги, к тому времени, как рента упала, составляли сумму, дающую порядка восьмидесяти тысяч франков годового дохода — приданое Берты, которой в 1833 году исполнилось двадцать.

Незадолго до этого княгиня Диана де Кадиньян, решившая женить своего сына, герцога де Мофриньеза, представила его маркизе де Сен-Синь. Жорж де Мофриньез трижды в неделю ужинал в доме Лоранс, сопровождал мать и дочь в итальянскую оперу и гарцевал вокруг их коляски в Булонском лесу, когда дамы прогуливались.

Обитателям пригорода Сен-Жермен вскоре стало ясно, что он влюблен в Берту. Сложнее было понять, желает ли мадам де Сен-Синь сделать дочь герцогиней, а потом и княгиней, или же это княгиня желает для сына столь богатого приданого; и если прославленная Диана не боится пойти навстречу провинциальной знати, не устрашится ли провинциальная знать славы мадам де Кадиньян, ее привычек и расточительности? Чтобы не помешать планам сына, княгиня сделалась набожной, стала скрывать ото всех свою личную жизнь и летний сезон проводила обычно на вилле в Женеве.

Однажды вечером княгиня де Кадиньян принимала в своем салоне маркиза д'Эспара и председателя Совета министров де Марсе, своего бывшего любовника (то была их последняя встреча; через год г-н де Марсе умер). Растиньяк, заместитель министра в министерстве де Марсе, два посла, два прославленных оратора из палаты пэров, пожилые герцоги де Ленонкур и де Наваррен, граф де Ванденесс с молодой женой и д'Артез также были в числе гостей — довольно-таки разношерстная публика, хотя ее состав объяснялся просто: князю де Кадиньяну понадобился пропуск, получить который можно было через посредство первого

министра. Де Марсе, который не хотел брать на себя такую ответственность, приехал, чтобы сообщить княгине, что дело в надежных руках: этим же вечером один политический деятель со стажем разрешит все затруднения. Объявили о приезде маркизы де Сен-Синь и ее дочери. Лоранс, чьи политические убеждения были непоколебимы, была шокирована, застав наиболее ярких представителей лежитимизма[70] обеих палат за беседой с премьер-министром короля, которого она называла не иначе как «его светлость герцог Орлеанский»[71]; они слушали его и смеялись вместе с ним. Де Марсе напоминал лампу, которая, прежде чем угаснуть, светила особенно ярко. В этом салоне он охотно забывал о политических заботах. Маркиза де Сен-Синь примирилась с присутствием де Марсе, как австрийский двор — с присутствием Сен-Олера: сейчас это был светский лев, а не министр. Однако она вскочила со стула, словно ожегшись о раскаленное железо, когда слуга объявил о прибытии г-на графа де Гондревилля.

---

[70] Примечания: 70

Реакционно-монархическое движение сторонников династии, свергнутой Французской революцией 1830 г.

[71] Примечания: 71

Речь идет о короле Луи-Филиппе I.

— Прощайте, мадам! — сухим тоном сказала Лоранс княгине.

Маркиза увела за собой Берту, пройдя так, чтобы не столкнуться с этим роковым человеком.

— Может статься, что вы только что расстроили женитьбу Жоржа, — шепотом сказала княгиня своему возлюбленному.

Бывший клерк родом из Арси, бывший народный представитель, бывший термидорианец, бывший трибун, бывший государственный советник, бывший граф Империи и сенатор, бывший пэр Людовика XVIII и пэр при нынешней, Июльской монархии угодливо склонился перед прелестной княгиней де Кадиньян.

— Вам более нечего опасаться, прекрасная дама, мы уже не воюем со знатью! — сказал он, присаживаясь рядом с ней.

Мален завоевал расположение Людовика XVIII, для которого его богатый опыт оказался небесполезным. Он активно участвовал в отстранении от дел Деказа и был советником при правительстве Виллеля. Холодно принятый при дворе Карла X, Мален познал горечь разочарований Талейрана. Однако он снова оказался в большом почете при двенадцатом правительстве, которому имел счастье служить и которое наверняка предаст;

и вот уже год и три месяца, как он порвал узы дружбы, продолжавшейся тридцать шесть лет и соединившей его с самым выдающимся нашим дипломатом. Именно в этот вечер, упомянув об этом великом дипломате, Мален сказал:

— А знаете, почему он так враждебно настроен против герцога Бордоского[72]? «Претендент слишком молод» — вот его слова!

— Поразительный совет вы даете молодежи! — ответил ему Растиньяк.

Де Марсе, который после слов княгини погрузился в глубокую задумчивость, пропустил этот обмен остротами мимо ушей. Он исподтишка поглядывал на графа де Гондревилля и заговорил бы не раньше, чем ложившийся рано старик уедет. Гости княгини, ставшие свидетелями ухода мадам де Сен-Синь, причины которого были понятны, молчали, так же как и де Марсе. Гондревилль не заметил Лоранс и не мог догадаться о причинах столь единодушного молчания. Однако жизненный опыт делового человека и политические баталии развили в нем чувство такта; он был очень умен — понял, что присутствие

[72] Примечания: 72

Граф Генрих-Шарль д'Артуа, герцог Бордоский, внук короля Карла X, со 2 по 9 августа 1830 года формально считался королем, однако корона была передана его регенту Луи-Филиппу.

его обременительно, и откланялся. Де Марсе, стоя у камина с видом человека, погруженного в серьезные размышления, взглядом проследил за медленно удаляющимся семидесятилетним стариком.

— Я допустил оплошность, мадам, не назвав вам имя человека, которого взял в посредники, — проговорил наконец премьер-министр, прислушиваясь к стуку колес отъезжающей кареты. — Но я исправлю свою ошибку и дам вам предлог помириться с г-жой де Сен-Синь. То, о чем я хочу рассказать, случилось тридцать лет назад; дело старое, как смерть Генриха IV (хотя, между нами, вопреки поговорке это история малоизвестная, как и множество других исторических катастроф). К тому же готов поклясться, что, даже если бы это дело и не касалось маркизы, оно не стало бы менее занимательным, ибо проливает свет на один известный эпизод нашей новейшей истории — переход через Альпы на перевале Сен-Бернар. Г-да послы получат возможность убедиться: в том, что касается дальновидности, нашим сегодняшним политикам далеко до преемников Макиавелли, которых народные массы вознесли в 1793 году над бурей; часть из них, как поется в романсах, «достигла тихой гавани».

Чтобы сегодня стать кем-то во Франции, нужно было пережить ураганы тех лет…

— Сдается мне, — сказала княгиня с улыбкой, — что вам в этом отношении лучшего и желать нельзя…

Человеку хорошо воспитанному в этот момент полагалось улыбнуться, что все и сделали. Улыбнулся и сам де Марсе. Послы не скрывали любопытства. Де Марсе откашлялся, и все замолчали.

— Однажды июньской ночью 1800 года, — начал повествование премьер-министр, — ближе к трем часам, когда свет свечей бледнеет с наступлением утра, два человека, утомившись играть в буйот[73] (в который и играли-то лишь затем, чтобы занять остальных), перешли из гостиной в будуар (дело происходило в особняке министра иностранных дел, в то время проживавшего по улице дю Бак). Оба они — один уже умер, другой стоит одной ногой в могиле — люди весьма незаурядные, каждый в своем роде. Оба были священниками и оба отреклись от сана; оба женились. Один был простым ораторианцем, другой носил епископскую митру. Первого звали

---

[73] Примечания: 73

Азартная карточная игра, популярная во Франции в XVIII–XIX ст.

Фуше, имя второго я вам не назову, но оба в то время были обычными французскими гражданами — обычными, но весьма непростыми. Увидев, как они удаляются в будуар, те, кто оставался в гостиной, позволили себе легкое любопытство. За ними последовал некто третий. Что до этого человека, считавшего себя куда более могущественным, нежели первые два, имя его было Сийес, и вы все знаете, что до Революции он также служил Церкви. Тот из них, кто прихрамывал, занимал в то время пост министра иностранных дел; Фуше был министром полиции. Сийес недавно отказался от должности консула. Еще один человек, невысокий, сдержанный и суровый, встал со своего места и последовал за этими тремя, сказав своему собеседнику (впоследствии передавшему мне его слова): «Я опасаюсь этих иерейских бреланов!» Это был военный министр. Реплика г-на Карно нисколько не встревожила двух консулов, игравших в гостиной в карты. Камбасерес и Лебран пребывали во власти своих министров, куда более сильных, чем они сами. Почти все эти государственные деятели умерли, и мы им ничего не должны: они принадлежат истории, а история той ночи ужасна; я рассказываю вам все это лишь потому, что один об этом знаю,

и потому, что Людовик XVIII не поведал ее бедной мадам де Сен-Синь, а нынешнему правительству безразлично, знает она ее или нет. Тот из четверых, кто прихрамывал, закрыл дверь прежде, чем было нарушено молчание. Говорят, он даже запер ее на задвижку; только хорошо воспитанные люди снисходят до таких мелочей. Лица у трех священников были бледны и непроницаемы — вы и сами их помните. Румянец выступил только на щеках у Карно. Поэтому он и заговорил первым: «О чем речь?» «О Франции», — должно быть, ответил князь, которым я восхищаюсь как одним из самых выдающихся людей нашего времени. «О Республике!» — конечно же заявил Фуше. «О власти», — возможно, ответил Сийес.

Присутствующие переглянулись. Де Марсе прекрасно изобразил эту троицу голосом, взглядом и жестами.

— Три священника отлично поняли друг друга, — продолжал он. — Карно наверняка взирал на своих коллег и бывшего консула с видом важным и настороженным. Полагаю, он опешил, но не хотел этого показать.

— Вы верите в успех? — спросил у него Сийес.

— От Бонапарта всего можно ожидать, — отвечал военный министр. — Он благополучно

перевалил через Альпы.

— Сейчас он поставил на карту все, — с нарочитой неспешностью проговорил дипломат.

— Давайте без обиняков, — сказал Фуше. — Что мы предпримем, если армия первого консула будет разбита? Будем ли по-прежнему смиренно ему служить?

— Республики как таковой больше нет, — заметил Сийес. — Он — консул на десять лет.

— У него больше власти, нежели когда-то было у Кромвеля, — добавил бывший епископ, — и он не голосовал за казнь короля.

— У нас есть господин, — сказал Фуше, — но сохраним ли мы его, если он потерпит поражение в войне, или вернемся к Республике, какой она была изначально?

— Франция устоит только при условии, что власть снова станет сильной, как во времена Конвента, — наставительно заметил Карно.

— Я согласен с военным министром, — сказал Сийес. — Если Бонапарт вернется побежденным, его нужно прикончить. Слишком много лишнего он наговорил нам за последние семь месяцев!

— У него армия, — с задумчивым видом протянул Карно.

— А на нашей стороне будет народ! — вскричал

Фуше.

— Вы слишком торопитесь, мсье! — произнес князь приятным баритональным басом, который он сохранил и доныне и который заставил бывшего ораторианца опомниться.

— Не будем кривить душой, — проговорил, неожиданно появившись, бывший член Конвента, — если Бонапарт вернется победителем, мы станет его прославлять, а если побежденным — похороним!

— И вы здесь, Мален? — ничуть не встревожился хозяин дома. — Что ж, присоединяйтесь!

И он знаком пригласил его присесть. Благодаря этому обстоятельству никому не известный конвенционалист и стал тем, кем мы его видели и кем он по сей день является. Мален умел хранить тайны, и оба министра никогда его не предавали; но в то же время он оказался в самом центре интриги, и от него зависел ее исход.

— Но о поражении говорить рано! — воскликнул Карно с уверенностью в голосе. — Он только что сделал то, что оказалось не под силу Ганнибалу!

— На случай несчастья у нас уже есть Директория, — тонко улыбнулся Сийес, намекая на то, что их как раз пятеро.

— И мы все заинтересованы в том, чтобы дело Французской революции продолжало жить, — сказал министр иностранных дел. — Мы трое отказались от сана, генерал голосовал за смерть короля. Что касается вас, — обратился он к Малену, — вы владеете имуществом эмигрантов.

— У нас общие интересы, — безапелляционно заявил Сийес, — и они совпадают с интересами отчизны.

— Редчайший случай, — с улыбкой заметил дипломат.

— Нужно действовать, — добавил Фуше. — Сражение вот-вот начнется, и барон Мелас располагает превосходящими силами. Генуя капитулировала, а Массена́ допустил большую ошибку, отправив свою армию в Антиб; до сих пор неизвестно, сумеет ли он присоединиться к Бонапарту, который в противном случае вынужден будет действовать своими силами.

— Кто вам сообщил эти новости? — спросил Карно.

— Они вполне достоверны, — ответил Фуше. — Вы получите их с утренней почтой, как раз к открытию биржи.

— Наши деятели не слишком-то церемонились, — с улыбкой проговорил де Марсе, нена-

долго умолкая.

— Боюсь, когда станет известно о катастрофе, — продолжал Фуше, — мы не успеем организовать клубы, пробудить патриотизм и поменять конституцию. Свое 18 брюмера мы должны подготовить заранее.

— Оставим эту заботу министру полиции, — сказал дипломат. — И поосторожнее с Люсьеном.

(Люсьен Бонапарт был в то время министром внутренних дел.)

— Когда понадобится, я его арестую, — сказал Фуше.

— Господа, — вскричал Сийес, — наша Директория не будет подвержена анархическим настроениям! Мы создадим олигархическую власть, сенат с пожизненным членством и выборную палату, которая будет у нас в руках, — следует учесть ошибки прошлого!

— При таком государственном строе я наконец вздохну с облегчением, — сказал бывший епископ.

— Подыщите надежного человека, который поможет мне связаться с Моро; германская армия станет нашей единственной опорой! — вскричал Карно, который до этого был погружен в глубокие размышления.

— И по-своему, господа, эти люди были правы, — продолжал де Марсе после паузы. — Они проявили решительность в переломный момент, и я поступил бы так же.

— Господа! — воскликнул Сийес торжественным и серьезным тоном (продолжал де Марсе свой рассказ).

И все прекрасно поняли, какой смысл он вложил в это обращение. «Господа» обменялись взглядами, выражавшими уверенность и обещание хранить тайну и солидарность, в случае если Бонапарт вернется триумфатором.

— Каждый из нас знает, что ему делать, — добавил Фуше.

Сийес осторожно отодвинул задвижку — тонкий слух священника его не обманул. Вошел Люсьен Бонапарт.

— Отличные новости, господа! Курьер доставил г-же Бонапарт записку от первого консула: он начал кампанию с победы при Монтебелло!

Три министра переглянулись.

— То была решающая битва? — спросил Карно.

— Нет, но генерал Ланн провел ее блестяще. Сражение было кровавым; против его десятитысячной армии было брошено восемнадцать тысяч австрияков. Благо дивизия, посланная

им на помощь, подоспела вовремя. Противник отступает. Наконец фронт Меласа прорван.

— Когда состоялась битва? — спросил Карно.

— Восьмого июня, — сказал Люсьен.

— Сегодня у нас тринадцатое, — продолжал сведущий министр. — Что ж, судя по всему, судьба Франции решается сейчас, пока мы беседуем.

(И действительно, сражение при Маренго началось на рассвете 14 июня.)

— Четыре дня смертельного ожидания! — воскликнул Люсьен.

— Смертельного? — холодно, с вопросительной интонацией повторил министр иностранных дел.

— Четыре дня… — проговорил Фуше.

Очевидец заверял, что оба консула, Камбасерес и Лебран, узнали эти новости, только когда шесть господ, о которых я веду речь, вернулись в гостиную. Было четыре часа утра. Фуше уехал первым. И вот что предпринял с поистине адской и скрытой от посторонних глаз предприимчивостью этот тайный гений — глубокий, неординарный, мало кем понятый, но талантами не уступав-

ший Филиппу II[74], Тиберию и Борджиа. В деле с высадкой англичан на остров Валхерн он показал себя искусным военачальником, тонким политиком и предусмотрительным администратором. Он был у Наполеона единственным толковым министром, и всем вам известно, как он в то время напугал императора. Фуше, Массена и князь — величайшие деятели своего времени, самые светлые умы в том, что касается дипломатии, военного дела и управления страной из всех, что я знаю. Если бы Наполеон чистосердечно приобщил их к своим замыслам, сейчас бы не существовало Европы — была бы одна обширная Французская империя. Фуше отошел от Наполеона, лишь когда увидел, как отстраняют от дел Сийеса и Талейрана. За три дня Фуше, умудрившись скрыть ото всех руку, разворошившую золу в этом очаге, организовал всеобщее смятение, довлевшее над Францией и пробудившее республиканские настроения 1793 года. Поскольку необходимо прояснить этот запутанный момент нашей истории, расскажу вам, что эта агитация была им же и создана (бла-

[74] Примечания: 74

Судя по всему, речь идет о Филиппе II Габсбурге, короле Испании и Португалии, одном из наиболее заметных политических деятелей Европы XVI ст.

го все нити монтаньярского движения Фуше до сих пор держал в своих руках); она же породила республиканские заговоры, едва не стоившие первому консулу жизни, когда он вернулся после победы при Маренго. Сознание того, что это он — причина этих бед, дало ему силу указать Бонапарту (вопреки противоположному мнению, которого тот придерживался) на тот факт, что в этих заговорах замешаны скорее республиканцы, нежели роялисты. Фуше прекрасно знал людскую натуру. Он рассчитывал на Сийеса по причине его обманутых амбиций; на г-на де Талейрана — потому что тот был истинным аристократом; на Карно — из-за его исключительной честности. Однако Фуше опасался нашего сегодняшнего гостя, и вот как он его обезоружил. В те времена Мален был всего лишь Маленом, состоявшим в переписке с Людовиком XVIII. Министр полиции заставил его сочинить прокламации революционного правительства, его акты, постановления, указ об объявлении вне закона участников переворота 18 брюмера. Более того, этому соучастнику поневоле пришлось самому обращаться в типографию и печатать необходимое количество экземпляров, а потом держать все эти тюки наготове у себя дома. Владельца типографии

арестовали как заговорщика, поскольку для этих целей был предусмотрительно избран бывший революционер; полиция отпустила его только через пару месяцев. Этот человек умер в 1816 году в полной уверенности, что участвовал в заговоре монтаньяров. Одним из наиболее замечательных эпизодов, разыгранных полицией Фуше, является, безусловно, тот, в котором богатейший банкир того времени узнаёт с первой почтой, что битва при Маренго проиграна. Удача улыбнулась Наполеону, если вы помните, только к семи вечера. В полдень посланник этого короля финансов, побывав на поле битвы, решил, что французская армия разгромлена, о чем и сообщил в своей депеше. Министр полиции рассылает всюду расклейщиков афиш и уличных крикунов, а один из его приближенных привозит целую телегу печатных прокламаций, и вдруг вечерняя почта в страшной спешке сообщает о триумфе — вся Франция буквально сходит с ума от радости. Разумеется, многие биржевые игроки понесли потери, и немалые. Пришлось снова созвать расклейщиков афиш и глашатаев, собравшихся было объявить Бонапарта вне закона и сообщить о его политической смерти, и попридержать их до тех пор, пока не выйдут

из печати прокламации и плакаты, превозносящие победу первого консула. Мален, на которого могла пасть ответственность за заговор, так испугался, что погрузил свои тюки на повозки и ночью вывез их в Гондревилль, где и упрятал эти страшные бумаги в подвале шато, купленного им при посредстве некоего господина… он еще назначил его председателем имперского суда… как же его звали? Ах да! Марьон! Управившись с этим, Мален возвратился в Париж — как раз вовремя, чтобы поздравить первого консула. Наполеон, как вы знаете, после сражения при Маренго с поразительной быстротой приехал из Италии во Францию. И ни для кого из тех, кто доподлинно знает подноготную тех событий, не секрет, что его вызвал Люсьен. Министр внутренних дел опасался какой-то выходки со стороны монтаньяров и, не зная точно, откуда дует ветер, грозу все же предугадал. Заподозрить трех министров ему и в голову не пришло; общественные волнения он приписал ненависти, которую породил переворот 18 брюмера, и той стойкой уверенности, с которой бывшие деятели 1793 года ожидали провала итальянской кампании Наполеона. Крики «Смерть тирану!» в Сен-Клу до сих пор звучали у Люсьена в ушах. Битва

при Маренго удерживала Наполеона на полях Ломбардии до 25 июня; во Францию он прибыл 2 июля. Только представьте, с какими лицами наши пять заговорщиков поздравляли первого консула с победой в его резиденции в Тюильри! В той же самой гостиной Фуше сказал трибуну — Мален, которого вы видели сегодня вечером, непродолжительное время был и трибуном — подождать еще немного, поскольку еще не все кончено. По мнению господ де Талейрана и Фуше, Бонапарт был недостаточно «привержен делу Революции» в сравнении с ними, и они решили эту связь упрочить, ради собственной безопасности, посредством дела герцога Энгиенского. Все нити заговора, целью которого была смерть герцога, ведут к дому министра иностранных дел, и случилось это во время итальянского похода. Конечно, в наши дни любому, кто общается с людьми хорошо осведомленными, ясно, что Бонапарта обвели вокруг пальца, как дитя, всё те же г-н де Талейран и Фуше, желая рассорить его с домом Бурбонов, чьи посланцы в тот период пытались сблизиться с первым консулом.

— Талейран однажды играл в вист в салоне г-жи де Люин, — вставил кто-то из присутствующих. — И вот в три утра он вынимает из кармашка часы,

прерывает роббер и спрашивает внезапно, без всякого перехода, у трех своих партнеров, есть ли у принца Конде дети помимо г-на герцога Энгиенского. Столь несуразный вопрос, особенно из уст г-на де Талейрана, вызвал огромное изумление. «Почему вы спрашиваете о том, что и так вам прекрасно известно?» — поинтересовались у него. «Чтобы сообщить вам, что в этот момент дому Конде приходит конец». Хотя г-н де Талейран находился в особняке де Люинов с начала вечера, он знал наверняка, что Бонапарт не сможет помиловать герцога.

— Но я так и не понял, — сказал Растиньяк, обращаясь к де Марсе, — при чем тут г-жа де Сен-Синь?

— Ах, друг мой, я забыл, что вы тогда еще были очень юны, и не закончил свой рассказ. Но вы наверняка наслышаны о похищении графа де Гондревилля, которое повлекло за собой гибель близнецов де Симёз и старшего д'Отсера, тогда как младший, женившись на мадемуазель де Сен-Синь, стал сначала графом, а потом и маркизом де Сен-Синь.

И де Марсе по просьбе многих, кто не был знаком с подробностями этого дела, рассказал, как все было, уточнив, что роль похитителей

исполнили головорезы из имперской полиции, которым поручено было уничтожить тюки — те самые, привезенные сенатором, уверовавшим в будущность Империи, в Гондревилль, чтобы их там сжечь.

— Подозреваю, что заодно Фуше приказал поискать доказательства тайных сношений Малена с Людовиком XVIII, которые не прекращались даже в эпоху Террора. Но есть в этом жутком деле немаловажная деталь — личный интерес одного из главных действующих лиц. Этот человек жив и поныне. Он из разряда тех подчиненных, которые становятся незаменимыми и обращают на себя внимание вышестоящих благодаря своей изобретательности и коварству. Похоже, мадемуазель де Сен-Синь дурно обошлась с ним, когда он явился, чтобы арестовать де Симёзов.

Что ж, мадам, теперь вы знаете разгадку этой тайны. Вы сможете все объяснить маркизе де Сен-Синь, и она наконец поймет, почему Людовик XVIII ни словом не обмолвился об этом деле.

Париж, январь 1841 г.